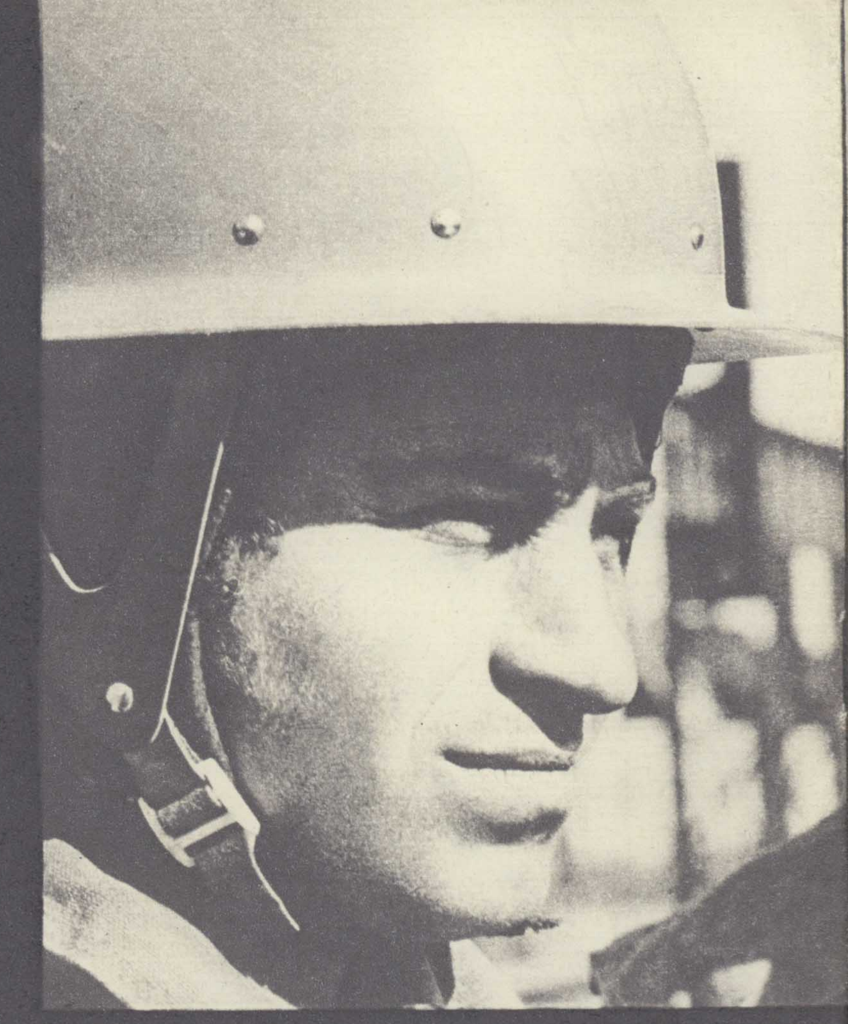

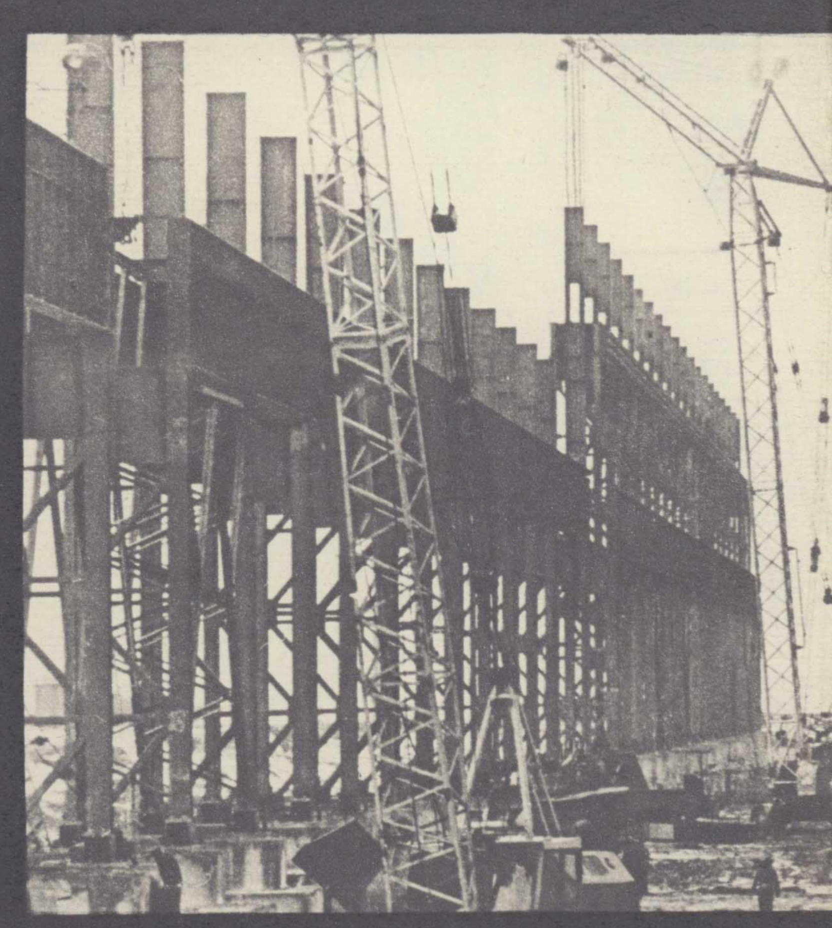
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 15 АПРЕЛЬ 1976

СЛАВА
СТРОИТЕЛЯМ
„АТОММАША"

Вот он, первый дом нового Волгодонска.

Для В. Козлова и К. Федорова это первая большая стройка.

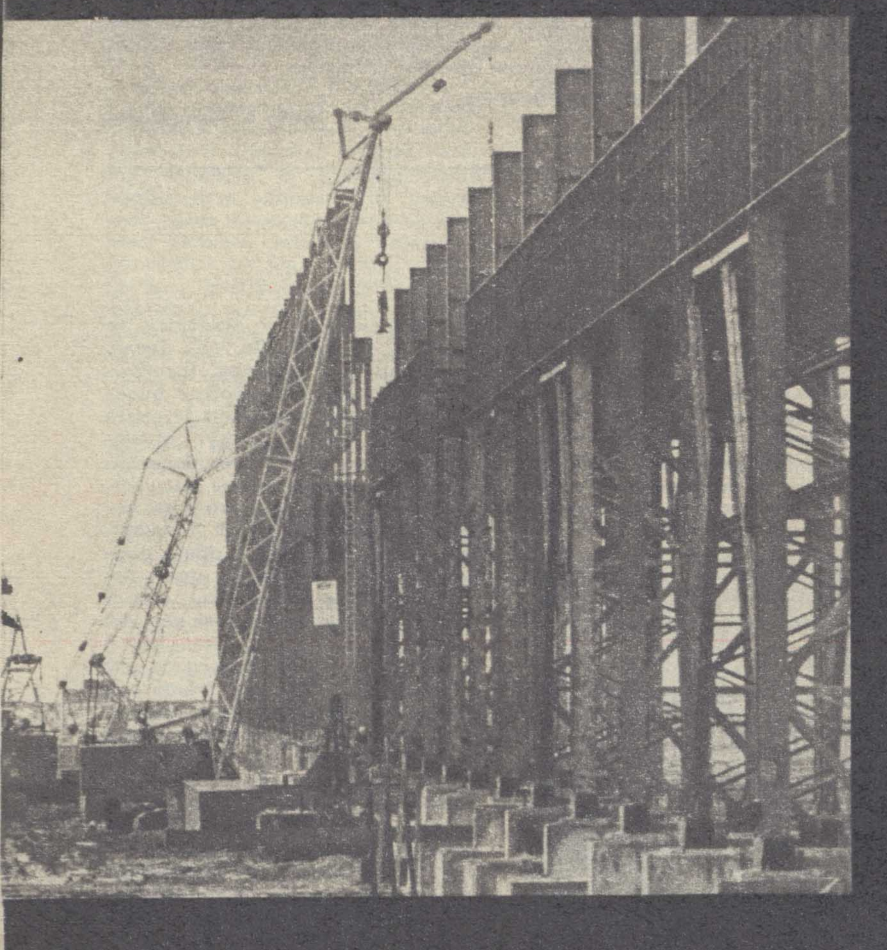

Растет главный корпус «Атоммаша».

адреса великих свершений

«АТОММАШ» НАЧИ

Монтажники всегда на высоте.

НАЕТСЯ...

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

См. стр. 28—29

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ШВЕЦИИ В МОСКВЕ

5 апреля по приглашению Советского правительства в Советский Союз с официальным визитом прибыл премьер-министр Швеции Улоф Пальме.

Высокого гостя встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Кириллин, другие официальные лица.

6 апреля в Кремле начались переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и премьер-министром Швеции У. Пальме.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Награльяна

---

17 апреля – всесоюзный коммунистический субботник

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

Заседание штаба по подготовке коммунистического субботника на Новосибирском заводе точного машиностроения закончилось, но люди расходиться не спешили, оживленно переговаривались о предстоящем событии, делились мнениями. Здесь традиционно начинают готовиться к «красной субботе» заранее, чуть ли не за месяц.

— Не потому ли и субботники всегда удаются вам на славу?— поинтересовался я у секретаря парткома завода Зинаиды Трофимовны Ментюковой.

— Наверное,— согласилась она, а потом добавила:— Мы ведь к субботнику всегда готовимся, как к большому празднику. Сейчас, например, печатаем красочно оформленные приглашения, которые будут розданы не только всем работающим, но и всем работавшим когда-то на заводе. Признаюсь, делаем это с умыслом, потому что наши ветераны — великие мастера, они придут на конвейер, и молодым за ними не угнаться. Да, да... Такие, например, как Новиков, Варавкина, Гавин... Гавиных вообще будет целая династия трудиться 17 апреля. Вместе с ними придут старшеклассники из трех наших подшефных школ, придут воины подшефной воинской части — это у нас тоже традиционно. Какой торжественный грядет день! У обеих проходных весь день будут играть самодеятельные оркестры, заводская радиогазета «Комета» каждый час будет информировать, как в цехах и на участках идут дела, кто впереди. Мы решили добиться в этот день наивысшей производительности труда. Рабочие нашего завода гордятся, что их продукция — цветные видеомагнитофоны «Кадр-3П» обслуживали XXV съезд КПСС, передавая репортажи о форуме коммунистов Советского Союза на телецентры земного шара. 17 апреля в цехе сборки видеомагнитофонов сядут за свои рабочие места радиомонтажники и регулировщики, инженеры и сборщики — те, чьи руки создают эти замечательные аппараты... Кроме того, завод выпустит сотни магнитофонов «Комета-209» и другой продукции. А вечером того же дня штаб «красной субботы» подведет итоги и вручит почетные дипломы победителям...

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (2544)

10 АПРЕЛЯ 1976

УТВЕРЖДАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Олег ШМЕЛЕВ

Каждый понимает, что судебные «палаты» не самое веселое место на свете. Угрюмы лица и согбенны фигуры тех, кого привели сюда кривые дороги или печальная необходимость. Тут горе, тут боль. Но...

Но нередко можно увидеть человека, идущего в суд или покидающего здание суда с улыбкой на лице. Ну, если и не с улыбкой, то с вполне довольным выражением, ибо здесь не только осуждают преступивших закон, но и ограждают законные права и интересы людей.

...Трое весьма квалифицированных в своей области специалистов (назовем их лишь по первым буквам фамилий — Б., К. и Л.) возбудили иск к Министерству электротехнической промышленности СССР. Суть дела заключалась в следующем.

Они придумали и разработали свой способ высокочастотной электроимпульсной обработки.

Нам, незнакомым со сложной сферой электротехники, нет необходимости ломать голову, чтобы вникнуть в специфические особенности вопроса. Но народный судья Киевского района Москвы Евгения Петровна Казьмина, занимавшаяся этим делом, обязана была разобраться во всем досконально, даже в нюансах и деталях, доступных лишь узким специалистам. Человек, окончивший юридический факультет МГУ, не может обладать багажом знаний, полученных выпускником технического института. Но тут она прибегнет к помощи сведущих людей — экспертов, которые все аккуратно разложат по полочкам. Однако и эксперты, добросовестно исполняя свою нелегкую миссию, иногда совершают ошибки в выводах. Тем больше нравственная ответственность того, кто распутывает хитросплетения доводов и опровержений, приводимых тяжущимися сторонами. Ведь его задача — добиться справедливости, найти и утвердить ее во что бы то ни стало.

Итак, в чем заключалось дело Б., К. и Л.?

За свое изобретение они получили в качестве вознаграждения три тысячи рублей. Им это представлялось до обидного мало. Подали в суд иск о взыскании с министерства недостающей суммы. Но какой именно? Определить справедливый предел могло только объективное расследование.

Евгения Петровна, как всякий человек с сердцем и нервами, наверное, не лишена пристрастий, но, как всякий настоящий судья, уходя на работу, она оставляет их дома. Не семь, а десять и сто раз приходится ей отмерять, прежде чем один раз отрезать. Бывали в ее практике случаи, когда по видимости обиженные изобретатели, искавшие защиты у закона, оказывались при ближайшем рассмотрении попросту очковтирателями. Но в случае с Б., К. и Л. Евгения Петровна, ознакомившись с представленными документами, сразу поняла, что эти трое, безусловно, правы. В их пользу говорил хотя бы уже тот факт, что изобретение запатентовали двенадцать капиталистических стран, в том числе США, Япония, ФРГ, Швеция. От продажи лицензии во Францию наше государство получило прибыль. Казьмина без колебаний приняла дело к производству.

Для выяснения спорных сторон вопроса был привлечен эксперт, которого Евгения Петровна знает как очень опытного и беспристрастного специалиста. Интересы Министерства электротехнической промышленности отстаивал высокообразованный человек.

Эксперт доказывал — и истцы были с ним согласны,— что изобретателям следует выплатить гонорар общей суммой 17 185 рублей (включая то, что они уже получили к данному времени). Представитель министерства утверждал, что Б., К. и Л. достаточно вознаграждены полученным и не имеют оснований претендовать на большее.

В ходе разбирательства постепенно становилось очевидным, что обе эти крайние, полярные позиции страдают определенным изъяном. Но чья точка зрения ближе к истине?

Не подлежали сомнению доводы истцов, подкрепленные выводами экспертизы: экономия от изобретения давала его авторам право на дополнительный гонорар, но сумма в 17 с лишним тысяч рублей выглядела несколько завышенной. Представитель министерства, отказывавший авторам в праве на какое-либо дополнительное вознаграждение, основывал свою позицию на том очевидном факте, что предложенный изобретателями способ и устройство для электроимпульсной обработки ковочных штампов требует для своего практического применения целого комплекса другого оборудования и что, стало быть, самодовлеющее значение изобретения имеет определенные пределы. То, что придумано тремя изобретателями,— только небольшая часть большого комплекса. Свою долю, пропорциональную этой части, они получили, и никаких добавок им не положено...

Но так ли это? И каков подлинный эффект, полученный от изобретения? И какова истинная доля Б., К. и Л.?

Потребовались новые экспертизы, сопоставления, тщательное взвешивание доводов и контрдоводов. У тех, кто присутствовал на судебных заседаниях, головы пухли от обилия цифр. И все больше распухало — но уже в прямом, а не фигуральном смысле — судебное дело. Одно многочасовое заседание сменялось другим, уже все устали — и истцы и ответчики. Лишь судья не имел права уставать, ибо он искал истину.

Евгения Петровна была между двух огней. Она отчетливо сознавала, что, стоя на страже интересов трех изобретателей, поступает согласно духу и букве закона. Но имелись основания считать сумму в 17 тысяч рублей неправомерной, завышенной. А она ни в коем случае не могла допустить, чтобы государству был нанесен хоть малейший ущерб. Долго, очень долго тянулось это дело, шесть заседаний потребовалось, прежде чем суд сумел вынести справедливое решение. Общая сумма причитающегося изобретателям вознаграждения, включая уже полученные ими деньги, была определена в 13 403 рубля 34 копейки. И эти-то копейки, пожалуй, лучше всего говорят о скрупулезности, с которой велось разбирательство... Изобретатели остались довольны.

Евгения Петровна Казьмина ведет прием. Фото А. Бочинина.

Кто наблюдал Евгению Петровну в эти шесть заседаний, мог подумать: вот человек не по-женски педантичный и сухой. Но это ложное впечатление, которое тотчас развеялось бы на слушании другого дела, имевшего иной сюжет и окраску.

...Банальный случай: гражданка М. возбудила дело о разводе со своим супругом по причине его беспробудного пьянства. Разводящимся без малого по полвека, они на одиннадцать лет старше Казьминой, однако были минуты, когда Евгения Петровна смотрела на них с чувством, похожим на чувство превосходства взрослого над детьми. Ей было искренне жаль этих людей. Когда разводятся молодые, это тоже печально, но там хоть утешает соображение, что у них еще все впереди, и он и она еще сумеют создать новые семьи. А тут люди разрушают семью в преклонном возрасте. Положим, М., подавшая заявление о разводе, не может дольше терпеть безобразий, творимых пьяным мужем. Допекло ее, нет больше сил. Положим, двое их детей уже выросли, и разлад между родителями не нанесет им травмы, не отразится на их благополучии.

Но Евгения Петровна, тактично вторгаясь в жизнь посторонних людей, постепенно начинала испытывать ощущение, что развод, освободив М. от брачных уз, принесет ей весьма сомнительное облегчение. Не шутка — прожить вместе двадцать пять лет, а потом вдруг все разорвать. О злополучном супруге и говорить нечего. Сейчас есть хоть какие-то тормоза. Оставшись одиноким, он их лишится. И с ним, можно считать, все будет кончено... Глядеть на это спокойно Евгения Петровна была не в силах. В немногих словах она обрисовала гражданину М. ждущую его пропасть, если он не бросит пить.

Может быть, обстановка суда подействовала, может быть, искренность и проникновенность тона судьи, но в сознании М. что-то перевернулось. Невозможно было не верить ему, когда он сказал: «Справлюсь». И жена тоже поверила.

Супруги попросили отложить суд, дать время еще подумать, попробовать склеить то, что разбито. Когда они покинули зал судебных заседаний номер девять, Евгения Петровна облегченно вздохнула.

А совсем недавно М. приходила к ней, чтобы поблагодарить. Муж, кажется, одумался, очень на него подействовала судебная встряска. Сейчас живут в согласии...

Что еще сказать о работе судьи? Что он страж закона, что он вершит правосудие именем Республики, что он не имеет права ошибаться, ибо его ошибка может сломать человеческую судьбу? Что в каждое дело он вкладывает часть собственной души? Но это каждый понимает, как и то, что суд утверждает справедливость.

Молодежная бригада Отто Запажка работает на машиностроительном заводе в Брно. Этот коллектив носит имя «бригады чехословацко-советской дружбы».

Фото ЧТК — ТАСС.

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ СВИДЕ

Ян РИШКО,
генеральный директор Чехословацкого радио

Конец прошлого и начало этого года стали важнейшей вехой жизни социалистических государств. Съезды братских коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества, которое Л. И. Брежнев назвал одним из самых замечательных порождений нашей эпохи, подводят итоги и ставят задачи на будущее.

Сразу после окончания XXV съезда КПСС мне попались на глаза сетования одного западногерманского журналиста. «Когда советские коммунисты собираются каждые пять лет на свой съезд, на Москву смотрит весь мир,— писал он.— Но совершенно иначе мировая общественность реагирует на съезды некоммунистических партий стран Запада. Об их итогах в иностранной печати дается лишь краткая информация».

Ну что же, господа, значит, мир интересуется и хочет знать, что говорят и думают о настоящем и будущем коммунисты! Очевидно, его меньше волнует то, что говорят и думают консерваторы или либералы, радикалы или демократы.

Страны социалистического содружества, где реально воплощены в жизнь идеи Маркса, Энгельса и Ленина,— это своего рода зеркало истории. И всякий раз, когда в него заглядывают представители мира капитала, они видят, что суд истории выносит им суровый приговор. И они боятся этого зеркала...

Да, время работает на социализм, а будущее человечества — коммунизм. Многомиллионная армия коммунистов нашей планеты глубоко и непоколебимо убеждена в этом. Сознательно, целенаправленно ведут коммунисты борьбу за новый мир, и миллионы людей повсюду воочию убеждаются в их правоте, потому что мир капитала переживает глубокий кризис, потому что он не способен открыть перед человечеством перспективы. Именно поэтому сегодня так велик повсюду интерес к съездам коммунистов.

С трибуны XXV съезда КПСС Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Густав Гусак рассказал советским людям о том, в каких условиях встречают чешские и словацкие коммунисты свой XV партийный съезд.

Годы между XIV и XV съездами КПЧ мы считаем самыми успешными за весь тридцатилетний период социалистического строительства в Чехословакии. Именно за период пятой пятилетки наше народное хозяйство возросло на одну треть, вопреки всем маловерам и скептикам мы достигли таких успехов в экономической области и социальном развитии, каких не удавалось достичь никогда прежде. ЧССР по своему экономическому потенциалу, жизненному уровню и социальным достижениям принадлежит сегодня к наиболее развитым странам мира. Враги социализма, предрекавшие Чехословакии упадок и крах, ошиблись в своих прогнозах. После провала намерений сил империализма вырвать нашу страну из социалистического лагеря ЧССР и КПЧ стали излюбленной мишенью нападок и клеветы антикоммунистов. И все-таки время от времени даже во вражеском стане находится один-другой, кто напишет несколько объективных слов о наших успехах — ведь правду не скроешь!

Так, газета английских финансистов «Файнэншл таймс» недавно признала, что в экономическом отношении людям в Чехословакии живется удивительно хорошо. «Жизненный уровень непрерывно повышается, магазины предлагают широкий ассортимент продуктов питания и товаров народного потребления. Автомобили можно купить свободно и относительно недорого, тысячи людей уже имеют загородные дачи, а крестьяне живут в благоустроенных домах с шестью и более комнатами».

В чем источник наших успехов? Заслуга принадлежит прежде всего Коммунистической партии Чехословакии. Неопровержимо доказано, что политика КПЧ, сформулированная на ее XIV съезде, была единственно правильной и отвечала развитию нашего общества. Обогащенная опытом борьбы с антисоциалистическими и правооппортунистическими силами, наша партия последовательно руководствовалась учением марксизма-ленинизма. Экономическое развитие страны, рост жизненного уровня и социальная программа после XIV съезда убедительно свидетельствуют об успехах, которых можно добиться, если коммунистическая партия сумеет решительно избавиться от оппортунизма и ревизионизма и руководствуется принципами марксистско-ленинского политического курса.

Правые оппортунисты, проникшие в руководство КПЧ, привели нашу страну в кризисные 1968—1969 годы на грань экономического, социального и политического краха. Но как только страна снова твердо встала на марксистско-ленинский путь, направляя творческие силы народа на строительство социализма, резуль-

БРНО — ЗВЕЗДНЫЙ

Музей Звездного городка пополнился новым экспонатом. Недавно посол ЧССР в Советском Союзе Я. Гавелка торжественно вручил советским космонавтам подарок чехословацких рабочих и внешнеторгового объединения «Рапид» — уникальный ковер-гобелен, на котором изображена стыковка космических кораблей «Союз» и «Аполлон». Гобелен выполнен членами молодежной бригады социалистического труда фабрики «Влнена» в городе Брно по эскизу художника Андрея Соколова.

С ответным словом выступил Главный маршал авиации, главнокомандующий ВВС, заместитель министра обороны СССР П. С. Кутахов.

На торжественной церемонии присутствовали космонавты В. А. Шаталов, Г. Т. Береговой, В. И. Севастьянов, А. А. Леонов, В. Н. Кубасов, Г. С. Шонин и другие товарищи.

В. МАНИОН

На снимке: советник посольства ЧССР по культуре Я. Майхарчик, А. А. Леонов, художник А. К. Соколов, В. Н. Кубасов, секретарь посольства ЧССР по культуре Я. Суркош.

Фото А. Кулешова.

таты не замедлили сказаться. Это неопровержимое свидетельство успехов социалистической Чехословакии предъявлено суду истории на глазах всех народов, и оно приводит в ярость мировую буржуазию.

И еще об одном источнике наших успехов нельзя не упомянуть, поскольку он имеет первостепенное значение. В истекшие пять лет мы строили социализм, опираясь на братское интернациональное сотрудничество с Советским Союзом. Мы черпали силы из сокровищницы теоретического и практического опыта советских коммунистов. Наконец, мы могли на благо нашему народу использовать мирные условия и разрядку международной напряженности, достигнутые благодаря претворению в жизнь Программы мира, разработанной XXIV съездом КПСС и принятой в качестве общей политики всем нашим социалистическим содружеством.

Твердую и неизменную решимость продолжать этот курс подтвердила партийно-правительственная делегация ЧССР, которая в ноябре прошлого года посетила Советский Союз. Западногерманская печать, комментируя итоги этого визита, назвала его шагом, который «еще более прочно привяжет Прагу к Москве во всех областях». Похоже на то, что они в 1975 году «открыли Америку»! Словно не знали и никогда не слышали они о нашем твердом, окончательном и бесповоротном решении — «с Советским Союзом на вечные времена». Словно неведомо им было, что путь этот тру-

ТЕЛЬСТВО

довой народ Чехословакии избрал сразу же после победы над буржуазией в 1948 году и выбор был продиктован классовым сознанием трудящихся, коммунистов, интернациональными чувствами, которые всегда питал наш народ к Стране Советов.

И поэтому неотъемлемой частью подготовки к предстоящему съезду КПЧ стало изучение решений XXV съезда. Ведь для нас, чехословацких коммунистов, опыт КПСС и итоги ее съезда, как отметил товарищ Г. Гусак, «неисчерпаемый источник познания и вдохновения в деле творческого применения идей марксизма-ленинизма в нашей революционной практике социалистического строительства».

Прага
(по телетайпу)

РЕШИМОСТЬ АФРИКИ

Юрий КОРНИЛОВ

Итак, Ангола свободна! Под ударами патриотов последние воинские части расистского режима Южно-Африканской Республики покинули пределы НРА, и теперь флаги молодого африканского государства реют над всей его территорией от анклава Кабинда на севере до крутых берегов реки Кунене, по которой проходит южная граница страны. Это огромная военная и политическая победа героического ангольского народа, опирающегося на поддержку всех прогрессивных, демократических сил. Вместе с тем торжество правого дела Народной Республики Ангола, которая, едва родившись, стала объектом иностранной военной интервенции, — еще одно убедительное свидетельство того, что ныне нет в мире сил, способных остановить победную поступь национально-освободительного движения.

Вглядываясь сегодня в новейшую политическую карту Африки, сопоставляя ее с картами, изданными всего несколько десятилетий назад, мы воочию видим, какие огромные, поистине разительные перемены произошли на африканском континенте. Особенно важным для его судеб был год 1974-й, когда под натиском революционных сил рухнул португальский фашизм, а вместе с ним начала стремительно разваливаться пятисотлетняя португальская колониальная империя. Провозглашение независимости Мозамбика, Анголы, Островов Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи, а также Гвинеи-Бисау, ставшей республикой в 1973 году, означало, что пламя национально-освободительной борьбы сожгло все главные бастионы «классического» колониализма — ныне на африканской земле осталось лишь несколько территорий, народы которых еще томятся под иностранным господством.

С крахом португальского колониализма коренным образом изменилась вся обстановка на юге африканского континента. В результате ликвидации «буферных зон», находившихся под португальским колониальным владычеством, мощный вал освободительной борьбы вплотную приблизился к границам ЮАР, Родезии — этим цитаделям расизма, к оккупируемой расистами Намибии. Надо ли говорить, какие важные преимущества получили в результате этого национально-освободительные движения на юге Африки! Эти преимущества уже сказываются. Усиливаются, до предела обостряются социально-экономические и политические противоречия внутри ЮАР. Крепнет, набирает силы национально-освободительное движение народа Зимбабве (африканское название Родезии). Активизирует деятельность патриотическая Народная Организация Юго-Западной Африки (Намибия). Не может быть сомнений, что конец семидесятых годов войдет в историю как решающий этап битвы африканских народов за ликвидацию последних язв колониализма, расизма, апартеида на их родной африканской земле.

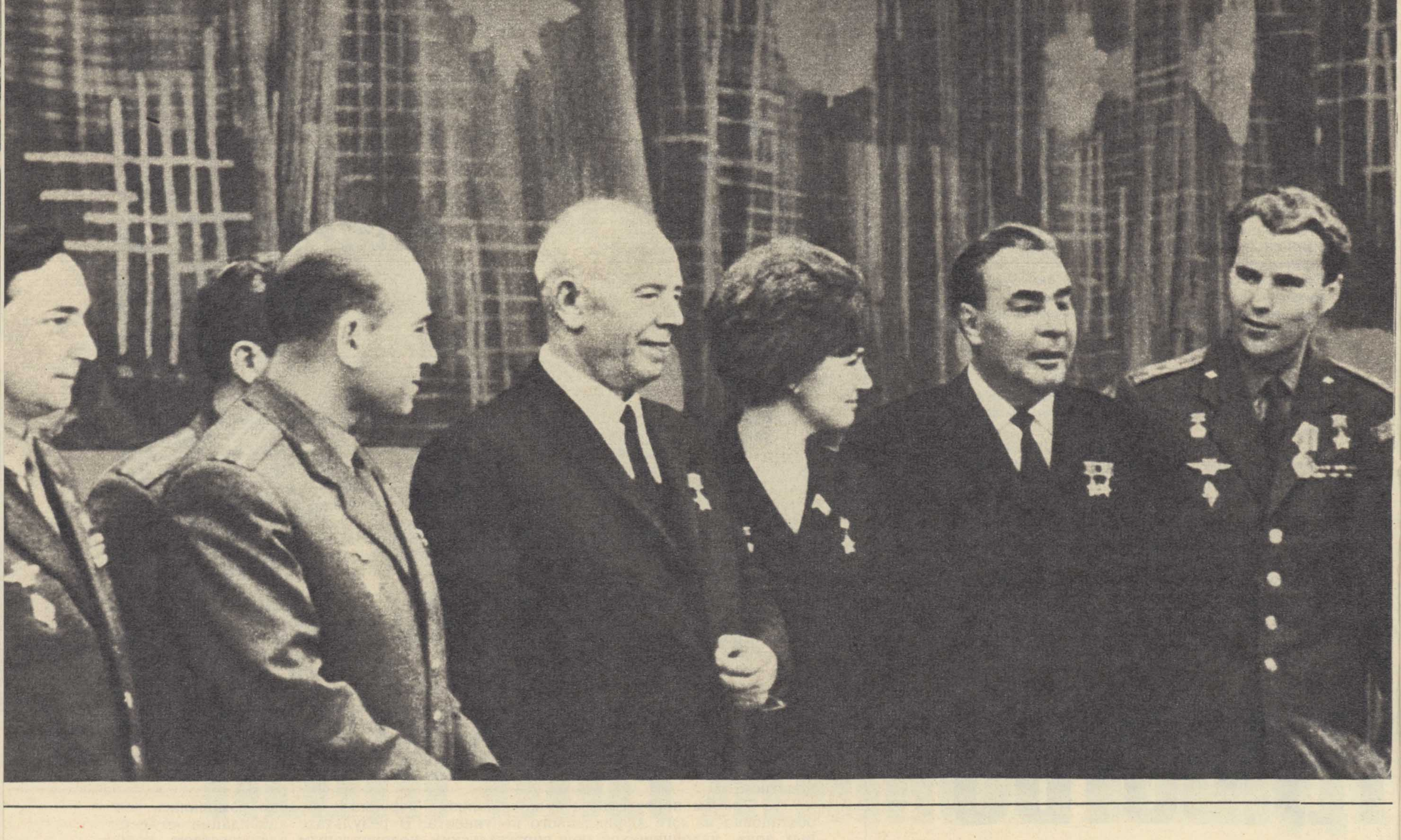
Эта битва не будет легкой: современные наследники колониальных завоевателей не прекращают подрывной деятельности против независимых стран, они все еще рассчитывают использовать последние расистские заповедники Южной Африки в качестве ударной силы против борцов за свободу. Пользуясь услугами местной реакции, неоколонизаторы и действующие заодно с ними маоисты пытаются подорвать единство африканских народов, их волю к борьбе. Одновременно идет лихорадочное укрепление расистских бастионов. Вот последнее сообщение из Претории: согласно проекту нового бюджета на 1976/77 финансовый год, военные ассигнования ЮАР увеличатся на 40 процентов. За этой цифрой — военно-промышленный комплекс западных держав — членов НАТО, который снабжает южноафриканских правителей новейшим оружием.

Заправилы империалистических монополий, стремящиеся сохранить свои позиции в Африке, прикидываются ее друзьями и благодетелями. Африка — континент несметных природных сокровищ, но колониализм оставил освободившимся африканским странам страшное наследство: из 25 государств мира, отнесенных статистикой ООН к «наименее развитым», 16 находится в Африке. Молодые страны встречаются с серьезными трудностями в становлении национальной экономики, и этим спешат воспользоваться неоколонизаторы. Но народы развивающихся государств все лучше разбираются в том, где их друзья, а где недруги, маскирующие свои колонизаторские цели. В борьбе за экономическую независимость, как и в борьбе за независимость политическую, эти народы все чаще обращают свои взоры к Советской стране, к другим государствам социалистического содружества.

И это естественно, это закономерно. Советский Союз, верный интернациональному долгу, всегда твердо стоял и стоит на стороне народов, борющихся за независимость и социальный прогресс. На весь мир прозвучали слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева из его доклада на XXV съезде КПСС о том, что Коммунистическая партия Советского Союза оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу. При этом Советский Союз не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добивается политического господства, не домогается военных баз. Советские люди поступают так, как велят им их революционная совесть, их коммунистические убеждения.

Да, битва африканских народов против империализма, колониализма, расизма, идущая на политическом, экономическом, а нередко и на военном фронтах, это нелегкая битва. И тем не менее исход ее не оставляет сомнений: как бы ни сопротивлялись колонизаторы, их дело обречено. Порукой тому — растущее единство народов Африки, их твердая решимость идти по пути независимости. Порукой тому — крепнущая солидарность с участниками национально-освободительной борьбы всех прогрессивных сил земного шара, всех, кому дороги идеалы мира, свободы, социального прогресса.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПЯТНАДЦАТЬ КО

интервью «огонька»

На вопросы нашего корреспондента отвечает дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, делегат XXV съезда партии, генерал-майор авиации Алексей ЛЕОНОВ

— Алексей Архипович, давайте наш разговор о космосе начнем с Земли. С воспоминаний о первом ее космонавте. Вам много приходилось ездить, много встречаться, беседовать с иностранцами. Как относились и относятся к имени Юрия Гагарина за границей?

— Я был во многих странах Европы, Северной и Южной Америки. И всегда, когда люди узнавали, что к ним приехал советский космонавт, они говорили: «О, Гагарин!» Для многих это имя уже стало символом. В каждой беседе, при каждой встрече упоминалось его имя. Помню, как Юра поехал в Чехословакию. Когда их самолет заходил на посадку в Праге, то на самом высоком доме космонавта встречал трубочист. Трубочист — это символ счастья, благополучия и радости. И когда четыре года спустя, я поехал по тем же местам, где был Гагарин, везде я слышал о нем самые теплые, самые добрые воспоминания. За десять последних лет я не встречал еще человека, который не знал бы о Гагарине. Ведь на каждом континенте его считали посланцем всей планеты, всего человечества.

Юрий Гагарин первым шагнул в космос, но дорогу во Вселенную прокладывал весь советский народ.

Этот полет был подвигом всей страны. Он воплотил в себе выдающиеся достижения большинства отраслей науки и промышленности, труд сотен тысяч советских людей. Для осуществления полета понадобилось преодолеть огромные технические трудности, связанные с созданием мощной ракеты-носителя, систем жизнеобеспечения и терморегуляции, специального скафандра. Сложнейшей проблемой было осуществление спуска космического корабля на Землю. Успешное завершение полета прекрасно показало всему миру, насколько высок уровень развития науки и техники в нашей стране.

— Пятнадцать лет назад первый полет человека в космос стал событием века и величайшим подвигом. Сегодняшние полеты уже не потрясают, как прежде. А ведь космонавту каждый раз приходится противостоять всесильной стихии с ее мгновенно убивающим вакуумом, излучениями, перегрузками, метеоритами, невесомостью. Нередко ставить опыты на самом себе. Значит, подвиг продолжается?

— На это я вот что скажу. Никто из космонавтов, отправляясь в полет, никогда не считает, что он идет на подвиг.

Помню, перед полетом Юрия Гагарина, у нас было партийное собрание первого отряда космонавтов, на котором мы провожали его в космос. Тогда никто из нас не говорил высоких слов, не говорили ни о каком подвиге. Мы считали, что Гагарин идет продолжать работу, которая была начата на Земле.

А вот подготовка к каждому полету — это действительно очень трудное дело. И многие ее не выдерживают. Немало хороших, способных ребят ушли от нас, не выдержав программы подготовки.

И здесь я вот еще что хотел бы сказать. Когда в космос отправляется космический корабль, известность, слава достаются в основном нам, космонавтам. А ведь освоение космоса начинается не со стартовой площадки космодрома. Оно начинается в лабораториях многочисленных институтов, в кабинетах ученых, в конструкторских бюро, в цехах заводов. Имена выдающихся теоретиков, инженеров, конструкторов часто остаются за рамками газет и журналов. А без этих людей, чей труд нередко является настоящим подвигом, не было бы и нас, космонавтов.

Вот о чем не стоит забывать.

Но, конечно, полет — это не прогулка в космосе. Часто бывает и очень тяжело. И даже страшно. Потому что опасность всегда рядом с тобой, начиная от взлета и кончая посадкой. Как бы ни была совершенна техника, очень трудно абсолютно исключить отказы. Опасность всегда будет, потому что человек отрывается от Земли, а она отпускает страшно неохотно и снова притягивает к себе.

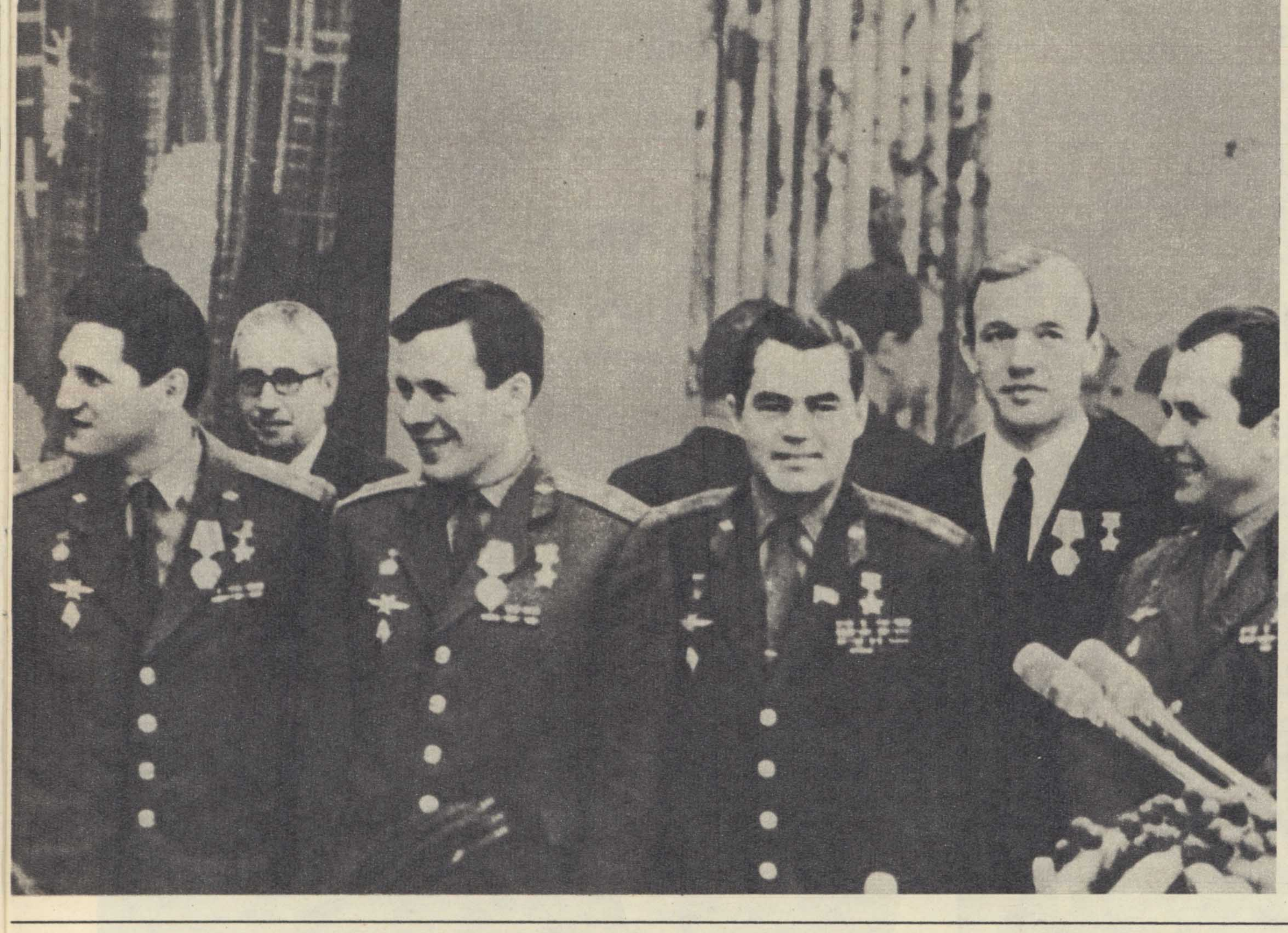
— Скажите, Алексей Архипович, о чем вас никогда не спрашивали журналисты, но о чем вам самому хотелось бы рассказать?

— Почему-то никто из журналистов никогда не задавал мне прямого вопроса: «А что ты думаешь о своем товарище, ну, например, о Викторе Горбатко?»

— А в самом деле, что вы о нем думаете?

Леонов смеется и тут же серьезно:

— Во-первых, он очень принципиальный парень, очень. Это его кредо в жизни. Второе — его целеустремленность. Мало кто знает, что, когда он был командиром дублирующего экипажа «Восход-2», буквально перед нашим стартом, у Виктора врачи обнаружили неполадки с сердцем, которые, каза-

Советские космонавты на приеме в Кремле. Слева направо: В. Ф. Быковский, А. А. Леонов, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, В. В. Николаева-Терешкова, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, В. А. Шаталов, Б. В. Волынов, К. П. Феоктистов, Е. В. Хрунов, А. Г. Николаев, А. С. Елисеев, П. Р. Попович.

1969 год.

Фото А. Моклецова (АПН)

СМИЧЕСКИХ ЛЕТ

лось, навсегда лишали его возможности летать. Полтора месяца он пролежал в госпитале. Но потом систематическими тренировками победил болезнь и вернулся в отряд космонавтов, через четыре года полетел в космос.

— Назовите, пожалуйста, пять имен, которые, как вы считаете, сыграли для мировой космонавтики решающую роль.

— Первым я назвал бы Циолковского. Ему человечество обязано теоретическим обоснованием основ космонавтики. Затем Цандер — изобретатель ракетной техники. Королев — с его именем связано начало практической космонавтики. Конечно, Гагарин, который всех нас позвал в космос и дорогой которого мы теперь идем. И, наконец, Армстронг, первый человек, ступивший на Луну.

— Алексей Архипович, а вы помните день, когда вы первый раз учились плавать?

— Плавать? Хорошо помню. Мне было тогда лет пять. Ребята научили меня такой хитрости. Берешь брюки, завязываешь их снизу, ударяешь об воду, они надуваются пузырями. Как раз между ними ложишься, и так очень удобно плавать. Как-то мой приятель решил пошутить и выдернул их изпод меня. Мне ничего не оставалось, как плыть. И я поплыл. Это было первый раз в жизни. Я проплыл тогда метров пять. Не было предела моего испуга и не было предела радости.

— Когда вы впервые в мире вышли в открытый космос, вы «уплыли» от корабля на те же пять метров. Где труднее учиться плавать?

— Конечно же, там, в космосе. Вообще специалисты сегодня считают, что по степени трудности самая тяжелая работа для человека — это работа космонавта, находящегося в скафандре под давлением. Я вспоминаю свое «плавание» в космосе, возвращение в корабль. Тогда мне пришлось много поработать, чтобы войти в него. Так это было тяжело.

— Вы пробыли в открытом космосе лишь 12 минут. Каково же будет монтажникам будущего, которым придется неделями собирать крупные орбитальные станции?

— Ну, к тому времени будут созданы специальные скафандры с противокомпенсаторами, позволяющими человеку более ловко двигать руками и ногами. Будут использоваться механические манипуляторы, управляемые биотоками мышц космонавта. Все это намного облегчит его работу.

— Вы летали в космос дважды: в 1965 и в 1975 годах. Между этими полетами — десять лет. Скажите, как за эти годы изменилась космическая техника?

— Конечно же, изменения в космической технике произошли грандиозные. Корабли типа «Восток» и «Восход» имели программы весьма сложные, но для своего времени. Пришедшие им на смену «Союзы» — значительно более сложные аппараты. На одном из таких кораблей изучалось влияние длительного воздействия невесомости на человеческий организм, другой был использован как астрофизическая обсерватория...

Но, конечно, в настоящее время вершиной научно-технической мысли являются наши орбитальные станции типа «Салют». Эти грандиозные космические лаборатории способны длительное время работать как в пилотируемом, так и в автоматическом режиме. Десять лет назад о таких космических аппаратах можно было только мечтать.

— А как изменились за эти годы «космические» отношения с Америкой?

— В 1965 году, когда мы вернулись из космоса, мы впервые передали американцам документы о нашем полете, о выходе человека в космос. Это было началом наших отношений. В том же году состоялась первая наша встреча с американскими астронавтами Купером, Конрадом и Слейтоном. Очень робкие были тогда разговоры о совместной работе. Ну, а каковы наши отношения теперь, вы знаете, — их всему миру продемонстрировал совместный полет «Союза» и «Аполлона».

— Как вы себе представляете будущее мировой космонавтики?

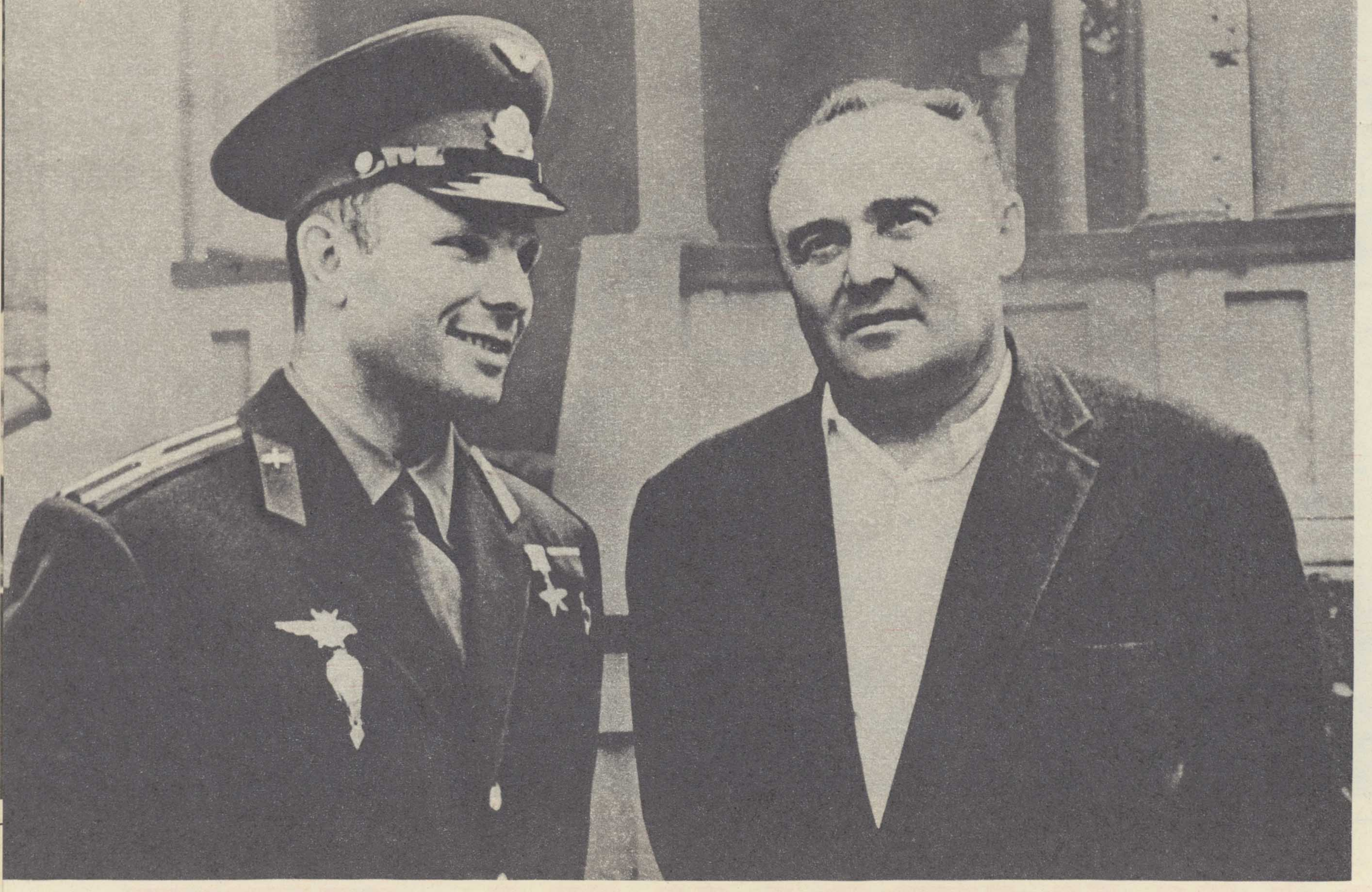
— Я глубоко убежден, что к началу XXI века человечество задумается, как ему расширить свой ареал. Перед восемью миллиардами людей остро встанет проблема не только их пропитания, но и размещения. Вот тогда-то космос и станет ареной, где развернется человеческая деятельность в полную силу. Вокруг Земли будут созданы поселения-спутники. Они станут «пригородами» нашей Земли на орбите 500—700 километров. Прообразы таких поселений — орбитальная станция «Салют», где Климук и Севастьянов жили два месяца, американский «Скайлэб», где космонавты жили три месяца, первая международная станция «Союз» — «Аполлон».

Эксперименты доказали, что в космосе можно получать кристаллы идеальной чистоты, а также сплавы, которые на Земле получить практически невозможно. Сплавы из композитов с большой разницей удельных весов. Например, сплав алюминия и вольфрама. Материал необычайной прочности и в то же время очень легкий. Так что в будущем можно ожидать создания космической индустрии, которая будет производить уникальные полупроводники и металлы на орбите спутника Земли.

— А в каком полете вам хотелось бы участвовать?

— В очень длительном. Месяца на три, может быть, на полгода. У меня есть заветная мечта — снять цветовые и световые характеристики поверхности Земли. Создать цветовую карту, чтобы человек, изучая географию, смог увидеть краски нашей планеты такими, какие они есть на самом деле.

Беседу вел Сергей ВЛАСОВ.

Ю. А. Гагарин и С. П. Королев.

О САМЫХ ПЕРВЫХ

Первопроходцы космоса. Огромен, неоценим их вклад в историю человечества. Мы знаем о них много и вместе с тем мало.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к испытателям, космонавтам, конструкторам, ученым с просьбой рассказать о неизвестных еще эпизодах начала космической эры.

НАЧАЛО...

Эта заметка была напечатана в первый День космонавтики в стенной газете «Скрижали» конструкторского бюро, где создаются космические корабли. Написал ее один из видных ученых и пионеров советской ракетно-космической техники, доктор технических наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии **Михаил Клавдиевич ТИХОНРАВОВ.** Он не дожил до 15-й годовщины первого полета человека в космос. Заметка, взятая из архива и впервые публикуемая,— живая история мечты, дерзости пионеров освоения космоса.

Я вспоминаю одну сценку из далекого-далекого прошлого. Этого случая никто не знает, кроме двух человек — участников разговора. А разговаривали два мечтателя, оказавшиеся в будущем трезвыми реалистами.

Начало весны 1934 года. Может быть, 9 марта. Запомним это число! В Москве, в воротах дома № 19 по Садовой-Спасской улице, задержались два человека, два инженера из ГИРДа (Группы изучения реактивного движения — **Ред.**), который помещался во дворе этого дома. Напротив — трамвайная остановка. Тогда еще по Садовой ходили трамваи. Инженеры собирались поехать в создаваемый институт, объединявший усилия различных инициативных групп нашей страны по изучению реактивного движения. Из истории вы знаете этот институт — он назывался РНИИ (Реактивный научно-исследовательский институт — **Ред.**).

— Хотел бы я знать,— сказал один,— кто будет проектировать и строить корабль для полета человека в космос?

— Конечно, это будет коллектив, обязательно коллектив! — ответил другой.— Знаю, и ты и я войдем в этот коллектив. И если ни одна наша ракета еще не летала в космос, это не значит, что мы не доживем до межпланетного полета человека. Обязательно доживем!

— И я верю — доживем, увидим. А может, и сами полетим в космос,— подхватил первый.

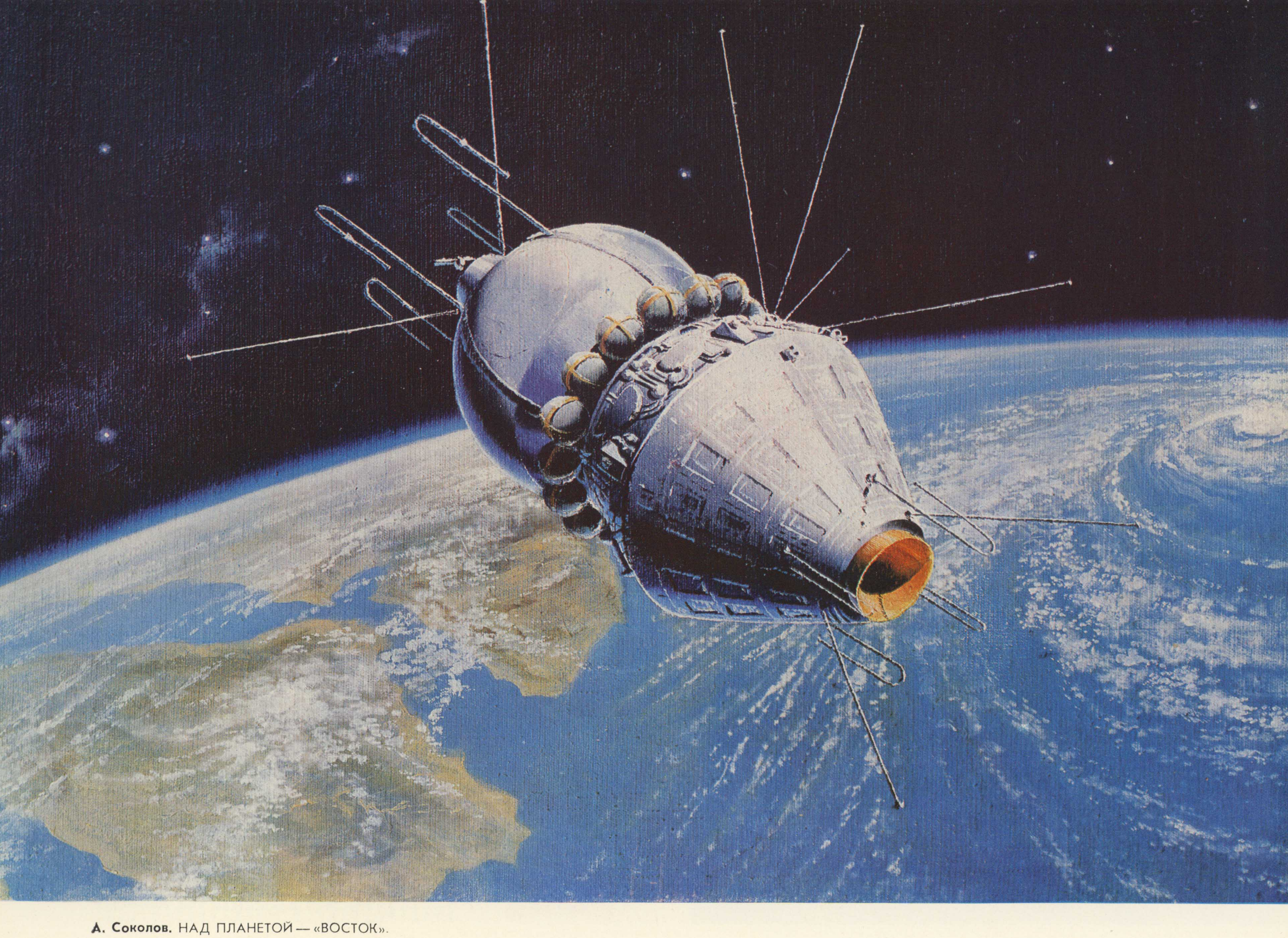
Я уже говорил, что собеседники любили помечтать, заглянуть в будущее. Мечты помогали работать и отчетливо видеть завтрашний день. Первые шаги к своей мечте, правда, небольшие, они сделали к этому времени. В стенах ГИРДа были созданы двигатели и первенцы, пока маленькие, жидкостных ракет. Ракеты поднялись в небо. Вместе с ними как будто поднялись и создатели. Этот первый успех окрылил, придал уверенность на будущее: мы полетим в космос.

Знали ли тогда они, эти два инженера, что их предвидение осуществится через 27 лет? По срокам полет произошел раньше, чем они думали. Даже для них, безудержных мечтателей. А было немало людей, которые относили первый полет человека в космическое пространство на конец нашего века или даже на двухтысячные годы. Они считали себя реалистами.

Великий праздник души был у людей Земли: человек поднялся в космос. Прекрасный, молодой наш Юрий Гагарин. Он родился

А. Соколов. Род. 1931. ПЕРЕД СТАРТОМ.

А. Соколов. НАД ПЛАНЕТОЙ — «ВОСТОК».

9 марта 1934 года. Может быть, в тот самый незаметный день и происходил разговор двух конструкторов.

Этот коротенький рассказ — воспоминание. Я назвал его «Начало...». Этим самым хочу сказать, что, во-первых, в нашей удивительной жизни все переплетается, взаимосвязано. С чего начиналось великое событие современности — полет человека в космос? Конечно, с мечты, потом с мысли. Мы не знаем, когда родилась мечта — она где-то в далекой, древней истории. Но нам известно, когда и где появилась мысль о полете, о корабле — она в трудах К. Э. Циолковского. Со свойственной ему прозорливостью Константин Эдуардович объяснил, почему не аэростат, не пушечный снаряд Жюля Верна, а именно ракета призвана разорвать оковы тяготения. Он создал основы теории реактивного движения. Он предсказал и искусственные спутники Земли, и космический корабль, и поведение человека в условиях невесомости... Далеко смотрел этот мудрый провидец. Его крылатые мысли захватывали дух, кружили головы молодым энтузиастам. И они сами делали первые шаги. Все начинается с первого шага! Сегодняшнее рождается из прошлого. Первые ракеты открыли дорогу космическому титану. Так что на пути к большому свершению у энтузиастов, инженеров и ученых, было немало дней рождения. Знали их и два инженера, о которых я говорю. Но самый большой, светлый день, я бы сказал, красный день рождения, для них настал 12 апреля 1961 года.

Один из двух инженеров руководил пуском, сам проводил Ю. А. Гагарина в исторический полет. Вы знаете его — это наш Главный конструктор Сергей Павлович Королев. Я не знаю, был ли на свете более счастливый человек в те самые минуты, когда ему доложили: «Космонавт благополучно вернулся на Землю». Сколько лет он мечтал об этом великом звездном мгновении!

Другой инженер, к сожалению, на старте в это время не был. Но что значит не был? Он тоже не отрывался от космодрома, переживал, внимательно следил из конструкторского бюро за всеми приготовлениями и взлетом корабля. А до этого чем-то способствовал свершению, тоже, выходит, был при взлете. При этом взлете, видимо, присутствовал весь наш народ.

«КОСМОНАВТ—НОЛЬ»

С. НЕФЕДОВ, инженер, испытатель космических кораблей

Недавно дочь Таня потянула меня на Выставку достижений народного хозяйства... «Папа, мы давно не были у твоего корабля»,— заявила она. «Это не мой корабль, а общий»,— возразил я. И объяснил своей шустрой третьекласснице, что его создавали многие люди — рабочие, металлурги, ученые, конструкторы, а на мою долю выпало последнее действие — испытание его на Земле перед стартом в космос. До полета Юрия Гагарина я провел в нем немало дней...

Удивительны свойства памяти. Чтобы она заговорила, нужен толчок. Остановившись перед моим старым другом «Востоком», я почему-то сразу увидел лицо конструктора, впервые познакомившего меня с кораблем. Боюсь, мне не удастся передать то наше знакомство — это было как поэма о первой любви. Видимо, для него, молодого, увлеченного своим необычным делом, корабль «Восток» тоже был первой любовью. Четыре дня, с утра до вечера, для меня одного он читал свои лекции. Больше всего меня поразили определения конструктора. Первое: «Умный и точный летательный аппарат. Большие конструкторы, задумав и создав его, совершили подвиг мысли». Второе: «У корабля общечеловеческая красота». Третье: «Такой кооперации, стыковки (сотни различных приборов, а еще больше всяких полупроводников, электронных ламп, реле, переключателей) еще не знало наше время».

Влюбил меня этот конструктор в «Восток». Я испытывал не только сам корабль, а и человеческие возможности. Если я, самый обыкновенный, все выдержу, покажу себя с лучшей стороны, то и другие так смогут. Другие — прежде всего космонавты. Надо думать, они не какие-то феномены или сверхчеловеки, а просто люди, только в чем-то сильнее меня. А техника всегда остается техникой. С ней всякое бывает. В самое неподходящее время может отказать какая-то система... Человеку, возможно, придется пробыть в космосе даже десять суток.

Теперь десятисуточные «полеты» — самое обычное явление. Мы, испытатели, ходим и на тридцатисуточные и даже на годовые. А тогда на повестке дня остро стоял вопрос: может ли человек в искусственном климате, в одиночестве, короче говоря, находясь как в настоящем полете (исключая только невесомость), выдержать длительный цикл жизни? Вот на этот вопрос мне и предстояло ответить.

Испытывали меня тоже с «запасом». Все сложности «полета» не расскажешь — длинная история. Упомяну только, что в первый же день повысили в корабле температуру до сорока градусов. Потел страшно, датчики, приклеенные к телу, давили, есть не хотелось. Потом температуру сменили — стало холодно... А еще тяжелее всякие сигналы-раздражители. Как-то утром устроили «особую проверку»: сумею ли я исправить на ходу разные неполадки? Ну, конечно, проверялась не только моя техническая готовность, а и моральная. Не растеряюсь ли я в необычной ситуации?

Наивный человек, перед «полетом» я оставил у лаборантки Маши, которая дежурила у иллюминатора корабля, вела со мной все переговоры, и служебные и личные, стопку студенческих учебников. Думал, найдется свободный часок, она передаст мне тайком книгу, и я почитаю. Какой там часок, не было ни одной незанятой минутки. За десяток суток «полета» я потерял в весе двенадцать килограммов, но был уверен — «запас прочности» не исчерпан.

Потом я испытывал и скафандр космонавта. Многими сутками сидел, обживая его в корабле. В барокамере поднимался до высоты в пятьдесят километров. Сбрасывали меня в холодную воду. Раз десять нырял с высоты. Скафандр предохранял от ушибов, удерживал на плаву, не давал замерзнуть в ледяной воде. Испытав его, я дал заверение космонавтам: надежный костюм.

И еще сделал вывод: чувство космоса вместе с тем по-доброму влияет на человека: не обессиливает его, а, наоборот, умножает силы. Все это я рассказал Гагарину и Титову. Передал им бортовой журнал «Восток-0», где подробно записал свои мысли, переживания, самочувствие. Я находился на обследовании вместе с ними, в одной палате. Космонавты благодарили меня за испытания, рекомендации и выводы. С тех пор товарищи зовут меня по-своему — «Космонавт-ноль». Добавлю: за свои испытательские «полеты» я награжден орденом.

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ

В. ЯКОВЛЕВ, инженер-конструктор

В ночь перед полетом Гагарина я дежурил на стартовой площадке. Все ушли, осталась одна ракета, освещенная прожекторами. Стояла она красиво, мощно. Гагарину сказали: «Даем гарантию: надежность минимум на сто процентов».

В домике космонавтов погашен свет, полуоткрыты окна. Спит Гагарин, спит его дублер Титов. Я оставил за себя помощника, пошел и сел на скамейку около домика космонавтов. Запрокинув голову, смотрел вверх. Сколько звезд! В предстартовые дни и голову некогда было поднять. Небо такое же, как и раньше. А ночь другая, необычная ночь. Туда, в сторону звезд, впервые в жизни полетит наш человек. Пока спит он рядом, за стеной, набирается сил для своего рейса. Звезды ему, может, видятся во сне. Но он скоро рассмотрит их из космоса, оттуда увидит и нашу Землю. Голова кружится, невозможно воспринять ни умом, ни сердцем этот шаг в неведомый мир. Подумалось: полет первого космонавта — как рубеж, разделяющий нашу прежнюю жизнь от последующей. Словно две половины, две жизни — до и после полета.

Сколько людей подошло к этому рубежу! Возможно, так же, как и я, многие смотрят на звезды, раздумывают... И ждут. Ждут не только на космодроме. Вместе с нами на общую «волну» настроены и космическая связь, и координационно-вычислительный центр, и наземные пункты, и поисковая группа в районе приземления... Целая «держава» живет как бы на одном дыхании. И, конечно, все волнуются за судьбу первого в мире полета нашего космонавта. Что бы они ни делали в ту ночь, мысли все равно возвращались к нему.

На дорожке прошуршала галька: кто-то осторожно прошагал к домику. Что за полуночник? При свете тусклой лампочки у крыльца разглядел — Сергей Павлович Королев. Его грузноватую фигуру с крупной, гордо посаженной головой различишь при любом свете. Переживает, никак не уснет. Видимо, решил посмотреть на отдыхающих космонавтов.

На крыльцо он вышел не один — вместе с врачом. Заметно: настроение веселое...

— Так он и сказал: «Кажется, я ненормальный человек: совсем не волнуюсь перед полетом?»

— Да, и расстроился. Такой обнаружил в себе «психологический дефект». Герман посмотрел на него, засмеялся. Тогда и Юрий оживился,— рассказывал врач.— Он ведь долго не умеет огорчаться.

— Гагарину-то что, он «ненормальный»,— отозвался Королев.— А я не могу... Волнуюсь.

— Не поменяться ли вам местами?

— С удовольствием бы махнул туда. Остается одно: позавидовать.

Я незаметно покинул дворик дома — как будто нарочно подслушиваю разговор. Но Королев меня догнал. Отовсюду доносились несвязные звуки. Чувствовалось приближение старта.

— Вдвоем-то веселее дежурить,— улыбнулся Сергей Павлович.— А теперь взглянем на нашу красавицу?

Он стоял молча, смотрел на ракету и пристыкованный к ней корабль. Из-за горизонта брызнули первые лучи солнца. Засветилась, засияла ракета.

— Ну вот и наступает этот день. Ради него стоило прожить жизнь. Как ты думаешь?

— Стоило! — подтвердил я.

Навстречу нам шли два врача с букетами тюльпанов — набрали в степи. «Это Гагарину».

Юрия Гагарина я встретил на верхней площадке у ракеты. Смотрю на него, стараюсь уловить: что переживает в этот момент. Он тоже глянул на меня и... подмигнул.

Вот Гагарин в корабле. Прощаемся с ним, закрываем люк. По совету Королева мы заранее отрепетировали последнюю операцию. Беспокоился Главный конструктор, как бы она не задержала полет. Это не так легко и быстро — запереть люк. Одних гаек штук тридцать. Мы наловчились и на операции сэкономили даже время. И вдруг слышим по связи из бункера замечание Королева: крышка закрыта неправильно. В первое мгновение даже похолодели. Однако Сергей Павлович подбадривает нас: «Спокойно, не спешите». Спешили, конечно. За какое-то мгновение сняли крышку люка. Беспокоились за Юрия Алексеевича: как он воспримет ситуацию? Никак вроде не воспринимает, тихонько насвистывает мотив любимой песенки. Проверили — все в порядке. Что же такое? Выяснилось: не проходит в бункер сигнал о закрытии люка. Скорей вниз! Уже в лифте вспомнили: не сказали напутственного слова Гагарину...

Ю. А. Гагарин перед тренировкой вестибулярного аппарата.
Фото А. Моклецова (АПН).

На стартовой площадке нас поразила необычная тишина. Все дни, до последних часов, здесь было шумно. И вдруг внезапно словно улетучились все земные звуки.

Я не буду рассказывать, как проходил полет Гагарина, — это всем известно. Вспомню лишь один эпизод, который заставил поволно-

ваться на пункте управления. Речь идет о сборе телеметрической информации с корабля. Какую-то минуту, а то и меньше ее не было. Королев стиснул зубы: «Ну, ну?»

Вот кто больше всех переживал за ход полета! Но зато какой праздник был потом. Такого я еще не видел в жизни! Ведь свершилось чудо...

«КТО СЛЕДУЮЩИЙ?»

Герман ТИТОВ,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР, генерал-майор авиации

Фото В. Черединцева (ТАСС). 1964 год.

Известно: Сергей Павлович Королев издавна мечтал о полете человека в космос. Этим человеком сначала он видел себя самого. Один ветеран-ракетчик как-то рассказывал мне о разговоре с Королевым на стартовой площадке. Это было перед первым пуском большой ракеты. Прообраза той ракеты, на которой спустя несколько лет полетели в космическом корабле мы, космонавты.

— Вон там, на вершине, скоро пристыкуем корабль,— сказал Королев.

— Корабль? Для чего? — удивился ракетчик.

— Для полета человека в космос.

Ракетчик не поверил, казалось ему: шутит Королев.

— Сказка,— проговорил он.

— Скоро сделаем ее былью,— заверил Сергей Павлович.

Теперь испытатель вспоминает этот разговор и поражается: какой близкий у него был взгляд и какой дальний у Королева. Разговор на этом не закончился. Ракетчик спросил:

— А кто первый?

— Первый кандидат я сам. Разве не подхожу?

— Может, и подходите. Но возраст...

Сергей Павлович поежился — не любил он оглядываться на свои годы.

Но пришлось. Королев не был идеалистом-мечтателем. Трезво оценивал реальность. Уже после первого спутника говорил: «Жалко, самому не придется слетать в космос. Кто-то, видимо, из молодых летчиков полетит. Передам ему эстафету». Он считал, для такого дела лучше всего подготовлены летчики, люди «внеземной» специальности, умеющие мгновенно ориентироваться в необычной обстановке. Каждый из них «и швец, и жнец, и на дуде игрец», то есть и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер. Потом Королев сам принимал участие в отборе первого кандидата на полет. Остановились на Гагарине. Сергей Павлович долго приглядывался к нему, как бы поворачивал его к себе всеми сторонами характера, примеривал на прочность и затем признал: «Подходит». И, говорят, вздохнул: «Никому не завидовал, а ему завидую».

После триумфального гагаринского полета мы отдыхали в Сочи. Собралось много интересных людей: конструкторы, будущие космонавты, ученые, медики, наши руководители. Вместе с нами отдыхал и Королев. Все свободное время проводили вместе. Раньше Главный конструктор казался мне строгим, загадочно-недоступным. А тут он сразу покорил меня жизнелюбием, весельем. Он был в нашем кругу центром притяжения. Однажды вечером Королев, оглядывая нас, спросил:

— Ну, кто следующий?

— Разве скоро будет новый полет?

— Скоро. В августе,— ответил он.

Я был поражен. Да, кажется, и все наши ребята смотрели удивленно на Главного конструктора, не знали, верить ему или нет. Еще первый полет не успели как следует осмыслить, еще перед глазами стояла необычная картина того исторического апрельского дня, а уже намечался новый старт. Я почему-то думал, что очередной полет где-то далеко, за горизонтом. Ведь это огромное событие — космический полет. А события не происходят часто, одно за другим. Они назревают постепенно, готовятся исподволь, на значительном промежутке времени. Королев все перевернул одним словом: «Скоро!»

Он повернул голову в мою сторону и, словно просвечивая взглядом, спросил:

— Думаете, не успеем? — И тут же сам ответил: — Это уж больше от вас, космонавтов, зависит. Какой темп возьмете. Корабль почти готов. Дорога открыта.

— Дорога Гагарина,— подсказал кто-то.

— Гагарина,— подтвердил Королев.— Сначала по ней полетят одиночки. Потом по двое-трое. Скоро мы будем иметь двух-трехместные корабли. Я думаю, вы не откажете «вывезти» и нас на космические орбиты,— улыбнулся Сергей Павлович.— А теперь давайте посоветуемся, сколько времени отвести на второй полет. Прошу откровенно, не стесняясь, высказать свое мнение. Кто начнет? Может быть, Юра?

— Я думаю, три витка,— ответил Гагарин.— За один я не так уж много рассмотрел. Не хватило времени. Три витка — это уже новый шаг. Успеешь и посмотреть и поработать.

Мы про себя думали: «Да, три витка — срок. Целых три раза облететь Землю». А Королев пожал плечами:

— Ну, и размах. Три витка! Все равно мало что увидишь. Надо смелее изучать космос. Я вижу более продолжительный полет.

И предложил:

— Сутки. Это уже цикл жизнедеятельности человека. Мы сразу узнаем, можно ли работать и жить в космосе. Узнаем поближе и невесомость. Проведем наблюдения, сделаем снимки, попробуем и ручное управление. Работать так работать.

В комнате воцарилась тишина. Суточный полет таил много неожиданностей. Как он скажется на организме человека? Причин для осторожности и сомнений было предостаточно. Доводы медиков сводились, в общем, к одному: слишком много риска. С космосом не шутят. Врачей поддерживали некоторые ученые. А Королев улыбался. Ему нравились люди, которые умеют обоснованно возражать. И он не оставался в долгу — уверенно защищал свою точку зрения. Как никто другой, он видел огромные возможности космической техники, ее надежность, знал, что мы подготовлены с «запасом прочности» и сможем выдержать единоборство с космосом. И он увлек всех за собой. Я тоже сказал: «Сутки». Хотя спор продолжался, но постепенно чаша весов стала склоняться в нашу сторону. Тогда и было решено: программа второго полета — сутки.

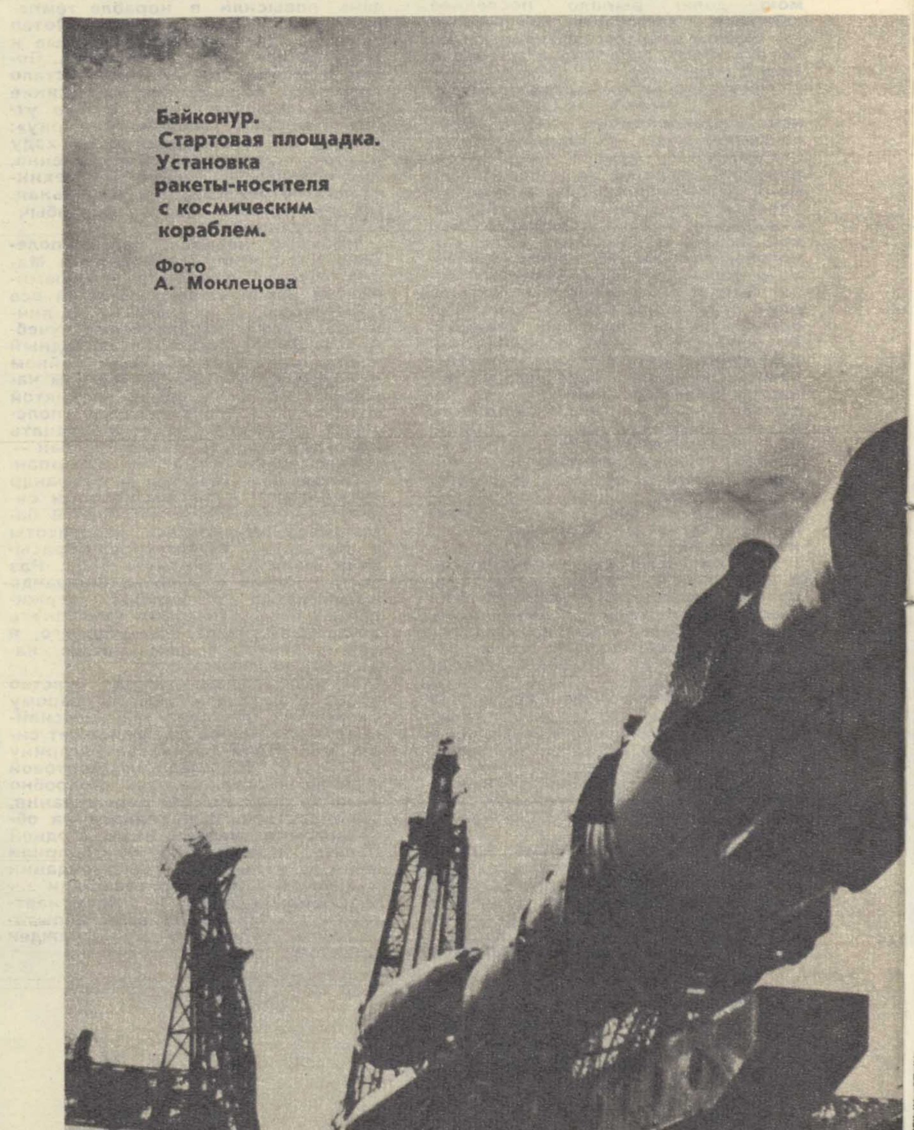
Когда я слетал, опять вместе собрались и космонавты, и ученые, и конструкторы. Сергей Павлович «посветил» нам своим теплым взглядом, приветливо улыбнулся:

— Ну, кто следующий?

Мы еще не знали, кто теперь полетит, но помнили слова Королева: «Потом по двое-трое...» Значит, настала пора полететь и двоим. А Сергей Павлович, со своей стороны, уже присмотрел кандидатов на полет — Андрияна Николаева и Павла Поповича.

Владимира Комарова он как-то сам спросил: «Как вы думаете, какой у вас будет полет? В составе звена «Востоков»? Нет, я мечтаю в ближайшем будущем поднять на орбиту многоместный корабль с тремя космонавтами!»

Королев умел удивлять и окрылять. Умел он и необычное, почти фантастическое превращать в реальность.

Байконур. Стартовая площадка. Установка ракеты-носителя с космическим кораблем.

Фото А. Моклецова

ТОЧНОСТЬ

Н. АНДРЕЕВ, научный сотрудник

— Вот это да! Вот это спутники! Какие молодчаги!

Это восклицание летчика-космонавта Константина Феоктистова, обычно сдержанного, ровного в поведении человека, я услышал на командном пункте космодрома, когда впервые состыковались два наших спутника. Это было в конце октября 1967 года. Тогда всех нас поразила точность «космической работы».

Все мы вскочили, обнимались, что-то восторженно кричали, объясняли друг другу. Нам явно не хватало подходящих слов, чтобы в полной мере выразить происшедшее. Первым освободился от эмоций руководитель работ, он поднял руку и, когда стало тихо, сказал:

— Всем огромное спасибо. Особенно за стыковочный узел... И, конечно, баллистикам.— Он посмотрел на молодого человека, представителя на космодроме от баллистической группы. — Сработали на пятерку с плюсом. Абсолютная точность.

Как-то летчик-космонавт Валерий Быковский высказал образное сравнение о костре и людях, которые сошлись к огню. Смысл его в том, что для человека, только что подошедшего к костру из темноты, видны лишь те люди, которые освещены пламенем. А других, что стоят подальше, скрытых тенью, и не видно. Они-то, возможно, и заготовляли топливо, разжигали костер. Что-то подобное бывает и в жизни — одни люди на свету, другие, тоже «заготовлявшие топливо, разжигавшие костер», в тени. Баллистики — в числе «теневых», их почти не видно и не слышно, хотя они составляют заметное, надежное звено в космической цепи, так же как штурман в экипаже самолета.

В прошлом году весь мир поразила точность, с какой сели на Венеру два наших аппарата —«Венера-9» и «Венера-10». Я был в это время в координационно-вычислительном центре.

Первое ощущение, которое возникает при ожидании посадки станции,— как нелегко добраться до другой планеты! Огромное расстояние усложняет и управление станцией с Земли. За месяцы полета проводится несколько десятков сеансов связи со станцией, передаются сотни команд. В управлении не должно быть ошибок: известно, что если дать больший импульс в величине скорости станции только на 0,01 процента, это приведет к промаху около 70 тысяч километров. Аппарат или вовсе не попадает на другую планету, или сядет совсем в другом месте. Вот что значит космическая точность!

Даже приземление остается сложной операцией. А посадка на Венеру? Ее нельзя сравнить и с прилунением. На Венере в отличие от Луны, где нет атмосферы, все необычно: густой облачный покров, высокое давление, высокая температура... Сколько опасностей там ждет нашу станцию! Мы волнуемся...

Мне вспоминается случай из прошлого. Так же сидели в зале, ждали. Рядом сидел усталый Анатолий Викторович Брыков — один из ведущих баллистиков, доктор технических наук. На листе бумаги перед ним крупными буквами выведено точное время посадки станции — часы, минуты, даже секунды.

— Не опоздает?— спросил я.

— Не должна — точно рассчитано,— ответил он и добавил: — Еще не ошибались...

— Никогда? И на самых первых станциях?

— Самой первой для меня была «Луна-2». И это всегда в памяти... Тогда мы были молодыми баллистиками, только начинали и все-таки могли поклясться: в расчетах нет ошибки. Наш уважаемый профессор, вот тот, что сидит с председателем Главной баллистической группы, говорил тогда: «Если что напутали, можете снять мне голову».

На листе бумаги — точное время прилунения. По глазам ученых, конструкторов видели — не очень верят нам. Не укладывалось, что станция впервые сядет с точностью до одной секунды. И вот подошло время. Вскочили мы бледные, почти не дышали... Станция послала нам последний сигнал и затихла. Все посмотрели на часы — это произошло как раз в ту секунду, которую мы написали на листе. Подбежали к нам ученые, конструкторы, обнимали, целовали... Баллистики утвердили себя в их глазах. С нашей помощью впервые трасса земной станции соединила два мира...

Из аппарата громкой связи раздался торжествующий голос: «Подает сигнал! Благополучно села!» Все совпало до секунды! Мягкая посадка первого спускаемого аппарата межпланетной станции на Венере — новое качество работы исследователей космоса.

У баллистиков исчезла усталость на лицах — улыбались, поздравляли друг друга, чувствовали себя по-праздничному. В этот момент они были счастливыми людьми. Всегда радостно чувствовать — сработано точно.

ОРАНЖЕРЕЯ НА ОРБИТЕ

В. ЛЕВСКИЙ, научный сотрудник

Пятнадцать лет — срок не столь уж большой. Тем более в масштабах исторических. Но то, что сделано в эти полтора космических десятилетия, вошло в историю, утвердилось в ней навсегда. В истории космонавтики и человечества.

Вместе с тем эти космические свершения возвращают нас к более далекому времени. В тяжелые для России годы, при свете тусклой керосиновой лампы великий провидец Константин Эдуардович Циолковский написал труды, ставшие классическими для современной космонавтики. В них, в частности, была обоснована необходимость создания «эфирных островов». И вот «эфирные острова» руками верных последователей калужского мечтателя построены, пущены в плавание. Обитаемые орбитальные научные станции стали реальностью сегодняшнего дня.

Вот уже шестнадцатый месяц летает над Землей станция «Салют-4», послушно выполняя все посылаемые с Земли команды и задания.

За это время к станции три раза подлетали и стыковались с ней транспортные корабли «Союз»: два пилотируемых и один автомат. Экипажи космонавтов — Алексей Губарев, Георгий Гречко, а затем Петр Климук и Виталий Севастьянов — в общей сложности три месяца работали на станции, собрав целый «урожай» результатов, уже приносящих пользу практике многих отраслей народного хозяйства.

Две с половиной тонны научной аппаратуры, 43 пульта управления ее работой, десятки километров телеметрических лент, фото- и магнитных пленок с результатами экспериментов — пусть это еще не выражение ценности результатов, но, безусловно, иллюстрация возможностей станции, а также того огромного объема задач, которые решаются учеными сейчас уже на Земле.

Установленный на орбитальной станции солнечный телескоп помог ученым увидеть Солнце как бы новыми глазами. Так, на полученных спектрограммах они обнаружили заметные смещения спектральных линий в активных солнечных образованиях — флоккулах. Исследовав это явление, специалисты установили, что скорость движения материи в областях Солнца может доходить до 50 и более километров в секунду. Факт сам по себе мог быть и не столь выразительным, если б соответствующие наземные наблюдения не показывали скорость 2—3 километра, не больше. Ясно, что даже этот факт дает новые принципиальные сведения для понимания физической природы Солнца. А таких фактов в этом полете было получено немало.

Так, при наблюдении звезды Ригель были обнаружены мощные десятисекундные вспышки. Анализ показал, что выделяемая при этом энергия в десятки тысяч раз (!) больше энергии самых мощных вспышек на Солнце. Причем интересно то, что сам по себе факт рентгеновских вспышек звезд и созвездий до этого вообще известен не был.

Исследования земной поверхности занимали особое место в программе полета орбитальной станции, и главным образом потому, что с этими работами связаны прикладные задачи науки. Взорами объективов была охвачена практически вся территория нашей страны в средних и южных широтах. По объему и качественному составу полученных материалов подобных экспериментов не было в истории нашей космонавтики.

Полученные с борта станции «Салют-4» материалы съемок Земли переданы в десятки научно-исследовательских и производственных организаций для дальнейшей обработки и практического применения в народном хозяйстве.

Одна из основных задач, стоящих перед космонавтикой,— увеличение длительности пребывания человека в космосе. Создание замкнутых систем обеспечения жизнедеятельности космонавтов в будущих длительных полетах становится при этом важнейшей проблемой. Может быть, и странно это прозвучит: «На станции испытывались растения»,— но ученых действительно интересует, какие растения будут более всего пригодны в космосе. При этом не только бобовые культуры или овощи, но и цветы. А первым о важности космических оранжерей писал мечтатель из Калуги.

Ю. ГАГАРИН. 25 марта 1963 г. Снимок публикуется впервые.

Фото Ю. Кривоносова.

К. БАРЫКИН

ЗВАНЫЙ ОБ

До профессиональных дегустаторов нам, скажем сразу, далековато, но на этот раз они могут нам позавидовать. Многим ли из них приходилось не только видеть, как готовят «космические» бифштексы и курицу с черносливом, но и отведать эти блюда? А вот мы, вскрыв баночки, держим их в левой руке, в правой же — по небольшой вилке. Подцепил ломтик и...

— Какой хлеб любите? — спрашивают нас.

— Ржаной.

И буханка (весом 4,5 грамма!) следует за кусочком жареного мяса.

Рассказать о том, что еще готовят на космической кухне? Сыр рокфор, крем из гусиной печенки и индейка в желе, куры в томате и творог, сок вишневый и кофе с молоком.

Нас ведут в цех, потребовав, однако, чтобы мы надели такие же, как у всех тут, белые, похрустывающие после утюжки халаты. Но и этого оказалось недостаточно. У входа в помещение специальный коврик — станешь на него, а он соберет с подошв уличную пыль. Есть и еще одна преграда, воздушная: ее создает чуть слышно работающий вентилятор.

Собственно, в цех-то нас не пустили — люди мы посторонние. Постояли у порога, посмотрели, как ловко, сноровисто там работают. Бортовые пайки, оказывается, делают не только накануне полетов. Сейчас, после земной «стыковки» космонавтов и астронавтов, нет сувенира лучше, чем коробочка с космическим завтраком. Такие красочные упаковки — две тубы, сладкое и хлеб, недавно продавались в нескольких магазинах. Нарасхват!

Тщательность, аккуратность, стерильность непременно сопутствуют приготовлению космических обедов, ужинов и завтраков. Идет работа и над рецептами новых блюд, совершенствуется их упаковка; словом, все делается для того, чтобы уровень продукции был подлинно космический.

Во время совместного полета «Союз — Аполлон» космонавты и астронавты охотно ели и борщ,

Бортовые пайки.

ПРОЗРЕНЬЕ

Юрию ГАГАРИНУ

И сказал Циолковский:
— В рассвет
Низко, низко вчера
пролетели
Корабли неизвестных
примет,—
Я не брежу, то быль,
в самом деле!

Поднималась и крепла рука:
— Чем волненье и диво
измерить!..
Сам я думал вчера: облака.
Пригляделся... Ведь трудно
поверить,—

Корабли, корабли, корабли.
Яркокрылые, огненной
масти,
Над цветением вешней
земли
Стройно двигались!
Это ль не счастье?

В мироздании мы не одни.
Через ложь, через кровь,
через муки —
Мы не сможем, сумеют они
Долететь от звезды
до Калуги! —

Вехи космоса.
Чуть накренясь,
Стонут мачты вдали
за веками.
...Гений — значит
бессменная связь
Меж планетами,
материками!

Циолковский!
Подобен волхву
Дерзкий старец, безумец,
провидец.
Юный правнук-герой наяву
Станет гостем и стран
и правительств...

Циолковский — бессмертья
лучи
Веют.
Здравствуй, прозренье
святое!
И кремлевские звезды
в ночи
Говорят со Вселенной седою.

Валентин СОРОКИН

«НАЧАЛО». Рисунок И. Ф. ЧАПКИНА из г. Южи, Ивановской области.

ЕД

В таких тубах — закуски, супы, соки, кофе.

и карбонат, и суп харчо, и заливной язык, попробовали телятину и медовые коврижки. И «чокнулись» тубами с черносмородиновым соком. Недавно один американский журнал опубликовал космический словарь, составленный из наиболее ходовых слов и выражений — из числа тех, которыми пользовались в полете астрокосмонавты. Среди 16 наиболее употребительных выражений, таких, как «очень о'кей», «стыковка выполнена», «включайте ТВ-камеру», есть и: «Здравствуй, Алексей. Давай обедать».

Были в космосе званые обеды. И какой же обед без хлеба? Побывал я в «пекарне», где пекут «буханки» для космических бортпайков. Помню, поразился обилию сортов хлеба — едва ли не земной ассортимент. Теперь же, судя по всему, количество сортов и видов хлеба увеличилось. Но осталась прежняя расфасовка: по 4,5 грамма. И бородинский таким выпекается, и пшеничный, и черный, и очень вкусные медовые коврижки. По 10 буханок в каждом полиэтиленовом пакете. Такую буханку кладут сразу в рот, не надкусывая; крошек при этом нет. Да и вкуснее не резаный хлеб,— кто же не знает, что горбушки особо хороши!

...Баночки небольшие, крышка снимается легко.

— Не надо снимать ее полностью, — советуют мне.— В невесомости улетит.

Создателям обедов пришлось учитывать и это. Наклейки на банках чуть сдвинуты вниз, чтобы консервный нож не зацепил бумагу, не превратил ее в клочки, которые на пол не упадут (где он, пол, в невесомости?), будут плавать по салону. Вот и колпачки на тубах прикреплены тончайшими нитями. А сами тубы обыкновенные, какие встречаются и в магазинах.

Печенье обтянуто тончайшей пленкой. Начинаю разворачивать, а главный «повар» улыбается: «Зачем?» И отправляет печенье в рот вместе с оболочкой. Я делаю то же самое. Оно упаковано в съедобную пленку, чтобы ни один кусочек не отломился. В похожей упаковке и плиточки тугоплавкого шоколада — он тверже обычного, высокопитательный, своеобразного вкуса.

Как составлялся рацион? Медики и пищевики немало потрудились. Полеты становятся более продолжительными. В. Севастьянов и П. Климук летали больше двух месяцев. Наверное, проблема «приедаемости» когда-нибудь появится и за космическими столами. Не будешь же кормить пилотов или пассажиров много дней подряд одной и той же едой? Но как создать разнообразие на борту корабля? Разносолы с собой не возьмешь. Но в принципе и эта задача разрешима. Уже сейчас блюда не часто повторяются. Если, конечно, к какой-то еде космонавт не испытывает особого пристрастия, — индивидуальные вкусы заботливо учитываются.

От одного полета к другому на космической кухне вносят в меню что-то новое. Так появились чернослив с орехами, вяленые яблоки и сливы, большой выбор соков, упакованных так, что о поговорке «по усам текло, да в рот не попало» и вспоминать не приходится. Ни грамма сока не должно пролиться.

Можно с уверенностью сказать: если когда-нибудь станут проводиться международные космическо-гастрономические салоны, то кулинарам предприятия, в цехах которого мы побывали, найдется что показать.

...Но космическими заботами не ограничивается круг обязанностей этих пищевиков. Они думают о еде для полярников и геологов, для уходящих в долгий рейс рыбаков, для альпинистов и исследователей пустынь, для... Словом, для тех, кто работает в сложных условиях: там, где нет обычных общепитовских «точек» — столовых, кафе, буфетов.

В СЕМЬЕ ГАГАРИНА

А. ГОЛИКОВ

Дорога идет лесом. Лохматые ели расступаются, и вот уж виден Звездный — здесь живут и работают советские космонавты. Многоэтажный дом стоит среди бронзовых сосен. Квартира № 22. Сюда, к Юрию Алексеевичу Гагарину, приходил я восемь лет назад. Брал интервью, фотографировал.

В квартире все, как было тогда. За прихожей небольшая комната с круглым столом посередине, мягкие кресла, телевизор, на стене знакомый всему миру портрет Гагарина в космическом гермошлеме, в столовой — его бюст. Но в кабинете космонавта на книжных полках рядом с томами по авиации и межзвездным полетам появились школьные учебники, а на письменном столе — тетрадки, готовальня, географический атлас.

— Девочки подросли и теперь занимаются в отцовском кабинете,— поясняет Валентина Ивановна.

Прошу разрешения посмотреть семейный альбом.

— Все старые фотографии,— говорит Валентина Ивановна.— Вот эту мне Юра подарил в год нашего знакомства.

С фотографии смотрит на нас улыбающийся курсант с авиационными погонами и со значком парашютиста на гимнастерке.

— Это было в Оренбурге,— вспоминает Валентина Ивановна.— Там я родилась и выросла. Там и с Юрой встретилась — на вечере в авиационном училище. Как это было? Подходит ко мне курсант, приглашает на вальс. Потом стали мы встречаться каждый выходной день. В первый отпуск Юра поехал на родину, в Гжатск, но вернулся раньше срока и пришел ко мне с цветами. Кончил Юра училище, и мы вместе отправились на Север. Погода там сложная, летать нелегко, и я всегда волновалась за мужа.

— Вам он сказал, что решил стать космонавтом?—спрашиваю я.

— Нет! Сказал, что будет учиться на летчика-испытателя, поэтому мы и едем в Москву. А когда приехали, все стало ясно. Сначала испугалась, а потом вижу, в отряде космонавтов Юра не один, у других тоже семьи. Только не знала, что ему придется лететь первому.

Целая серия фотографий рассказывает о триумфальных поездках Юрия Гагарина по разным странам. Всюду его встречали восторженные толпы людей, всемирная слава пришла к первому землянину, поднявшемуся в космос. Я смотрел на фотографии, на Валентину Ивановну, скромную, сдержанную в проявлении скорби, и думал о том, как достойно она выполнила долг жены человека, имя которого при жизни стало бессмертным.

— Недаром есть выражение «бремя славы»,— словно прочитав мои мысли, говорит Валентина Ивановна.— Юре это бремя оказалось по силам. Он никогда не кичился известностью, а первое время даже побаивался ее. Ведь слава доставляет и неудобства. Помню, поехали мы с ним в Москву, в ЦУМ, купить кое-что детям. Вошли в магазин, Юру сразу узнали, и нас окружила толпа. И все хотят пожать ему руку, получить автограф. Так мы никаких покупок и не сделали...

Чаще всего я смотрю на последние фотографии мужа. Особенно вот на эту, семейную,— вздыхает Валентина Ивановна.— Помню, как она была сделана...

Эта фотография памятна и мне. Юрий Алексеевич тогда сказал: «Чур, уговор — у меня в гостях братья, племянник и сестра жены. Сфотографируйте нас вместе на память». И сам стал всех рассаживать, с шутками, весело.

Тут вошел сосед Гагариных — космонавт Алексей Архипович Леонов. Разговор пошел об охоте. По весне собирались на уток, Юрий Алексеевич хотел опробовать новое ружье — жена подарила на день рождения. Потом вспомнили цветной документальный фильм о космонавтах, о первом полете человека в космос, фильм, который мы вместе смотрели накануне. Незабываемый исторический кадр: Юрий Гагарин в красном космическом костюме возле ракеты прощается с товарищами и, уже стоя на площадке, у вершины, машет рукой...

«С того дня прошло семь лет,— говорил Юрий Алексеевич, когда я был у него дома,— а помню его до мельчайших деталей. Ведь я никогда в жизни так не волновался и не радовался. Докладывал, что к полету на космическом корабле «Восток» готов... Перед стартом делал заявление для печати и радио — обращался-то ко всему человечеству! И, конечно, впервые в жизни...»

А потом все вышли фотографироваться на балкон. Гагарин любовался лесом, уже тронутым весной, вдыхал запах талого снега и говорил, что любит весну...

— Вы провожали мужа в его последний полет? — спрашиваю Валентину Ивановну.

— Нет! — вздыхает она.— Я тогда лежала в больнице. Юра отвез меня туда 24 марта, в воскресенье вечером. А погиб он двадцать седьмого, в среду. Во вторник я его не ждала: накануне он был у меня и сказал, что очень занят. Поэтому после лечебных процедур я пошла погулять в больничный садик. И вдруг смотрю, Юра приехал. Сказал, что был недалеко и заскочил на минутку. Очень торопился и все поглядывал на часы, боялся опоздать на предполетную подготовку. Мы посидели немного. Юра рассказал, как дома, как дети. И уехал. Я, конечно, не думала тогда, что больше мужа не увижу.

На другой день с утра у меня на душе было неспокойно. Я всегда немного волновалась за Юру, когда он летал. Это, видимо, удел всех жен летчиков. Но в тот раз просто места себе не находила. Домой первый раз позвонила вечером, часов в семь. Телефон оказался занят. И так весь вечер. Наконец, я позвонила соседям. Те сказали, что все благополучно у нас, просто телефон испортился.

И все же я не успокоилась. Еле дождалась утра, чтоб позвонить домой. Но телефон опять не работал. Неожиданно ко мне приехали космонавты: Валя Терешкова, Андриян Николаев, Павел Попович. До сих пор помню, как при виде их у меня сердце оборвалось. Спросила: с Юрой несчастье? Ответили — да. Вчера утром, 27 марта...

Вернулись из школы дети. Младшая, Галя, теперь учится в восьмом классе. Старшей, Лене, исполнилось шестнадцать. Ей недавно вручен новый советский паспорт: миллионы зрителей видели по телевидению школьницу Лену Гагарину, очень похожую на отца, окруженную его друзьями-космонавтами.

— Куда, Леночка, собираешься поступать после школы? — спрашиваю.

— В Московский университет.

— А ты, Галя? У тебя какие планы?

Смеется Галя:

— Сначала школу окончу!

— Красивые у вас дочки! — говорю Валентине Ивановне.

Она улыбается.

Я прошу ее рассказать о себе.

— Да что ж рассказывать? Живу, как все. Работаю, детей воспитываю, это сейчас самое главное...

Валентина Ивановна Гагарина. 1968 год. Фото Д. Ухтомского.

Космонавты В. Н. Кубасов, А. А. Леонов, В. И. Севастьянов, В. В. Горбатко в гостях у Анны Тимофеевны Гагариной. Фото Евгения Бурака

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сергей МИХАЙЛОВ

Городок этот с виду совсем обычный. Не выделяется он ни яркостью современной архитектуры, ни колоритом старины. Узенькие улицы, справа и слева — приземистые, в основном деревянные дома. То ли город, то ли село. И вдруг распахивается неожиданно широкая площадь. Посреди нее — памятник Юрию Гагарину, имя которого носит теперь этот город на Смоленщине.

Неподалеку от площади — самый светлый на своей улице одноэтажный домик. Здесь живет мать космонавта — Анна Тимофеевна.

Вхожу в комнату и застываю на пороге. Останавливает живой взгляд улыбающихся глаз. Они смотрят с огромного — во всю стену — цветного портрета. Юрий Гагарин. Здесь много, очень много его фотографий.

Из окна видна стоящая под стеклянным колпаком старенькая «Волга». Кажется, Юрий Алексеевич только что приехал на ней, зашел в родительский дом...

Сегодня, 9 марта, в день его рождения, к Анне Тимофеевне приехали космонавты. Она встречает их как самых дорогих гостей. Сажает за стол, накрытый белой скатертью и убранный цветами. Через несколько минут уже шумит самовар.

Так вот какая она в жизни — мать Юрия Гагарина! Неторопливая, будто очень уставшая. Гладко зачесанные волосы, кое-где с седыми прядками. Натруженные, с трещинками на пальцах руки. Руки матери, всю жизнь отдавшей воспитанию четверых детей, нелегкой работе на молочной ферме. Во всем облике чувствуется какая-то особая значительность, и понимаешь, что кроется за ней безграничная печаль матери, ставшей свидетельницей небывалого триумфа своего сына и так скоро его похоронившей. Вспомнились слова самого Юрия Алексеевича: «А лицо у нее такое милое-милое, как на хорошей картине. Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей».

Часто навещал ее Юрий Алексеевич. Подолгу вели они задушевные разговоры и хорошо понимали друг друга. Мама всегда была в курсе его дел.

Сына уже нет, но как когда-то приезжал он, чтобы справиться о здоровье, поделиться своими заботами и успехами, так сегодня приехали к Анне Тимофеевне его звездные братья.

— Как чувствуете себя, Анна Тимофеевна?

— Да неважно. Только вчера из больницы вышла. Два месяца пролежала. Гипертония разыгралась...

Под неторопливый перезвон чайных чашек говорили о детях и внуках, об общих друзьях, о фильме Ю. Нагибина и Б. Григорьева «Так начинается легенда», в котором Лариса Лужина играет роль Анны Тимофеевны. И, конечно, говорили о сыне.

— Вы помните тот день, когда Юра впервые уехал из дома? Вы очень волновались за него?— спрашивает Алексей Архипович Леонов.

— Конечно, волновалась. Но не слишком. Если бы кто другой из моих ребят уезжал, наверное, беспокоилась бы сильнее. А Юра, он ведь очень самостоятельный был. И никогда нас не забывал, каждое лето приезжал. Всегда с подарками. Как только стал деньги зарабатывать, присылал каждый месяц...

От Анны Тимофеевны космонавты отправились к памятнику Юрию Гагарину, возложили к его подножию букеты живых цветов.

Затем маршруты космонавтов разделились: А. А. Леонов поехал на встречу с коллективом завода «Динамик», В. В. Горбатко — в зооветтехникум, В. Н. Кубасов и В. И. Севастьянов — к школьникам.

Мы входим в школу, которая носит имя Юрия Гагарина. Сюда он пришел учиться третьей, не слишком сытой послевоенной осенью. Здесь впервые повязали ему пионерский галстук, скроенный его матерью из сатиновой рубахи — единственной памяти о деде. Здесь Юра играл в школьном оркестре на старенькой, сильно помятой трубе. Был старостой класса и капитаном хоккейной команды. Здесь от своего любимого учителя физики Льва Михайловича Беспалова впервые узнал о работах Циолковского. Сделал свою первую модель самолета. Отсюда отправился на учебу в столичное ремесленное училище.

В школу заглядывал Юра в каждый свой приезд на летние каникулы. Заходил один в пустой класс и там долго сидел. Может быть, вспоминал свой 5 «А», где ребята умещались за неуклюжими столами по пять-шесть человек, и когда к доске вызывали кого-нибудь, чье место было в середине, тот просто-напросто «подныривал» под стол...

Зашел посидеть Юрий Алексеевич в своем бывшем классе и в тот день, когда приехал в родной Гжатск уже после полета. А потом он выступал перед ребятами в школьном зале, отвечал на их вопросы...

И вот сегодня, пятнадцать лет спустя, в том же зале перед такими же дотошными мальчишками и девчонками, так же волнуясь, выступает космонавт Виталий Севастьянов.

Он рассказывает о встречах с Юрием Гагариным, о тренировках космонавтов, о своем первом полете с Андрияном Николаевым и о последнем — с Петром Климуком...

И снова ребята засыпают космонавта вопросами:

— Скоро полетят люди к Марсу и Венере?

— Когда снова в космос пошлют женщину?

— А в космосе стареют?..

После встречи пионеры ведут космонавта в школьный музей, где бережно хранятся табели с оценками Юры Гагарина (в них одни пятерки), его дневник наблюдений за природой, собранные им коллекции камней и растений, сочинения, рабочие тетради, исписанные аккуратно, без помарок...

Закончился этот день в кинотеатре «Космос». В огромном зале свободных мест нет. Стоят даже в проходах. На сцене, за столом, уставленным цветами,— Анна Тимофеевна, руководители партийных и общественных организаций города, почетные гости.

Космонавты рассказывают собравшимся о недавних полетах, о подготовке к ним, о научных результатах. Вспоминают о встречах с Юрием Гагариным.

Выступают его школьные товарищи, учителя, родные. Снова и снова звучат теплые, задушевные слова о Юрии Алексеевиче.

В заключение первый секретарь Смоленского обкома партии И. Е. Клименко сказал:

— ...Третий год подряд к нам в гости приезжают герои космоса. Пусть продолжается эта чудесная традиция, и пусть они по-прежнему в этот день делятся своими заботами и радостями со всеми нами и с Анной Тимофеевной, которая стала матерью всех наших космонавтов.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

На наших вкладках — фоторепортаж с Ленинградского фарфорового завода имени Ломоносова. Несколько работ из тысяч... Но уже и по ним можно судить о том высоком художественном уровне фарфора, который создал заводу мировую славу. Вазы, настенные декоративные тарелки, чайные сервизы. Очень разные по форме, по манере исполнения росписи, то сдержанной, лаконичной, то яркой и праздничной. У каждого художника свое, очень индивидуальное видение мира, свой стиль. И в то же время есть качества, присущие всему ломоносовскому фарфору: это удивительное чувство гармонии, соответствие художественной росписи форме предмета, тонкий вкус, отвергающий вычурность. Ломоносовский фарфор покоится на двух китах: на народной традиции и классическом стиле.

Работа с фарфором требует от художника предельной собранности и дисциплины, умения на малой площади выразить многое. Ломоносовцам это удается. Их творчество можно определить словами одного французского писателя: «Мало материала, много искусства».

Были в жизни завода и периоды упадка: в 1900 году на Всемирной выставке в Париже петербургский фарфор занял последнее место и подвергся осмеянию за безвкусицу. Произошло это, когда на заводе отступили от народных традиций и пришлые скульпторы и рисовальщики стали слащаво подражать вычурному рококо и сентиментальным пасторалям. А ведь давно известно: тот, кто умеет подражать по-настоящему, подражать не станет.

С пришлыми заводу не повезло с самого основания. При Елизавете залучили из Швеции на русскую службу арканиста (arcanum в переводе с латинского — тайна) Гунгера, оплатили все его колоссальные долги, дорогу, произвели в «Директора над его царского величества фарфоровой мануфактурой», а он оказался проходимцем, делать фарфор не умел. И только стараниями замечательного русского ученого, друга М. В. Ломоносова, Дмитрия Ивановича Виноградова производство фарфора было налажено. Первый в России (и третий в Европе) фарфоровый завод, ставший, по сути дела, академией русского фарфора, был основан в 1744 году.

О том, что характеризует сегодняшний день Ленинградского фарфорового завода имени Ломоносова, одного из передовых предприятий Ленинграда, нашему корреспонденту С. ВЫСОЦКОМУ рассказала директор этого предприятия, делегат XXV съезда КПСС Зинаида Игнатьевна МЕТЕЛИЦА.

— Зинаида Игнатьевна, ломоносовский фарфор не оставляет людей равнодушными. Ваши сервизы, вазы, статуэтки не залеживаются на прилавках магазинов. Будет ли увеличен их выпуск в десятой пятилетке?

— Наш коллектив, партийная организация стремятся использовать все резервы, чтобы увеличить выпуск фарфора. Я думаю, что короче и красноречивее всего об этом расскажут цифры. Планом на девятую пятилетку предусматривался рост объема производства на 27 процентов, а фактически он составил 59,6 процента, производительность труда выросла на 54 процента. В три раза увеличился выпуск изделий со работниками. Вас не удивляет мое утверждение? Идеология и чашки... Но разве затронуть в душе человека чувство прекрасного — это не идеология? Коммунистическое мировоззрение по природе своей глубоко гуманистично. А гуманизм и чувство прекрасного неразделимы. Иной раз и маленький цветок воспитывает. Недавно я прочитала в одной книжке трехстишие средневекового японского поэта:

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.

С нашим фарфором человек соприкасается постоянно. И мы стремимся, чтобы это соприкосновение было соприкосновением с прекрасным.

Я уже не говорю о том, что некоторые наши изделия выполняли и выполняют прямую агитационную задачу. Не случайно в первые годы Советской власти бывший императорский завод передали Народному комиссариату просвещения и предназначили для выпуска агитационного фарфора. Вы видели у нас в музее вазы, тарелки, сервизы, посвященные знаменательным событиям в жизни нашей Родины, расписанные ярко и выразительно? Вспомните скульптуры Н. Данько «Женщина, вышивающая знамя», «Речь», блюдо Р. Вильде «На помощь голодающему населению Поволжья», сервиз «Кировск» Т. Безпаловой-Михалевой...

— Знакомясь с работниками завода, очень приятно было наблюдать удивительную теплоту, доброжелательность в отношениях между людьми. В мастерских художники стараются обратить внимание не на свои работы, а на работы товарища, с увлечением рассказывают об их достоинствах. Нынче все единодушны в том, что хороший нравственный климат в коллективе — основа всех успехов.

— Наряду с современным технологическим оборудованием...

— Но ведь доброжелательность, коллективизм, ответственность за общее дело, которые сразу чувствуешь на заводе, не пришли сами собой...

— Это одна из наших традиций, которую мы бережно и ревниво храним и развиваем. На заводе трудится очень много энтузиастов. Мы хорошо знаем друг друга, порой яростно ссоримся в поисках лучших решений, миримся тут же. Мы все время вместе ищем резервы.

Мы говорили с вами о том, что сервиз или ваза, доведенные до уровня художественного произведения — а это наша цель,— могут оказать на человека сильное эмоциональное воздействие, сделать его хоть чуточку нравственно совершеннее. Но диалектика заключается в том, что высокого качества продукции на любом предприятии, а на нашем особенно, можно достичь лишь в том случае, когда ее создают люди, обладающие не только хорошей квалификацией, но и такими чертами, как честность, ответственность, порядочность. Короче говоря, люди высоконравственные. А следовательно, качество — это категория и нравственная. Нравственный уровень человека сказывается на качестве работы, которую он выполняет, ничуть не меньше, чем, например, уровень технической оснащенности. Для человека с высокими нравственными идеалами профессиональная гордость не пустой звук. Он сам себе самый строгий контролер. И когда я слышу о новых и новых лю-

ЛОМОНОСОВС

Знаком качества. За прошлый год мы выпустили 18,5 миллиона штук фарфоровых и майоликовых изделий. Правда, это не так уж много, если учесть, что в нашей стране более 250 миллионов жителей...

В десятой пятилетке намечаем увеличить выпуск фарфора на 43 процента. Но для серьезного шага вперед необходимы комплексная реконструкция и дальнейшая специализация завода на производстве **только высокохудожественного фарфора.** Мы надеемся, что в ближайшие годы такая реконструкция будет проведена.

— В заводском музее собрана коллекция фарфора, которая украсила бы самые знаменитые музеи мира. Вы привели цифры, свидетельствующие о том, что ломоносовский фарфор стал массовой продукцией... Как же, говоря словами поэта, впрячь в одну телегу... коня и трепетную лань, совместить утилитарные интересы массового производства и уникальность подлинных произведений искусства, создаваемых лучшими художниками завода?

— Не так давно директор знаменитого Мейсенского завода в ГДР товарищ Питерман задал мне такой же вопрос... Мы не ставим перед собой задачу выпускать как можно больше обычной фарфоровой посуды. Традиции нашего завода, высокий профессиональный уровень кадров позволяют создавать подлинно художественные изделия. А благодаря новым, современным методам сложнейшие, яркие росписи таких мастеров, как заслуженные художники РСФСР А. В. Воробьевский, В. М. Городецкий, С. Е. Яковлева, А. А. Лепорская, художники В. М. Жбанов, Н. П. Славина, воспроизводятся у нас теперь большими тиражами и не утрачивают красоты подлинника.

Производство не диктует художникам какие-то свои, чисто утилитарные условия, не сковывает художническую мысль, а следует за прекрасными образцами, созданными в их мастерских.

Мы считаем себя не только хозяйственниками, но и идеологическими

дях, получивших право на личное клеймо и работающих без ОТК, то в первую очередь вижу за этим прекрасную примету нашего времени: глубокие изменения в нравственном облике человека.

Десятая пятилетка — пятилетка качества. И, определяя после XXV съезда КПСС свои задачи на будущее, мы хорошо представляли себе, что справимся с ними лишь в том случае, если постоянно и кропотливо будем продолжать серьезную воспитательную работу.

Мы начинаем эту работу в то время, когда будущие наши рабочие еще учатся в профессионально-техническом училище. Ведь недаром говорят: чему Ваню не выучили, тому Ивана не научить. На мой взгляд, у общества нет другой более важной задачи, чем воспитание молодой смены, тех, кто придет вместо нас. От того, какими вырастут наши дети, зависит судьба всего нами достигнутого. У нас на заводе работают прекрасные люди самых разных поколений. Я не буду называть фамилий. Всех не назовешь... Хочу лишь обратить ваше внимание на то, что у нас очень много потомственных кадров, почти нет текучести. 70 процентов инженерно-технических работников — бывшие рабочие завода...

— И директор?

— Да, я закончила ремесленное училище, работала в литейно-формовочном цехе. Один из наших лучших живописцев, член-корреспондент Академии художеств, лауреат премии имени Репина Владимир Михайлович Городецкий, тоже начинал рабочим. А ведь это очень важно — пройти такой путь, знать производство и людей досконально, чувствовать, что с тобой рядом не случайные коллеги по рабочему месту, а товарищи, всегда готовые прийти на помощь, единомышленники, проверенные жизнью. Ничуть не рисуясь, скажу, что для всех нас, ломоносовцев, завод наш — дом родной, а потому любимый.

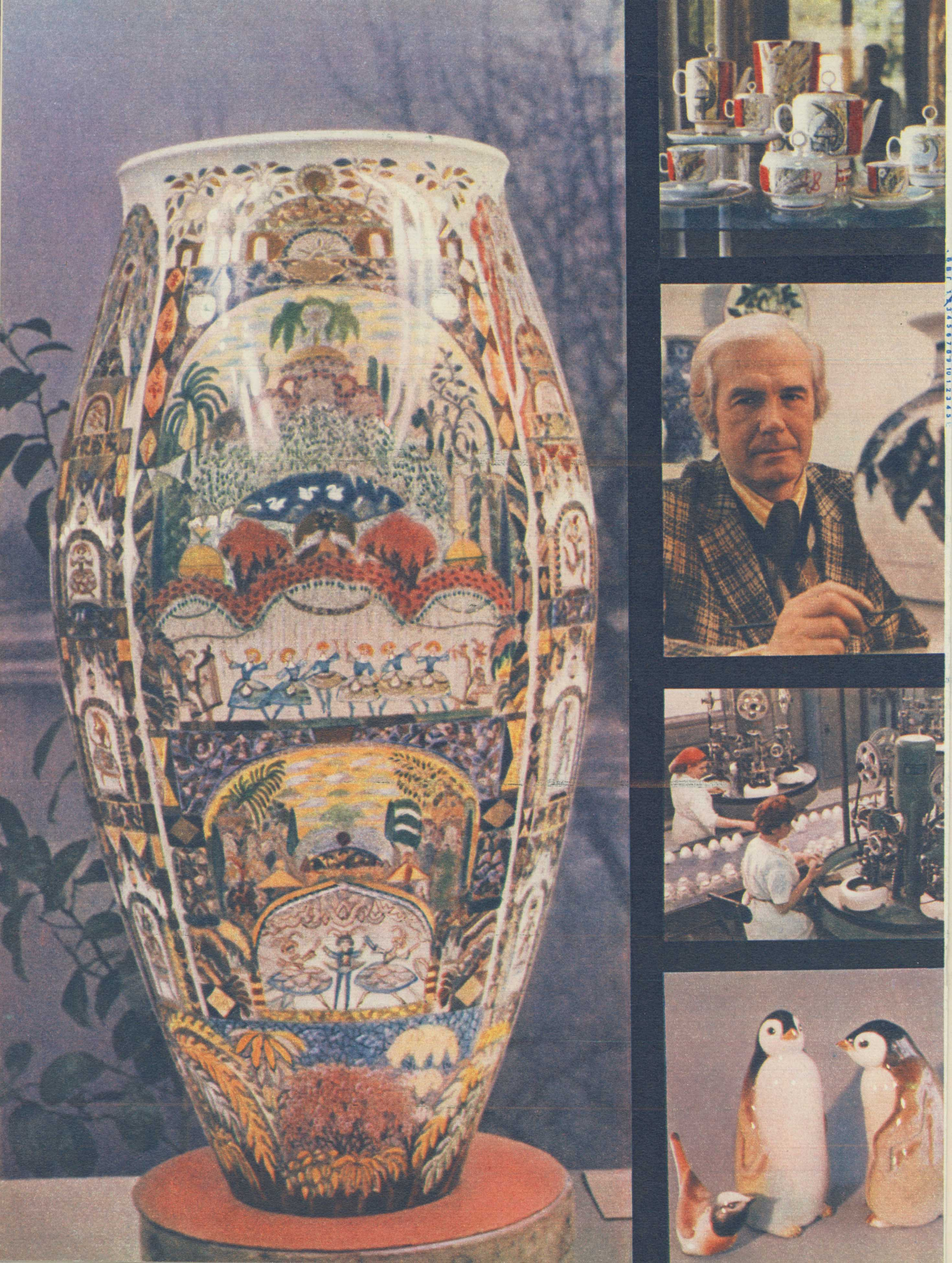
Живописец Н. Столбецкая. * «Эмблема» завода. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Печи скоростного обжига фарфоровых изделий. * Художник К. Косенкова. *Ваза, блюда, сервизы — искусная работа художников, скульпторов, мастеров завода.

КИЙ ФАРФОР

225 ЛЕТ ЗАВОДУ ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА

ЦАРЬ-РЫБА

Виктор АСТАФЬЕВ

Рисунки И. УШАКОВА

Идти на веслах к берегу он не решался, межень прошла, вода поднялась с осенней завирухи — мокрети, рвет, крутит, далеко до берега, и рыба на мель не пойдет, только почувствует осторожным икряным брюхом твердь, такое колено выкинет, такого шороху задаст, что все веревочки и уды полетят к чертям собачьим. Упускать добычу такую нельзя. Царь-рыба попадается раз в жизни, да и то не всякому якову. Дамке отродясь не попадала и не попадет. Он по реке не рыбачит, сорит удами...

Игнатьич вздрогнул, нечаянно произнеся, пусть и про себя, роковые слова — больно уж много всякой всячины наслушался он про царь-рыбу, хотел ее, конечно, изловить, увидеть, но само собой и робел. Дедушка говаривал: лучше отпустить ее, клятую, незаметно так, нечаянно будто отпустить, перекреститься и жить дальше, снова думать об ней, искать ее. Но раз вырвалось слово, значит, так тому и быть, значит, брать за жабры осетрину, и весь разговор! Препоны разорвались, в голове и сердце твердость — мало ли чего плели ранешные люди, знахари всякие и дед тот же — жили в лесу, молились колесу...

«А-а, была не была!» — удало, со всего маху Игнатьич жахнул обухом топора в лоб царь-рыбу и по тому, как щелкнуло звонко, а не глухо, без отдачи гукнуло, догадался: угодило вскользь. Надо было не со всего дурацкого маху бить, надо было стукнуть коротко, зато поточнее. Повторять удар некогда, теперь все решалось мгновениями. Он взял рыбину крюком на упор и почти перевалил ее в лодку. Готовый издать победный вопль, нет, не вопль — он ведь не городской придурок, он от веку рыбак,— просто тут, в лодке, дать еще разок по выпуклому черепу осетра обухом и рассмеяться тихо, торжественно, победно. Еще вдох, усилие — крепче в борт ногою, тверже упор. Но находившаяся в столбняке рыба резко вертанулась, ударилась об лодку, громыхнула, и черно поднявшимся ворохом не воды, нет, а комьями взорвалась река за бортом. Ожгло, ударило рыбака тяжестью по голове, давнуло на уши, полоснуло по сердцу. «А-ах!» — вырвалось из груди, как при доподлинном взрыве, подбросившем его вверх и уронившем в немую пустоту; слабеющим рассудком успел он еще отметить: «Так вот оно как, на войне-то...»

Разгоряченное борьбой нутро оглушило, стиснуло холодом. Вода! Он хлебнул воды! Тонет! Кто-то его тащил за ногу вглубь. «На крючке! Зацепило! Пропал!» — и почувствовал легкий укол в голень ноги — рыба продолжала биться, садить в себя и в ловца самоловные уды. В голове Игнатьича тоскливо и согласно, совсем согласно зазвучала вялая покорность, промельк мысли: «Тогда что ж... Тогда все...» Но был ловец сильным, жилистым мужиком, а рыба выдохшейся, замученной, и он сумел переделить не ее, а сперва эту вот, занимающуюся в душе покорность, согласие со смертью, которое и есть уже смерть, поворот ключа во врата на тот свет, где, как известно, замки для всех грешников излажены в одну сторону: «У райских врат стучаться бесполезно...»

Игнатьич выбил себя наверх, отплюнулся, хватил воздуха, увидел перед глазами паутинку тетивы, вцепился в нее и уже по хребтовине тетивы подтянулся к лодке, схватился за борт — дальше не пускало — в ноги воткнулось еще несколько уд спутанного самолова. Очумелая рыба грузно ворочалась на ослабевшем конце, значит, сдвинула становую якорницу, увязывала самолов, садила в себя крючок за крючком, и ловца не облетало. Он старался завести ноги под лодку, плотнее прильнуть к жестяному ее корпусу, но уды находили его, и рыба, хоть и слабо, рывками ворочалась во вспененной саже, взблескивая пилою спины, заостренной мордой, будто плугом вспахивала темное поле воды.

«Господи! Да разведи ты нас! Отпусти эту тварь на волю! Не по руке она мне!» — слабо, без надежды взмолился ловец. Икон дома не держал, в бога не веровал, над дедушкиными наказами насмехался. И зря. На всякий, ну хоть бы вот на такой, на крайний случай следовало верить дедушке, держать иконку, пусть хоть на кухоньке, в случае чего — на покойницу мать спереть можно было — оставила, мол, завещала...

Рыба унялась. Словно бы ощупью приблизилась к лодке, навалилась на ее борт — все живое к чему-нибудь да жмется! Ослепшая от удара, отупевшая от ран, надранных в теле удами и крюком-подцепом, она щупала, щупала что-то в воде чуткими присосками и острием носа уткнулась в бок человеку. Он вздрогнул, ужаснулся, ему казалось, рыба, хрустя жабрами и ртом, медленно сжевывала его заживо. Он попробовал отодвинуться, перебирался руками по борту накренившейся лодки, но рыба продвигалась за ним, упрямо нащупывала его и, ткнувшись хрящом холодного носа в теплый бок, успокаивалась, скрипела возле сердца, будто перепиливала его надреберье тупой ножовкой и с мокрым чавканьем вбирала внутренности в раззявленный рот, точно в отверстие мясорубки.

И рыба и человек слабели, истекали кровью. Человечья кровь плохо свертывается в холодной воде. Какая же кровь у рыбы? Тоже красная. Рыбья. Холодная. Да и мало ее в рыбе. Зачем ей кровь? Она живет в воде. Ей греться ни к чему. Это ему, человеку, в тепло надо, он на земле обитает. Так зачем же, зачем перекрестились их пути? Реки царь и всей природы царь — на одной ловушке, в холодной осенней воде. Караулит их одна и та же мучительная смерть. Рыба промучается дольше, она у себя, дома, и ума у нее не хватит скорее кончить эту волынку. А у него ума достанет отпуститься от борта лодки. И все. Рыба одавит его вглубь, затреплет, истычет удами, поможет ему...

«Чем? В чем поможет-то? Сдохнуть? Окочуриться? Не-ет! Не дамся, не да-а-амся!..» — Ловец крепче сжал твердый бок лодки, рванулся из воды, попробовал обхитрить рыбу, с нахлынувшей злостью взняться на руках и перевалиться за борт такой близкой, такой невысокой лодки! Но потревоженная рыба раздраженно чавкнула ртом, изогнулась, повела хвостом, и тут же несколько укусов, совсем почти неслышных, комариных, щипнули ногу рыбака. «Да что же это такое!» — всхлипнул Игнатьич, обвисая. Рыба тотчас успокоилась, придвинулась, сонно ткнулась уже не в бок, а под мышку ловца, и оттого, что не было слышно ее дыхания, слабо шевелилась на ней вода, он притаенно обрадовался: рыба засыпает, вот-вот она опрокинется вверх брюхом! Уморило ее воздухом, истекла она кровью, выбилась из сил в борьбе с человеком.

Он затих, ждал, чувствуя, что и сам погружается в дрему. Словно ведая, что они повязаны одним смертным концом, рыба не торопилась разлучаться с ловцом и с жизнью. Она работала жабрами, и чудился человеку убаюкивающий скрип сухого очепа зыбки. Рыба рулила хвостом, крыльями, удерживая себя и человека на плаву. Мирок успокоительного сна накатывал и на нее и на человека, утишая их тело и разум.

Зверь и человек в мор и пожары, во все времена природных бед, не раз и не два оставались один на один — медведь, волк, рысь — грудь в грудь, глаз в глаз, ожидая смерти иной раз много дней и ночей. Такие страсти, ужасы об этом сказывались, но чтобы повязались одной долей человек и рыба, холодная, туполобая, в панцире плащей, с желтенькими, восково плавящимися глазками, похожими на глаза не зверя, нет, у зверя глаза умные, а на поросячьи, бессмысленно сытые глаза,— такое-то на свете бывало ль?

Хотя на свете этом все и всякое бывало, да не все людям известно. Вот и он, один из многих человеков, обессилеет, окоченеет, отпустится от лодки, уйдет с рыбой в глубь реки, будет там болтаться, пока коленца не отопреют. А коленца-то капроновые, их до зимы хватит! Растеребит его удами в клочья, иссосут его рыба да вьюны, жучки-козявки разные да водяные блошки-вошки остатки доточат. И кто узнает, где он? Как он кончился? Какие муки принял? Вон старик-то Куклин года три назад где-то здесь же, возле Опарихи, канул в воду — и с концом. Лоскутка не нашли. Вода! Стихия! В воде каменные гряды, расщелья, затащит, втолкнет куда...

Однажды он видел утопленника. Тот на дне реки лежал, подле самого берега. Выпал, должно быть, с парохода, почти к суше прибился, да не знал того и сдался. А может, сердце отказало, может, пьяный был, может, и другое что стряслось — не выспросишь. Глаза утопленника, подернутые свинцовой плен-

---

Окончание. См. «Огонек» № 14.

Эта ваза называется «Праздник весны». Автор — заслуженный художник РСФСР А. В. Воробьевский. * За работой заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии имени Репина, член-корреспондент Академии художеств СССР В. М. Городецкий. * Шлифовальные станки в новом цехе.

кой, пленкой смерти, до того были огромны и круглы, что не вдруг и верилось, будто человечьи то глаза. Так уродливо вывернуты они оттого, что рыбка-мелочишка выщипала ресницы, веки обсосала, и ушли рыбешки под кругляши глаз; из ушей и ноздрей человека торчали пучками хвосты сладко присосавшихся к мясу налимишек и вьюнов, в открытом рту клубились гольяны...

— Не хочу-у! Не хочу-у-у-у!— дернулся, завизжал Игнатьич и принялся дубасить рыбину по башке.— Уходи! Уходи! Ухо-ди-и-и!

Рыба отодвинулась, грузно взбурлила водою, потащив за собой ловца. Руки его скользили по борту лодки, пальцы разжимались. Пока колотил рыбину одной рукой, другая вовсе ослабела, и тогда он подтянулся из последних сил, приподнялся, достал подбородком борт, завис на нем. Хрустели позвонки шеи, горло сипело, рвалось, однако рукам сделалось полегче, но тело и особенно ноги отдалились, чужими стали, правую ногу совсем не слыхать. И принялся ловец уговаривать рыбу скорее умереть.

— Ну, что тебе?— дребезжал он рваным голосом, с той жалкой, притворной лестью, которую в себе не предполагал.— Все одно околеешь...— Подумалось: вдруг рыба понимает слова! Поправился:—...Уснешь. Смирись! Тебе будет легче, и мне легче. Я брата жду, а ты кого?— И задрожал, зашлепал губами, гаснущим шепотом зовя:— Бра-ате-ельни-и-и-ик!..

Прислушался — никакого отзвука... Тишина. Такая тишина, что собственную душу, сжавшуюся в комок, слышно. И опять ловец впал в забытье. Темнота сдвинулась вокруг него плотнее, в ушах зазвенело, значит, совсем обескровел. Рыбу повернуло боком — она тоже завяла, но все еще не давала опрокинуть себя воде и смерти на спину. Жабры осетра уже не крякали, лишь поскрипывали, будто крошка короед подтачивал древесную плоть, закислевшую от сырости под толстой шубой коры.

На реке чуть посветлело. Далекое небо, луженное изнутра луной и звездами, льдистый блеск которого промывался меж ворохами туч, похожих на торопливо сгребенное сено, почему-то не сметанное в стога, сделалось выше, отдаленней, и от осенней воды пошло холодное свечение. Наступил поздний час. Верхний слой реки, согретый слабым солнцем осени, остудило, сняло, как блин, и бельмастый зрак глубин со дна реки проник наверх. Не надо смотреть на реку. Зябко, паскудно на ней ночью. Лучше наверх, на небо смотреть.

Вспомнился покос на Фетисовой речке, отчего-то желтый, ровно керосиновым фонарем высвеченный или лампадкой. Покос без звуков, без движения какого-либо и хруста под ногами, теплого сенного хруста. Среди покоса длинный зачесанный зарод с острием жердей, торчащих по полого осевшему верху. Почему же все желтое-то? Безголосое? Лишь звон густеет — ровно бы под каждым стерженьком скошенной травы по махонькому кузнецу утаилось и без передыху звонят они, заполняя все вокруг нескончаемой, однозвучной, усыпляющей музыкой пожухлого, вялого лета. «Да я же умираю!— очнулся Игнатьич.— Может, я уж на дне? Желто все...»

Он шевельнулся и услышал рядом осетра, полусонное, ленивое движение его тела почувствовал — рыба плотно и бережно жалась к нему толстым и нежным брюхом. Что-то женское было в этой бережности, в желании согреть, сохранить в себе зародившуюся жизнь.

«Да уж не оборотень ли это?!»

По тому, как вольготно, с сытой леностью подремывала рыба на боку, похрустывала ртом, будто закусывая пластиком капусты, упрямое стремление ее быть ближе к человеку, лоб, как бы отлитый из бетона, по которому ровно гвоздем процарапаны полосы, картечины глаз, катающиеся без звука под панцирем лба, отчужденно, однако ж не без умысла вперившийся в него бесстрашный взгляд — все-все подтверждало: оборотень! Оборотень, вынашивающий другого оборотня, что-то греховное, человечье есть в сладостных муках царь-рыбы, кажется, вспоминает она что-то сладостное, тайное перед кончиной.

Но что она может вспоминать, эта холодная водяная тварь? Шевелит вон щупальцами-червячками, прилипшими к лягушачьей жидкой коже, за усами беззубое отверстие, то сжимающееся в плотно западающую щель, то отрыгивающее воду в трубку. Что у нее еще было, кроме стремления кормиться, копаясь в илистом дне, выбирая из хлама козявок?! Нагуливала она икру и раз в году терлась о самца или о песчаные водяные дюны? Что еще было у нее? Что? Почему же он раньше-то не замечал, какая отвратная эта рыба на вид! Отвратно и нежное бабье мясо ее, сплошь в прослойках свечного желтого жира, едва скрепленное хрящами, засунутое в мешок кожи; ряды панцирей в придачу, и нос, какого ни у одной рыбы нет, и эти усы-червяки, и глазки, плавающие в желтушном жиру, требуха, набитая грязью черной икры, какой тоже нет у других рыб,— все-все отвратно, тошнотно, похабно!

И из-за нее, из-за этакой гады забылся в человеке человек! Жадность его обуяла! Померкло, отодвинулось в сторону даже детство, да детства-то, считай, и не было. Сколь помнится, все в лодке, все на реке, все в погоне за нею, за рыбой этой проклятой. На Фетисовой речке родительский покос дурниной затянуло, захлестнуло. В библиотеку со школы не заглядывал — некогда. Был председателем школьного родительского комитета — содвинули, переизбрали — не заходил в школу. Наметили на производстве депутатом в поссовет — трудяга, честный производственник — и молча отвели: рыбачит втихую, хапает, какой из него депутат? В народную дружину и в ту не берут, забраковали. Справляйтесь сами с хулиганами, вяжите их, воспитывайте, ему некогда, он все время в погоне. Его-то никакой бандюга не достанет! Ан и достали. Тайку-то, племяшку, любимицу!..

А-ах, ты, гад, бандюга! Машиной об столб юную, прекрасную девушку, в цвет входящую, бутончик маковый, яичко голубиное — всмятку. Девочка, небось, в миг последний отца родимого, дядю любимого вспомнила, пусть умственно, про себя кликнула. А они? Где были они? Чего делали? По реке они, по воде на моторках бегали, за рыбой гонялись, хитрили, изворачивались, теряя облик человеческий... В школе с трудом и мукой отсидел четыре зимы. На уроках, за партой, диктант пишет, бывало, или стишок слушает, а умственно на реке пребывает, сердце дергается, ноги дрыгаются, кость в теле воет — она, рыба, поймалась, идет! Идет, идет! Пришла вот! Самая большая! Царь-рыба! Да будь она...

Опять дед вспомнился. Поверья его, ворожба, запуги: «Ты как поймашь, Зиновей, малу рыбку — посеки ее прутом. Сыми с уды, и секи, да приговаривай: «Пошли тятю, пошли маму, пошли тетку, пошли дядю, пошли дядину жану!» Посеки, и отпущай обратно, и жди. Все будет сполнено, как ловец велел». Было, сек прутом рыбину, сперва взаправду, подрос — с ухмылкой, а все же сек, потому как верил во всю эту трахамудрию — рыба попадалась и крупная, но попробуй разбери, кто тут тятя, кто тут дядя и кто дядина «жана»... Вечный рыбак, лежучи на печи со скрученными в крендель ногами, дед беспрестанно вещал голосом, тоже вроде бы от ревматизма ломаным, трескучим: «А ешли у вас, робяты, за душой што есь, тяжкий грех, срам какой, варначество — не вяжитесь с царь-рыбой, попадется коды — отпущайте сразу. Отпущайте, отпущайте!.. Ненадежно дело варначье». Ни облика, ни подробностей жизни деда, ни какой-нибудь, хоть мало-мальской, приметы его не осталось в памяти, кроме рыбацких походов да заветов. Этот вот другорядь за сегодня вспомнился. Припекло!

Но какой же срам, какое варначество за ним такое страшное, коль так его скрутило?

Игнатьич отпустился подбородком от борта лодки, глянул на рыбину, на ее широкий бесчувственный лоб, бронею защищающий хрящевину башки, желтые и синие жилки-былки меж хрящом путаются. Озаренно, в подробностях обозначилось ему то, от чего он оборонялся всю почти жизнь и о чем вспомнил тут же, как только попался на самолов, но отжимал от себя наваждение, заслонялся нарочитой забывчивостью, однако дальше сопротивляться окончательному приговору не было сил.

Пришла пора отчитаться за грехи, пробил крестный час.

...Глашка Куклина, его ухажерка, девка на причуды и выдумки гораздая, додумалась однажды вываренный осетровый череп приспособить вместо маски, да еще и лампочку от фонарика в него вдела. Как первый раз в темном зале клуба явилась та маска, народ едва рамы на себе не вынес. Страх, как блуд, и пугает и манит. В Чуши с той поры балуются маской малы и велики.

С Глашки-то с Куклиной все и начинается.

В сорок втором году на чушанскую лесопилку послали трудармейцев — резать доску на снарядные ящики. Команду возглавлял гонкий да звонкий лейтенантик, из госпиталя, с орденом. Раненый боевой командир появился в Чуши первый и девок, млеющих перед его красотой и боевыми заслугами, скромностью удивлять не собирался. Само собой, орлиным своим взором лейтенант не мог обойти видную деваху Глашку Куклину. Где-то в узком месте подзажал он ее, и потекли по Чуши слухи.

Игнатьич, тогда еще просто Зинка, Зиновий или Зиновей, как звал его дедушка, за жабры присуху Глашку — и к ответу. На грудь ему Глашка пала: «Сама себя не помнила... Роковая ошибка...» «Ошибка, значит? Роковая! Хор-рошо-о! Но за ошибку ответ держат! За роковую — двойной!» Виду, однако, кавалер никакого не показал, погуливал, разговорчики с дролей разговаривал, когда и пощупает, но в пределах необходимой вежливости. Ближе к весне боевого командира из тыла отозвали. Вздохнули мамы с облегчением, улеглись страсти и слухи в поселке. Глашка оживляться начала, а то как не в себе пребывала.

В разлив, в половодье, когда ночи сделались совсем коротки и по-весеннему шатки, птицы пели за околицей и по лугам считай что круглосуточно, младой кавалер увел Глашку за поскотину, к тонко залитой вешнею водой пойме, прижал девку к вербе, оглоданной козами, зацеловал ее, затискал, делал все, чему научили опытные дружки, науськавшие парня во что бы то ни стало расквитаться с «изменщицей». «Что ты, что ты! Нельзя!» — взмолилась Глаха. «Лейтенанту можно?! А я тоже допризывник. Старшим лейтенантом, глядишь, стану!» Как он Глашке про лейтенанта брякнул, она и руки уронила, любила она, видать, его, дурака-чалдона, а он баловался, ухажерился только и воспользовался ее покорностью. Поначалу-то забыл и про месть и про лейтенанта, поначалу он и сам себя худо помнил. Это уж потом, когда пых прошел, когда туман с глаз опал, снова в памяти высветлился лейтенант, чернявый, в сгармошенных сапогах, орден и значок на груди его сверкают, нашивка за фронтовую рану огнем горит! Это как стерпеть? Как вынести ревнивому сердцу? Кавалер поставил покорную девку над обрывистым берегом, отвернул лицом к пойме... поддал хнычущей, трясущейся девчушке коленом, и она полетела в воду. Мокрогубый пакостник место выбрал мелкое, чтоб не утонула ухажерка часом, послушал, посмотрел, как возится, шлепается она на мелководье, завывая от холода, выкашливая из себя не воду, а душу, и трусовато посеменил домой.

С той поры легла меж двумя человеками глухая враждебная тайна. Отслужив в армии в городе Фрунзе, привез с собой Зиновий жену. Глаха тем временем тоже вышла замуж, за инвалида войны, тихого приезжего мужика, который выучился на счетовода, пока валялся в госпитале. Жила Глаха с мужем скромно, растила троих ребят. Где-то в глубине души Игнатьич понимал, что и замужество ее и вежливое «здравствуйте, Зиновий Игнатьевич!», произнеся которое Глаха делала руки по швам и скорее пробегала,— все это последствия того надругательства, которое он над нею произвел.

Бесследно никакое злодейство не проходит, и то, что он сделал с Глахой, чем, торжествуя, хвастался, когда был молокососом, постепенно перешло в стыд, в муку. Он надеялся, что на людях, в чужом краю все быльем порастет, но, когда оказался в армии, так затосковал по родным местам, такой щемящей болью отозвалось в нем прошлое, что он сломался и написал покаянное письмо Глахе.

Ответа на письмо не пришло.

В первый же по приезде вечер он скараулил Глаху у совхозного скотного двора — она работала там дояркой,— сказал все слова, какие придумал, приготовил, прося прощения. «Пусть

вас бог простит, Зиновий Игнатьевич, а у меня на это сил нету, силы мои в соленый порошок смололись, со слезьми высочились.— Глаха помолчала, налаживая дыхание, устанавливая голос, и стиснутым горлом завершила разговор:— Во мне не только что душа, во мне и кости навроде как пусты...»

Ни на одну женщину он не поднял руку, ни одной никогда больше не сделал хоть малой пакости, не уезжал из Чуши, неосознанно надеясь смирением, услужливостью, безблудьем избыть вину, отмолить прощение. Но не зря сказывается: женщина — тварь божья, за нее и суд и кара особые. До него же, до бога, без молитвы не дойдешь. Вот и прими заслуженную кару и, коли уж хотел когда-то доказать, что ты мужик, им останься! Не раскисай, не хлюпай носом, молитвов своедельных не сочиняй, притворством себя и людей не обманывай! Что ты здесь, на реке, делаешь? Прощенья ждешь? От кого? Природа, она, брат, тоже женского рода! Сколько ж ты ее налапал? Так, значит, всякому свое, а богову — богово! Освободи от себя и от вечной вины женщину, прими перед этим все муки сполна, за себя и за тех, кто сей момент под этим небом, на этой земле мучает женщину, учиняет над нею пакости!

Не владея ртом, но все же надеясь, что хоть кто-нибудь да услышит его, он изорванно, прерывисто засипел:

— Прос-си-итееее... се-еэээ... Кла-а-аша-а-а, прос-си-и-и.— И попробовал разжать пальцы, но руки свело, сцепило судорогой, на глаза от усилия наплыла красная пелена, гуще зазвенело не только в голове, но вроде бы и во всем теле. «Не все еще, стало быть, муки я принял»,— отрешенно подумал Игнатьич и обвис на руках, надеясь, что настанет пора, когда пальцы сами собой отомрут и разожмутся.

Сомкнулась над человеком ночь. Движение воды и неба, холод и мгла — все слилось воедино, остановилось и начало каменеть. Ни о чем он больше не думал. Все сожаления, раскаяния, даже боль и душевные муки отдалились куда-то, он утишался в себе самом, переходил в иной мир, сонный, мягкий, покойный, и только тот, что так давно обретался там, в левой половине его груди, под сосцом, не соглашался с успокоением — он никогда его не знал, сторожился сам и сторожил хозяина, не выключая в нем слух. Густой комариный звон прорезало напористым, уверенным звоном из тьмы и ткнуло — под сосцом, в еще не остывшем теле вспыхнул свет. Человек напрягся, открыл глаза — по реке звучал мотор «Вихрь». Даже на погибельном краю, уже отстраненный от мира, он по голосу определил марку мотора и честолюбиво обрадовался прежде всего этому знанию, хотел крикнуть брата, но жизнь завладевала им, пробуждала мысль. Первым ее током он приказал себе ждать: пустая трата сил, а их осталась кроха,— орать сейчас. Вот заглушат моторы, повиснут рыбаки на концах, тогда зови-надрывайся.

Волна от пролетевшей лодки качнула посудину, ударила о железо рыбу, и она, отдохнувшая, скопившая силы, неожиданно вздыбила себя, почуяв волну, которая откачала ее когда-то из черной мягкой икринки, баюкала в дни сытого покоя, весело гоняла в тени речных глубин, сладко мучила в брачные времена, в таинственный час икромета.

Удар. Рывок. Рыба перевернулась на живот, нащупала вздыбленным гребнем струю, взбурлила хвостом, толкнулась об воду и отодрала бы она человека от лодки, с ногтями, с кожей отодрала бы, да лопнуло сразу несколько крючков. Еще и еще била рыба хвостом, пока не снялась с самолова, изорвав свое тело в клочья, унося в нем десятки смертельных уд.

Яростная, тяжко раненная, но неукрощенная, она грохнулась где-то уже в невидимости, плеснулась в холодной заверти, буйство охватило освободившуюся волшебную царь-рыбу.

«Иди, рыба, иди! Я про тебя никому не скажу. Поживи, сколько сможешь!»— молвил ловец, и ему сделалось легче. Телу — оттого, что рыба не тянула вниз, не висела на нем сутунком, а душе — от какого-то еще не постигнутого умом освобождения...

ЧЕРТОВЩИНА,

ИЛИ ЛЖЕПРОРОКИ НА СЛУЖБЕ АНТИКОММУНИЗМА

Юрий ЖУКОВ

Окончание.
Начало см. №№ 12, 13, 14.

IV

«ИИСУС ИЗ СЕУЛА» и ЕГО ПОДРУЧНЫЕ

По мнению журнала «Нувель обсерватер», «Иисус из Сеула» — Сан Мьюнг Мун преуспел в Америке — его проповеди пользуются успехом «среди охваченной метафизическими исканиями американской молодежи, часть которой превратила в своего идола Мэнсона (речь идет о небезызвестном лжепророке, объявившем себя богом и дьяволом в одном лице.— Ю. Ж.), причем считают, что он обгонит по своему влиянию гуру Махарая... Церковь Муна уже насчитывает в Соединенных Штатах тридцать тысяч верующих, причем семь тысяч из них живут в сообществах...»

Мать Марии-Кристины Амадео, тщетно пытавшаяся дважды вырвать свою дочь из лап «мунистов», показывает фото дочери и ее подруги.

Что касается Западной Европы, то здесь влияние «Церкви объединения» распространяется пока неравномерно. Наибольшего успеха добились западногерманские вербовщики последователей нового мессии, возглавляемые бывшим членом «гитлерюгенда» Паулем Вернером. Хуже идут дела во Франции, где до сих пор в нового живого бога поверили лишь четыреста человек, хотя в этой стране активнейшая пропаганда в пользу «Иисуса из Сеула» ведется вот уже восемь лет.

Первый десант миссионеров новой религии высадился в Париже вскоре после памятных майских событий 1968 года, не на шутку перепугавших хранителей устоев капитализма. Во главе десанта стоял некий Винцент Рейнер. Он не преуспел в своей миссии и в дальнейшем вместо него подыскали другого миссионера, на этот раз француза. Это тридцатидвухлетний Анри Бланшар из Бретани, бывший семинарист. Одним из активнейших его помощников является Жан Пепар, руководитель своеобразного монастыря французских последователей новой религии, основанного в замке Флери. Эти люди координируют деятельность сотен вербовщиков, по большей части иностранцев, которые периодически приезжают большими группами в страну для проведения массовых кампаний в пользу новой религии.

«Какая организованность! — восклицает обозреватель журнала «Нувель обсерватер» Анри Шабалье.— Существует Global team (команда мирового масштаба), составленная из проповедников, которые объезжают весь мир, распространяя доброе (?) слово, существует европейская team, в состав которой входят 150 тщательно отобранных «мунистов» (им поручено постоянно укреплять деятельность сообществ, уже существующих в Европе). Эта команда только что объехала Великобританию и ФРГ. Во Францию она приезжала дважды. В дальнейшем европейская команда направится в Италию. «Мунисты», которые живут постоянно во Франции, разделены на четыре team: «команда радости», которая продает газету «Новая надежда» и торгует почтовыми открытками,— доход от этой продажи поступает в фонд «церкви»; «команда победы», которая с той же целью торгует гончарными изделиями и фарфором; «команда типографии», которая занята печатанием пропагандистских материалов; наконец, «команда», которая занимается продажей женьшеня. И все они в то же время заняты вербовкой верующих.

Разработана инструкция для вербовщиков, которая гласит: «На первой стадии контактов нужно избрать мишень (!). Надо быть психологом, научиться читать лица. Мы должны производить на людей впечатление спокойствием, уверенностью в себе, нашим умением концентрировать свои мысли... Надо хорошо усвоить, что мы выше других. И надо действовать так, чтобы люди чувствовали, что они что-то выигрывают, слушая нас».

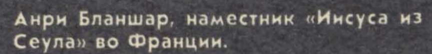
И вот хорошо одетые, безупречно вежливые молодые люди с улыбкой на лице подходят на улице к обеспокоенным чем-то прохожим и, извинившись за беспокойство, заводят с ними разговор: «Простите, вас, кажется, что-то тревожит... Я хотел бы вам помочь...» И дальше разговор идет о трудностях жизни, о ее смысле, о бренности всего земного и о величии духовной жизни. Дальше следует предложение: «Может быть, вы зайдете к нам — мы помогаем людям... Это недалеко... Кстати, вот автомобиль, я вас подвезу... Сегодня у нас как раз состоится интересная беседа... Если она вас не заинтересует, конечно, вы сможете уйти...»

Юноша или девушка, тронутые участием,— не столь уж часто случается встретить на улице такого заботливого человека! — соглашаются. В зале, куда их приглашают, уже сидят несколько человек, приглашенных такими же миссионерами. Начинается опять-таки участливый, долгий разговор. В заключение приглашенным предлагается пройти трехдневный «стаж» в рабочем центре «церкви объедине-

Колдун XX века... Этот снимок сделан не где-нибудь в отсталой деревушке в дебрях джунглей, а в Париже. Сотни колдунов, магов, предсказателей судеб до сих пор предлагают свои услуги наивной клиентуре за немалую мзду.

Анри Бланшар, наместник «Инсуса из Сеула» во Франции.

Коллективное бракосочетание 1800 пар новобрачных в Сеуле — последователей «живого бога» Сан Мьюнг Муна.

Фото из журналов «Экспресс» «Пари-матч», «Пуэн»

ния». А там эти ловцы человеческих душ опять-таки действуют в соответствии с разработанной для них точной инструкцией, она была изложена журналом «Пуэн» 26 января 1976 года:

«1. Надо изолировать молодого человека или девушку, побудить его порвать связи с прежними друзьями и семьей.

2. Нельзя оставлять новичку ни минуты на размышление. Подъем — в 7 часов утра. Отбой — в 2 часа ночи. От 7 часов утра до 2 часов ночи — четыре лекции, пение песен, молитвы, работа.

3. Жизнь в сообществах должна быть очень суровой. Питание — ограниченное, без протеинов,— это ослабляет личность.

4. Воспитание должно осуществляться путем внушения теоретических концепций, которые надо заучивать наизусть: есть Добро и Зло, Бог и Сатана. Сатана — это коммунизм. Мун — это новый Христос, миссия которого — освободить мир.

5. Наконец, надо побудить новичка ничего не скрывать и в особенности откровенно излагать свои сомнения в ценности доктрины. Он должен самопроизвольно раскрывать перед лидером любые сомнения, какие могут у него возникнуть».

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА АРИАН ЖЕРО

Как все это выглядит на практике? Давайте послушаем рассказ восемнадцатилетней парижанки Ариан Жеро, которая попала в сети, расставленные «мунистами», шесть недель прожила в одном из «сообществ» и потом сбежала оттуда. Добавлю тут же, что случаи бегства не столь уж часты — многие, попав в эти сети, превращаются в бездумных роботов и даже тогда, когда их находят родители, отказываются вернуться под кровлю отчего дома. Итак, вот рассказ этой девушки:

— Я возвращалась домой, в Леваллуа, на метро, когда ко мне обратился молодой человек. Он улыбался, у него было открытое, симпатичное лицо. Он завел разговор о проблемах молодежи, о будущем, о безработице, потом о том, что люди должны с любовью относиться друг к другу. Мы поспорили. Он сказал, что живет в сообществе таких же, как он, и предложил мне приехать и провести уикэнд с ними. Сказал, что живет в замке, за городом, что рядом там парк и лес. Меня это заинтересовало.

Надо сказать, что в то время дела мои были плохи. Мой отец умер. Мне было семнадцать с половиной лет. Я еще не работала. Кроме того, у меня была печальная сентиментальная история... И я согласилась.

Вначале мы отправились на какую-то виллу в Париже. Группа молодых людей угостила меня чаем с пирожными. Ко мне проявили большое внимание,— когда туда попадаешь, начинаешь чувствовать себя хорошо: о тебе так заботятся, что тебе самой кажется, будто ты — важная персона. Меня и других гостей, таких же, как я, спросили, знаем ли мы песни. Начали петь. Девушки играли на гитарах. Была очень симпатичная атмосфера.

Потом заговорили о боге. Я в этом ничего не понимала, ведь я была неверующей. Но все же я слушала. Помнится, что поведение лидера, который вел беседу, меня поначалу удивило; он топал ногой и размахивал кулаком. Я подумала: «Какой чудной тип!»

После этого разговора поужинали. Нас угостили цветной капустой и салатом со странным соусом. Потом я узнала, что это приправа с настоем из женьшеня. После ужина поехали в Вокрессон. В машине нас было пятеро или шестеро. Мы веселились. Когда приехали, я поразилась: действительно, мои новые друзья жили в роскошном доме, похожем на замок. Я удивилась: как небольшое сообщество молодежи смогло заполучить такое великолепное жилище?

Выглядела эта молодежь весьма пристойно: молодые люди были коротко острижены, одеты в белые рубашки и брюки из тергаля, девушки были в плиссированных юбках. Я до этого не имела никакого представления о том, что делает молодежь в таких сообществах.

Мы вошли в большой, почти пустой зал. Его украшали фотография какого-то типа — мне сказали, что это Мун, неизвестная мне эмблема в рамке и флаг — это был, как я потом узнала, флаг Южной Кореи. Все уселись на пол. Каждого спросили, кто он и откуда. Потом нас повели спать,— девушки спали на втором этаже, в большой комнате, на полу — в спальных мешках, кроватей не было.

Назавтра я проснулась рано. В окно, на котором не было занавесок, бил свет. Снизу слышалось какое-то пение. Мы умылись, сошли вниз. Нам предложили кофе, шоколад, бутерброды. За нами опять внимательно ухаживали. Мною занималась девушка по имени Надя.

После завтрака нас собрал руководитель. Он начал говорить о первородном грехе, об Адаме, Еве и Люцифере. Я ничего этого не знала, и мне история, которую он рассказывал, показалась туманной. Но тут же руководитель заговорил о другом — о проблемах современного мира. Меня поразило то, что он не позволял нам задавать вопросы. Все время говорил: «Потом... Потом...»

Кончилась эта долгая лекция, нас отвели в парк, мы там позавтракали, была музыка, было очень весело... Потом опять была лекция о религии. Я говорила себе: «Ладно, ладно, если это им доставляет удовольствие, пусть рассказывают. Это мне неинтересно,— я просто провожу здесь уикэнд».

Второй день начался с коллективной молитвы. Читали — очень быстро — похоже на «Отче наш», но почему-то была путаница между «Отцом нашим» и господином Муном. Молящиеся по-прежнему улыбались, в то же время на их лицах была какая-то печаль. Меня охватило чувство тревоги. Мне стало вдруг трудно говорить, перехватило горло. Мне казалось, что я была полна энергии и в то же время я испытывала крайнюю слабость. Они мне говорили: «Это потому, что тебя осенило откровение божье».

Мною особенно активно занялась Надя. Она как-то сумела войти ко мне в душу, заботясь обо мне, и на третий день я решила остаться в сообществе. Мне объяснили: «Мы братья и сестры. Все, что у нас есть,— общее. Мы отрешились от всего, что нас окружало раньше,— от родителей, от приятелей, потому что они все — во власти Сатаны. Все, кто остается в сообществе, приносят клятву — «отдавать свою кровь, свой пот, свое имущество — настоящее и будущее».

Вначале у меня многое вызывало сомнения. Я знала, например, что в Южной Корее — фашистский режим, а здесь ее все время хвалили и говорили, что Мун спасет мир. Нам показывали фильмы о нем, читали о нем лекции, мы пели молитвы, в которых его называли богом. Но времени на то, чтобы думать, оставалось все меньше и меньше. Мы почти не спали — все время были заняты работой, молитвами, лекциями, песнями. Мы превратились в роботов, перестав мыслить.

«ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ»

Ариан Жеро все же вырвалась из этой «обители психологического насилия», как именует сообщества «мунистов» капитан Жан-Пьер Морэн в своей книге, посвященной разоблачению нового мессии и его подручных. Но многие сотни других жертв политико-религиозной мафии остались у них в лапах. В числе этих жертв — и рядовые рабочие и работницы, и бывшие студенты, и подававшие надежды молодые научные работники. Одни из них действительно превращены в «роботов» и трудятся без всякой оплаты на предприятиях, принадлежащих Сан Мьюнг Муну, по шестнадцать часов в сутки. Других специалисты по психологической обработке превращают в миссионеров новой религии и рассылают их в разные страны для вербовки новых и новых поклонников «Иисуса из Сеула».

Но и те и другие находятся в полном духовном рабстве у Сан Мьюнг Муна. Он распоряжается их судьбами так, как считает это нужным. Даже семьи своих верующих формирует он сам. До 24 лет юношам и девушкам запрещается жениться и выходить замуж. Когда же они достигают этого возраста, «богочеловек» сам (!), изучив их личные дела и фотографии,

решает, кого на ком женить. Затем подобранные им жених и невеста, уплатив своему богу по 400 франков за эту милость, отправляются в Сеул; туда прилетает новый мессия и благословляет их брак.

1 марта 1975 года журнал «Пари-матч» опубликовал сенсационные фотографии: 1800 пар новобрачных — все мужчины в одинаковых костюмах, все женщины в одинаковых подвенечных платьях — стоят шеренгами, и Сан Мьюнг Мун в каком-то странном балахоне с короной на голове их благословляет. В этот день он под звуки музыки духового оркестра полиции Сеула сочетал браком 891 чету южнокорейцев, 797 пар японцев, 2 китайских и 111 западноевропейских пар. Эти снимки вызвали подлинный шок в семьях, у которых были похищены эти юноши и девушки.

В газеты и журналы посыпались такие, например, письма:

«Я вам пишу как мать одной из жертв южнокорейской секты Муна, опасность которой не следует недооценивать, потому что это новая нетерпимая форма агрессии против человеческой личности... Мой сын был завербован этой сектой в феврале 1975 года обычным для нее манером: контакт на улице, лекция в городской штаб-квартире, бесплатный уикэнд в Ольнэ-су-Буа. Полностью распропагандированный за три дня, он решил там остаться. Поскольку ему не было еще 18 лет, мы заставили его вернуться. Он продолжал свою учебу и как будто бы образумился. Но когда он стал совершеннолетним, агенты секты снова начали охотиться за ним и в конце концов уговорили его вернуться в «сообщество». А ведь у него были блестящие способности. Он отлично закончил лицей, стал бакалавром и готовился к поступлению в высшую школу. Я встретилась с сыном на несколько часов и увидела, до какой степени он умственно деградировал. Он говорил мне: «Через два года половина мира станет коммунистической, а другая половина будет следовать «божественным принципам». Но те, кто против нас, умрут».

Лядус, город Ренн».

Большую тревогу у родителей вызвали опубликованные в прессе сообщения о том, что юноши и девушки, которым так или иначе удается вырваться из объятий апостолов нового мессии, оказываются духовно искалеченными людьми,— их психика, как правило, не выдерживает длительного и безжалостного «промывания мозгов», которому они подвергаются в сообществах «мунистов», и их приходится лечить в психиатрических больницах.

В Ренне еще в мае 1974 года доктор Шамполлион, у которого «мунисты» увели сына, основал Ассоциацию защиты семей; в нее вступили сотни родителей, чьи сыновья и дочери попали в лапы нового мессии. Протесты множились. Год с лишним спустя, 7 июня 1975 года, в газете «Монд» было опубликовано сообщение: «Секта Сан Мьюнг Муна стала объектом юридического расследования». Под этим заголовком газета напечатала следующий ответ министра внутренних дел Мишеля Понятовского на запрос сенатора Поля Карона:

«Церковь воссоединения», более известная под именем «Ассоциации мирового христианства», сейчас является объектом юридического расследования вследствие ряда жалоб, поступивших от семей, чьи дети вступили в это движение.

Пока что, добавил министр, никакое судебное следствие начато не было, поскольку деятельность движения не отражается на общественном порядке. Однако власти с особым вниманием следят за этой деятельностью, поскольку многие семьи проявляют обеспокоенность. В случае, если окажется, что эта ассоциация преследует цели, противные законам и добрым нравам, трибунал может начать рассмотрение вопроса о ее роспуске, как это предусмотрено статьей 7 закона от 1 июля 1901 года».

Вербовщики нового мессии нисколько не были обеспокоены этой информацией. Они были уверены, что коль скоро в основе их новой религии лежит антикоммунизм, жалобы родителей, чьи дети стали солдатами провозглашенного «Иисусом из Сеула» нового крестового похода, ничем им не грозят.

В ноябре 1975 года во Францию пожаловал сам Сан Мьюнг Мун, чтобы приободрить своих учеников. Он собрал их в Вокрессоне, чтобы, как писала газета, «вручить своему ученику Анри Бланшару полномочия на руководство миссией спасения Франции от коммунизма».

Обращаясь к своим последователям, Мьюнг сказал,— цитирую дословно:

— Наполеон осуществил потрясающее дело, задумав покорить весь мир ради выгоды своей нации... Ваш лидер Анри поставит всю французскую нацию и весь мир под власть бога... Ваш лидер, следовательно, должен быть еще более амбициозным, еще более могучим, чем Наполеон. Он должен быть более активным, должен работать еще больше...

И повернувшись к Бланшару, этот «богочеловек» патетически вопросил его:

— Анри! Хочешь ли ты быть более сильным, чем Наполеон, и распространить свою работу на весь мир?

— Да!— воскликнул Бланшар.

И Мьюнг удовлетворенно завершил:

— Ваш лидер — настоящий человек. Человек сердца. Он должен работать, преодолевая все трудности...

И секта продолжала «работать», не обращая внимания на туманное предупреждение министра внутренних дел.

«Что думает полиция о Муне и «мунистах»? Ничего. Она наблюдает. Следит. Собирает информацию. Полиция не нашла ничего предосудительного,— писал журнал «Пари-матч» 31 января 1976 года.— Все молодые люди и девушки — взрослые, они вступают (в число последователей Сан Мьюнг Муна) добровольно... Стало быть, полиция бессильна».

Любопытно, что сам «Пари-матч» оказался не чужд нарочитым попыткам продемонстрировать невинность и даже привлекательность новой антикоммунистической религии. Строки, которые я только что процитировал, взяты мною из опубликованного в этом журнале большого репортажа под названием «Она счастлива у Муна», в котором в самом розовом свете изображается жизнь в «сообществах» учеников Сан Мьюнг Муна.

А между тем судьба этих учеников отнюдь не столь счастлива, как это пытается показать «Пари-матч». Любопытная деталь: 6 января 1976 года сто пятьдесят молодых французов, подвергшихся основательной «промывке мозгов» и ставших послушными исполнителями воли Мьюнга, были вывезены в Японию, где они будут использоваться в целях «политического мессианизма», как выразился токийский корреспондент «Монд» Робер Гиллэн, который еще 31 мая 1975 года писал:

«Молодые европейцы, которых Мун посылает на Дальний Восток, используются для поддержки массовых манифестаций, организуемых властями Южной Кореи «для защиты родины, находящейся в опасности»,— против коммунистического режима Северной Кореи. Цели Муна — чисто политические...»

ТЩЕТНЫЕ ПРОТЕСТЫ РОДИТЕЛЕЙ

Отчаявшиеся родители пытаются выручить своих детей доступными им средствами. В январе 1976 года мать двадцатидвухлетней девушки из Лиона Марии-Кристины Амадео, бывшей воспитательницы детского сада, попавшей в сети Бланшара и ставшей его рабыней в том же замке Флери в Сен-Жермен-дю-Монт-д'Ор, из которого вырвалась ранее Ариан Жеро, уговорила своих родных и знакомых силой вернуть дочь. 17 января они ухитрились схватить Марию-Кристину в парке и доставить ее домой. И что же? Ослепленная привитым ей фанатизмом девушка, улучив минуту, когда возле нее никого не было, позвонила по телефону в полицию, и тут же явились два инспектора «спасать» ее от собственной семьи. Оторвав от Марии-Кристины рыдавшую мать, полицейские вернули ее в замок Флери, и новоявленный «Наполеон» — Анри Бланшар, торжествуя, заявил представителям печати:

— Французское правительство так же, как и мы, является другом южнокорейского правительства. Полицейские нам заявили, что их задача облегчилась бы, если бы все молодые французы были такими же чистыми и послушными, как наши.

2 февраля родственники снова захватили Марию-Кристину Амадео и вернули ее домой. Но в тот же день после обеда она была опять возвращена в сообщество «мунистов»...

Неутешным родителям детей, сбитых с толку новой религией, не помогли даже протесты руководителей католической церкви, в частности кардинала Марти, осудившего действия «мунистов» как опасную для морального здоровья нации ересь.

Столь же безуспешны протесты американских отцов и матерей против превращения их детей в рабов «Иисуса из Сеула». 11 января 1976 года в газете «Нью-Йорк таймс» было помещено занявшее целую полосу платное объявление, озаглавленное: «Официальная декларация церкви объединения». Под большим портретом Сан Мьюнг Муна — текст:

«Как большая часть пророков на всем протяжении человечества, святой отец Мун подвергается атакам со стороны ревнивых вождей религии... Быстрое развитие его движения беспокоит и еще кое-кого. До сих пор наша церковь хранила молчание, но недавно эти атаки приобрели столь неприятный оборот и дали публике столь фальшивое (!) представление о нас, что мы должны сегодня заговорить и восстановить правду...»

В чем же заключается «правда» «мунистов»? А вот в чем, послушайте:

«Святой отец Мун получил от бога полномочия подготовить мир к светопреставлению. Это откровение дает ответ на все вопросы».

Видите, как это просто? Далее в этой «официальной декларации» следует перечень пороков современного американского общества: преступность, участившиеся разводы, наркотики, порнография, погоня за прибылями и за властью, пропаганда насилия и т. д. и т. п. Авторы этого хитро составленного документа уверяют, что только новый мессия спасет Америку от всех бедствий. И тут же они демонстрируют деланную обиду и возмущение:

«Родителей, обманутых утверждениями, искажающими природу нашей церкви, подстрекают нанимать гангстеров, чтобы в буквальном смысле слова похищать наших воспитанников и грубо принуждать их отречься от нашей веры». Это, заявляют сочинители декларации, нарушение первой поправки американской конституции, которая гарантирует свободу религии.

И в заключение на самых высоких нотах провозглашается анафема коммунизму, борьба с которым является, как уверяют авторы декларации, главной задачей новой религии. Стало быть, дают они понять американцам, вы должны отдать своих детей Муну, чтобы он сделал их хорошим пушечным мясом для этой борьбы...

* * *

Ну, а тем временем ловкий Сан Мьюнг Мун продолжает жить в свое удовольствие в роскошном дворце над Гудзоном, что называется, катаясь, как сыр в масле. На него непрестанно сыплется золотой дождь — щедрые покровители его «церкви» не жалеют затрат на борьбу с коммунизмом. Да и бесчисленные, принадлежащие ему самому предприятия, разбросанные по всему миру, приносят немалый доход — ведь работающие там по 16 часов в сутки его «воспитанники» не получают ни гроша. Более того, вступая в «сообщества» праведников, они вынуждены отдавать «церкви» все свое имущество и все свои сбережения.

В своей статье «Индустриальная и религиозная империя преподобного отца» газета «Монд» сообщила 24 января 1976 года, что в Корее Сан Мьюнг Муну принадлежат оружейное производство, завод красок, завод строительных материалов, чайная фабрика, предприятия по производству препаратов из женьшеня, высоко ценящихся на мировом рынке. Во Франции, он также владеет предприятием по производству препаратов из женьшеня, фабрикой в Бургуане, которая производит кожаные сумки и пояса (кстати, эту фабрику преподнес в дар «церкви» Муна ее хозяин, поверивший, что сей лжепророк и впрямь сын божий!), анонимное акционерное общество «Экспорт-импорт», основанное в 1973 году, и другие предприятия. Целый ряд предприятий принадлежит этому «сыну божьему» в Соединенных Штатах.

В таких условиях, иронически замечает журнал «Нувель обсерватер», «в своем доме из 25 комнат, в своем бронированном автомобиле марки «Линкольн», на своих двух яхтах стоимостью по 250 тысяч долларов каждая, Мун может преспокойно строить свои планы завоевания мира и умерщвления коммунизма».

А тем временем его паства гнет спины, работая бесплатно, чтобы умножать его богатства, и распевает гимн «мунистов»: «Он пришел, чтобы размягчить наши каменные сердца. Он пришел, чтобы посеять любовь и свет».

Вот уж воистину чудны дела твои, господи!

КОМАНДА

Лариса ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА

7

О разговоре с Момитой мне подробно рассказал Борисов, и я не сразу поняла, для чего. Но потом догадалась: это психологическая иглотерапия. Ведь для японского гимнаста Кимуры срыв — неизменно крушение, а я вот могу не терять оптимизма.

...Перед финальными вечерними соревнованиями я снова делаю вид, что иглотерапия мне помогает. А возможно, что причина спокойствия не в иглотерапии? Просто я не занимаюсь самоанализом... Да так ли я и спокойна?

...Думаю о двух гимнастках. Немного о Вере. Больше о Наташе. В спорте ситуация чаще всего проясняется в считанные минуты и секунды соревнований. Гимнастика подтверждает это правило. У нас тактических хитростей мало, а случайностей хоть отбавляй. Давно внушил мне Семеныч крепко-накрепко: «Никогда не думай о том, какое место займешь, и о том, как готовы другие. Об одном думай: как сделать все, что умеешь. Все!»

...Но я уже не о себе думаю сейчас. Вера... Конечно, она сильна... Победила в многоборье. Абсолютный чемпион... Два года назад каждая клеточка ее жила жаждой борьбы и победы. Тогда она добилась победы с трудом. Сейчас — легко. Ждет ли она сегодня острого соперничества? Конечно, ни один большой спортсмен и себе-то не признается, что уверен в победе... И все же, думается, острой борьбы сегодня Вера не предвидит. Она знает: нас уже нет на помосте, а Наташа счастлива и тем, что стала второй. ...Талант и характер, говорят, величины равнозначные. И равнонаправленные. Семнадцать лет. В этом ли дело? Не только. Наташа еще очень хрупкий человечек. Незащищенный. Что будет дальше — это уже другая история. Хотя нет. Все та же. Продолжение. И многое зависит от этого вечера. Сказать судьбе: «Не обижай девочку сегодня. А дальше уж она возьмет себя в руки». Фатум... Разве когда я сказала Наташе: «Ты готова, ты хорошо готова»,— это было преувеличением? Разве не верю в нее?

Сейчас Наташка гуляет вместе с Линой пс саду. О чем они говорят? О киногероях, цветах, набережной Фонтанки. О тонкой леске, которую надо купить, о рыбной ловле, грибах, психологии, университете? Наверное, о чем угодно, только не о соревнованиях. О чем они думают? О том, как сложатся сегодня соревнования. Как выдержать. Сделать все, что можешь. И еще чуточку больше. Пусть ходят вдвоем. А я с раздумьями наедине. Хоть я и посмеиваюсь над Дмитрием Леонидовичем за различные планы, но у меня составлен собственный план на вечер. Да, я спрятала купальник и не собираюсь его доставать. Но костюм с буквами, которые я пришивала в Москве,— здесь, рядом. День назад я считала: команда закончила выступать. Но я не должна была думать так. Не должна. Ведь если соревнуется хоть один человек из команды, борется она вся.

Не знаю как завтра, а сегодня я еще имею право на форму сборной команды СССР. И пойду я на соревнования в ней.

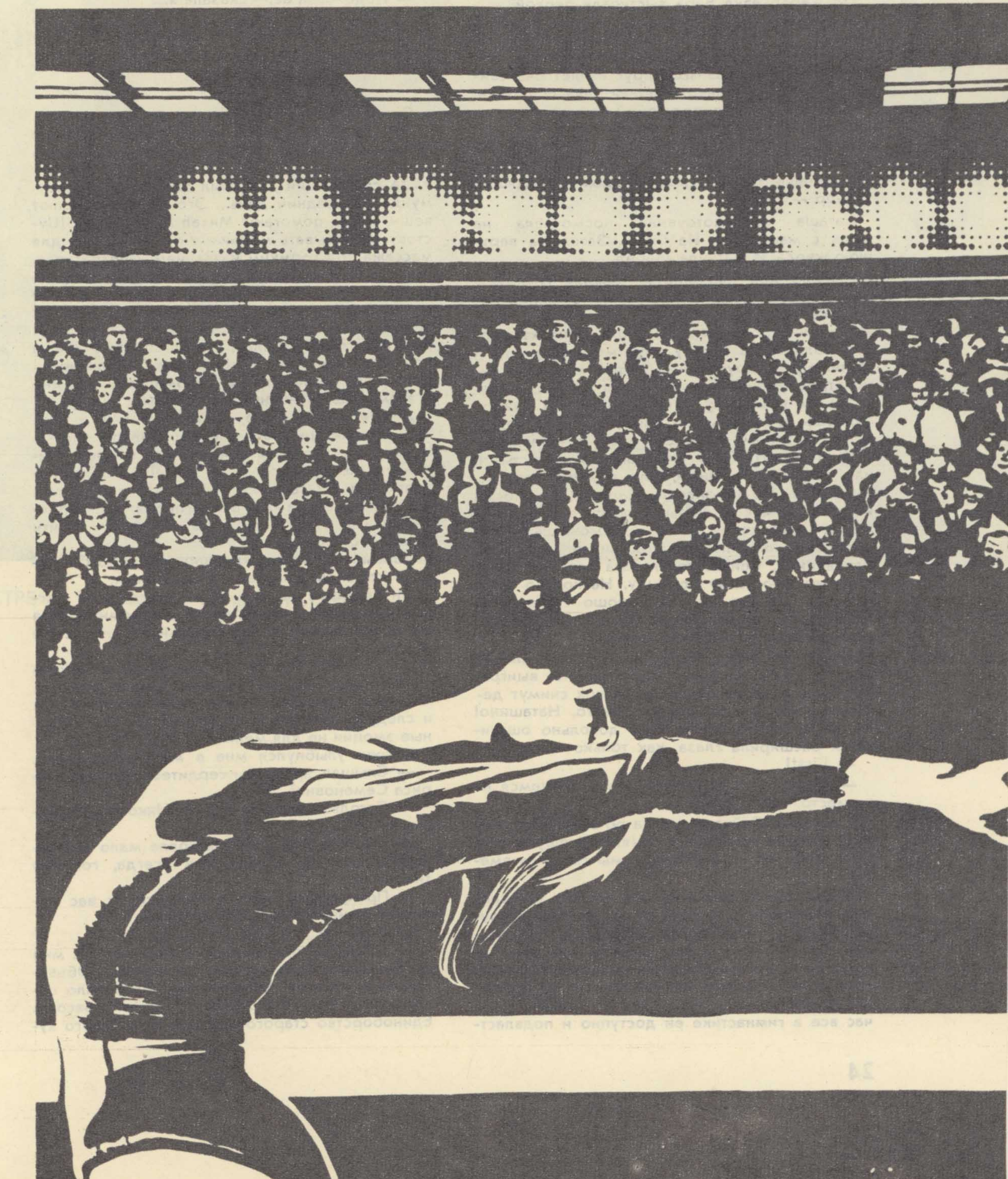
Я стала переодеваться... А когда взглянула на теплые шерстяные носки, улыбнулась... Машинально присоединила их к костюму! Привычка. Толстые носки. Будто я собираюсь разминаться, а затем сохранять дорогое тепло. Привычка? Да, и не такая плохая! Хочется тепла, и когда ты уже не выступаешь...

Раньше говорили: у меня оптимистическая улыбка. ...И все же я не думала, что буду столько улыбаться в этот вечер. Хотя когда я взглянула в зал, он снова показался мне угрожающим, опасным, как в тот печальный для меня день.

Шесть гимнасток прошли по затемненному помосту. Остановились напротив центральной ложи. В ней появился респектабельный, седоватый господин. Президент Федеративной Республики Германии.

— Признаться, я думал, что президента встретят помпезнее,— шепнул Кулатов, наклонившись к Борисову. Сегодня они сидели совсем рядом с президентской ложей. А Франьо Раселинович был ближайшим соседом рослого охранника, прикрывающего господина президента. И Франьо оценил обстановку по-своему.

— Посмотри, Митя, что за тип у меня на фланге? — Мне кажется, что мы были с ним друг против друга лет двадцать пять тому назад. А может быть, и тридцать. Шрам явно не от студенческой дуэли...

Окончание. См. «Огонек» №№ 12, 13, 14.

Началась гимнастика. С прыжков. Вера прыгала отлично. Полет смелый, стремительный. Приземление — словно завершение четкого строевого шага. Динамизм стиля ярко виден, думала я. Что ж, это — хорошее начало.

Ко мне подошла Кейко. После Кёльна и разговора о последних наших соревнованиях мы здесь только мельком виделись с японкой. Сейчас мы быстро обменялись мнениями — обошлись без переводчика.

— Прима Вера! — сказала она и подняла ладонь вверх.

— Да, да,— ответила я.— Только давай смотреть дальше.— Я развернула ее так, чтобы стать лицом к проходу, по которому пойдут гимнастки. Ведь у меня был свой план.

Говорят, что суеверны те, кто много путешествует и рискует. Тогда спортсменам это вдвойне присуще. Но дело совсем не в приметах...

Я машинально смотрела на центральную ложу. Господин президент, торжественно улыбаясь, плавным движением руки поздравил Веру, а затем протянул ей альбом. Наверное, с видами Дортмунда. Вера поблагодарила и побежала догонять финалисток на брусьях. Вот сейчас-то мне надо заглянуть Наташе в глаза. Мне надо! Ей-то это ничего не даст. На брусьях рядом с ней будет Лина. Но мне глаза ее скажут многое.

Глаза Наташи искрились... Но смотрела она не по сторонам... Вглубь. Так заглядывают в себя. Ну и хорошо. Значит, не восторженна сверх меры. Готовится девочка. Март, говорят, дарит девчонкам веснушки, а ей отдал всю синь для глаз. Я дотронулась до руки Наташи.

— Пошли, Кейко, ближе к брусьям. Там интереснее...

По жеребьевке Вера выступала первой, и я вздрогнула, когда увидела явную ошибку. Сбавка... Это плохо для Веры. Кейко покачала головой. А еще это плохо для Наташи. Бороться надо на равных. Вдруг начнет она сейчас считать, сколько составит чужая сбавка. Увидит она тогда перед собой не желтые жерди брусьев, а медаль такого же цвета. Подумает: вот оно, мое первое место. Плохо! Только почему я должна этого бояться? Почему это Наташа так подумает? Рядом выводящий тренер — Соня!

Наташа сосредоточенно посмотрела на ящик с магнезией. На Соню. Затем на верхнюю жердь. И шагнула вперед.

...Перед ней две жерди. Каждая сечением пятьдесят пять на семьдесят пять миллиметров. Разве трудно крепко ухватиться за них, когда они протерты магнезией? Одна из жердей поднята на высоту двух метров тридцати сантиметров, другая — на метр пятьдесят сантиметров. Разновысокие брусья. Можешь развести их в ширину чуть больше или сузить. Можешь увеличить или сократить пространство, в котором предстоит тебе действовать... Жерди могут быть слишком пружинистыми, или слишком мягкими, или в меру эластичными. Все это ты знаешь, Наташа. Все это ты изучила. Сумеешь ли ты показать все, что можешь? Сумеешь ли рискнуть? Сможешь ли отдать все, накопленное годами, в несколько мгновений?.. Сейчас только эта девочка представляет всю нашу команду. Несколько дней назад я сказала ей: ты хорошо готова. Так имею ли я право сейчас сомневаться? Я перевела глаза на верхнюю жердь.

...Мне не надо было после приземления долго считать десятые, чтобы понять: выиграла! Первое место! Пусть за соскок снимут десятую. Все равно первое место. Наташино! Наше! Кейко толкнула меня довольно ощутимо и расширила глаза, как только могла.

— First!

— Да, да. First!.. Теперь давай вернемся на то место — счастливое.

Суеверие! Сейчас некогда об этом раздумывать. Скорее туда, где я обняла Наташу. И снова я обнимаю ее и целую, и мы смеемся вместе.

Потом она бежит получать альбом у господина президента. И пока он торжественно вручал приз и, глядя поверх барьеров, поздравлял Наташу, я отчетливо поняла: она уже никому не уступит и следующей золотой медали. И не только потому, что равновесие на бревне «ее упражнение»,— наступили ее минуты. Сейчас все в гимнастике ей доступно и подвластно, и не я одна верю в это. Зал переливается радостными, благодарными голосами. Камертон — наша Наташа. От нее зависит тональность мелодии. Тысячи невидимых нитей протянулись от нее к людям. И этот контакт — благодарность за неожиданную дерзость, за сокрушение авторитетов...

Все безукоризненно и в упражнении на бревне. И даже когда мадам Бертини мелькнула у столика арбитра, я не ощутила тревоги... «Вестфален-халле» взорвался аплодисментами на тон выше, и синеглазая девочка с белым бантом в волосах побежала за второй золотой медалью и сувениром президента. Ему подали альбом, но он с заметным раздражением оттолкнул традиционный подарок, а затем в руках президента оказалась памятная монета, и он, улыбаясь величественно, но уже чуть принужденно, протянул ее Наташе... И она сочувственно улыбнулась президенту: «Ничего не могу поделать — так уж получается».

...Я подошла ближе к помосту, приготовленному для вольных упражнений, и здесь меня нашла Лина. Я подозрительно посмотрела в ее глаза, а она засмеялась.

— Все хорошо!

— Конечно, все хорошо!

Прошли вольные упражнения. И опять победила Наташа. Вот сейчас ее благодарили уже не за победу. За то, что она показала здесь. За открытие нового, неповторимого. Когда человек открывает бесхитростно свое сердце, к нему тянутся тысячи сердец. Это старая и вечно новая истина... И в жизни, и в искусстве, и в спорте.

Счастливо улыбаясь, шла Наташа впереди всех.

— Подождем ее,— сказала я.

— Подождем,— согласилась Лина.— Только запасись терпением. Победителей не скоро отпустят.

8

Спасибо тебе, Наташа.

...Мы сказали ей это, когда уже в гостинице пили чай с традиционным тортом — подарком чемпиону.

...А следующий день был последним в Дортмунде. Последний день... Это когда собирают вещи, когда помогают Михал Михалычу и Шустову упаковывать медикаменты и кушетку для массажа под громким названием «аппаратура». И прощаются с городом... Смотрят на модную кирху, подчеркнуто устремленную ввысь, и бочкообразные здания пивоварен, которых модерн не коснулся... И, главное, на этот зал... На «Вестфален-халле», где впервые наша команда испытала, что такое поражение... Кончилось ли испытание? Вспоминаешь все дни в этом зале. И ночные разговоры...

Да, видишь все это, но видишь уже и другое. И щемяще знакомые деревца перелеска. И речушку-змейку и грифельную полоску Ленинградского шоссе. И то бетонное поле, которое примет самолет... Будто это и не бетон, а земля, своя земля. Ведь говорят же — приземлились. Но сейчас еще до взлета почти сутки. И разговоры...

Первый с осторожнейшим тренером мужской команды Николаем Ивановичем.

Он подошел ко мне своей всегдашней мягкой походкой, а я постаралась вспомнить, где же стоял Кожин в тот печальный вечер... Не могла.

Но и вчера, когда Наташа была в центре внимания, я его не видела... Где-то рядом... И чуть в стороне... «Я свое дело выполнил, как и следует, хорошо, а остальное ваше... Полярные эмоции не для меня».

Кожин улыбнулся мне в меру приветливо.

— Слышал, вроде вы сердитесь на меня, Лариса Семеновна?

— Сегодня день не такой, Николай Иванович.

Он кивнул. В это утро в холле мало кто задерживался, но Кожин, как всегда, говорил тихо-тихо:

— Прекрасный день... Найдется у вас несколько минут, Лариса Семеновна?

— Конечно...

— ...Победа, разумеется, впечатляет... А мне вспоминался один рассказ Вересаева... Объявлен был конкурс. Художникам предстояло создать картину, отражающую идеал красоты. Единоборство старого мастера и молодого художника... Маэстро обошел в поисках совершенного образца чуть ли не весь мир. И вот в конце странствия явилось ему чудесное... Ослепительная, величественная красота. Старик вернулся и, отрешившись от всего земного, трудился самозабвенно. И в назначенный день увидели люди, собравшиеся на площади, его творение. Как же они были ошеломлены...

— Помню я этот рассказ.

— Вот-вот... Значит, вы не дадите мне ошибиться. Итак. Красота рафинированная, недоступная, великолепная... Она ослепила, а затем подавила всех собравшихся. Люди казались сами себе жалкими. А красота-то сияла божественно. И, казалось, стоит ли конкурс продолжать... Но молодой художник открыл свой холст. Увидели на картине его жену Зорьку, которая выросла в этом городе и была им всем и знакома и понятна. Помните первое их впечатление? Кощунство: девчонка, которая бегает каждое утро на рынок за зеленью и сыром — совершенство? Но потом оказалось: именно она и есть идеал красоты... Будит у людей лучшие воспоминания и чувства. Победил молодой...

— Да. И что же?

— Лариса Семеновна, я еще в школе слышал: всякие параллели и сравнения хромают. Не взыщите. Но... на досуге я спросил себя: а если бы состязание повторилось? Так сказать, вариация притчи... Какой бы был итог? Снова победила бы Зорька?

— И в этом вопросе суть аллегории?

Кожин улыбнулся уголками рта.

— Вы считаете, что искренность, молодость могут победить лишь один раз?

— Не утверждаю. Но я не стал бы занимать ваше время, Лариса Семеновна, если бы примерно такая мысль у меня не возникла... Что есть наша гимнастика? Состязания в красоте, если отбросить мелкие подробности... Великий мастер всегда велик. А молодой победитель... Сегодня-то победитель... А завтра?

— Николай Иванович. Великие-то мастера — они что же, по-вашему, молодыми не были?

— Правильно. Вам здесь и карты в руки. Побеждали... Выводы из победы — вот что важно.

— Сейчас меня больше интересуют выводы из поражения команды... А Наташина победа — это нужный импульс для девочек.

— А для вас? Что там девочки. Я ведь вам добра желаю... Послушайте, Лариса Семеновна! Есть кое-какой опыт. Отнеситесь к этой победе как к случайности. А к поражению — как к закономерности. Займете такую позицию, ориентируете руководство именно так — будет вам легче. Не потребуют тогда скоропалительных побед.

— С меня, Николай Иванович, требовать уже нечего.

— Скромность украшает... Ваше назначение, Лариса Семеновна, коль позволительно сказать правду, секрет Полишинеля.

— Да? — Я сказала это очень спокойно.— Значит, всем уже известно?

— Всем не всем. Но, как говорится... в хорошо информированных кругах.

— Не хочу я на эту тему говорить, Николай Иванович.

— До официального утверждения и не следует.

Кожин поднялся и опять чуть-чуть поблестел улыбкой и металлическими пуговицами клубного пиджака.

Я пошла в «хорошо информированные круги» — к Борисову. Номер у нашего руководителя напоминал и белизной стен и размером кухню в домах-новостройках. У мини-стола сидели Борисов и Шустов.

— Садись, Лариса Семеновна,— сказал Борисов,— я через минуту освобожусь. Ну, максимум через две. Так ведь, Виктор Сергеевич?

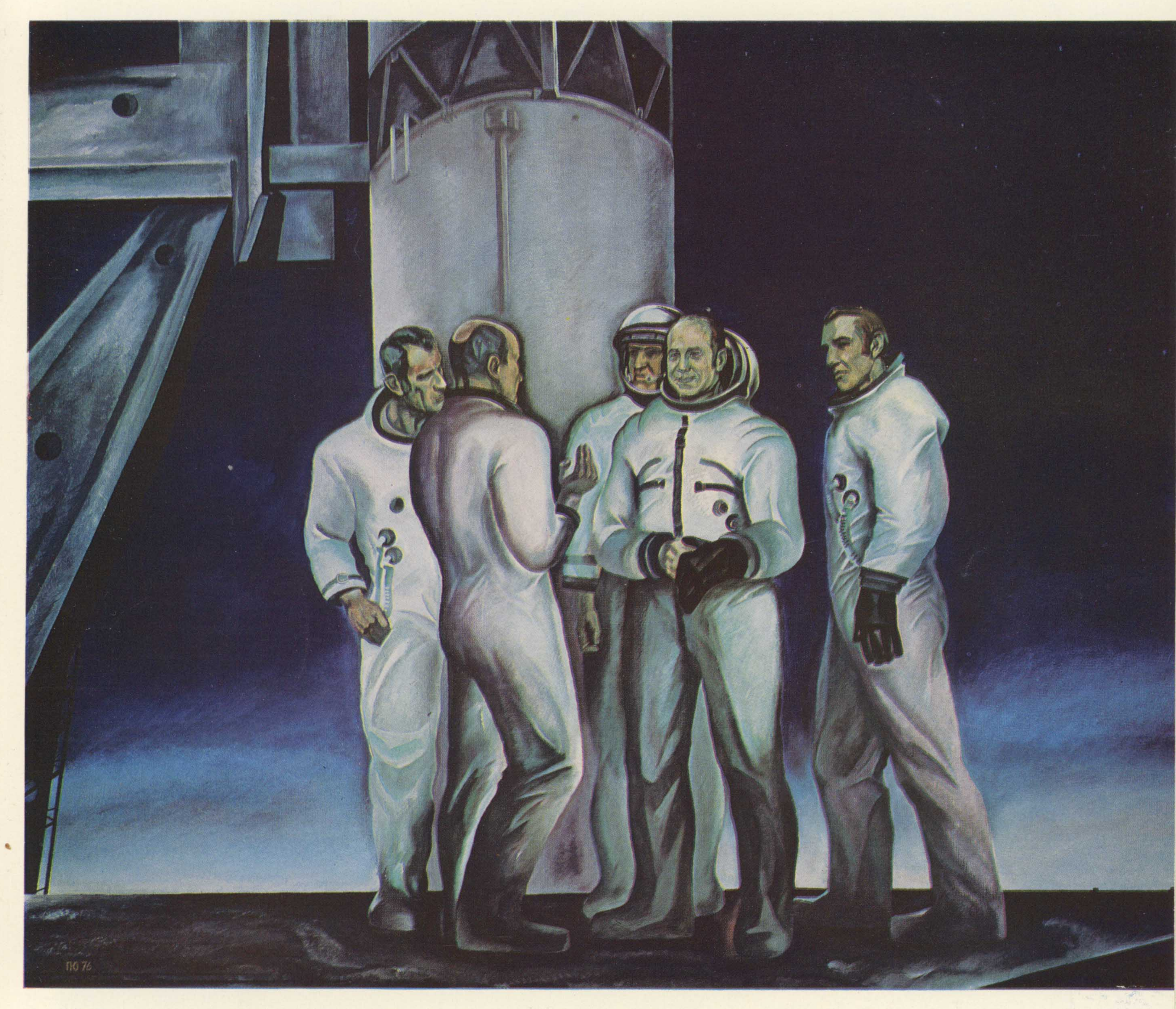
Шустов продолжал жалобным голосом:

— Дмитрий Леонидович, он же обещал только спаренный.

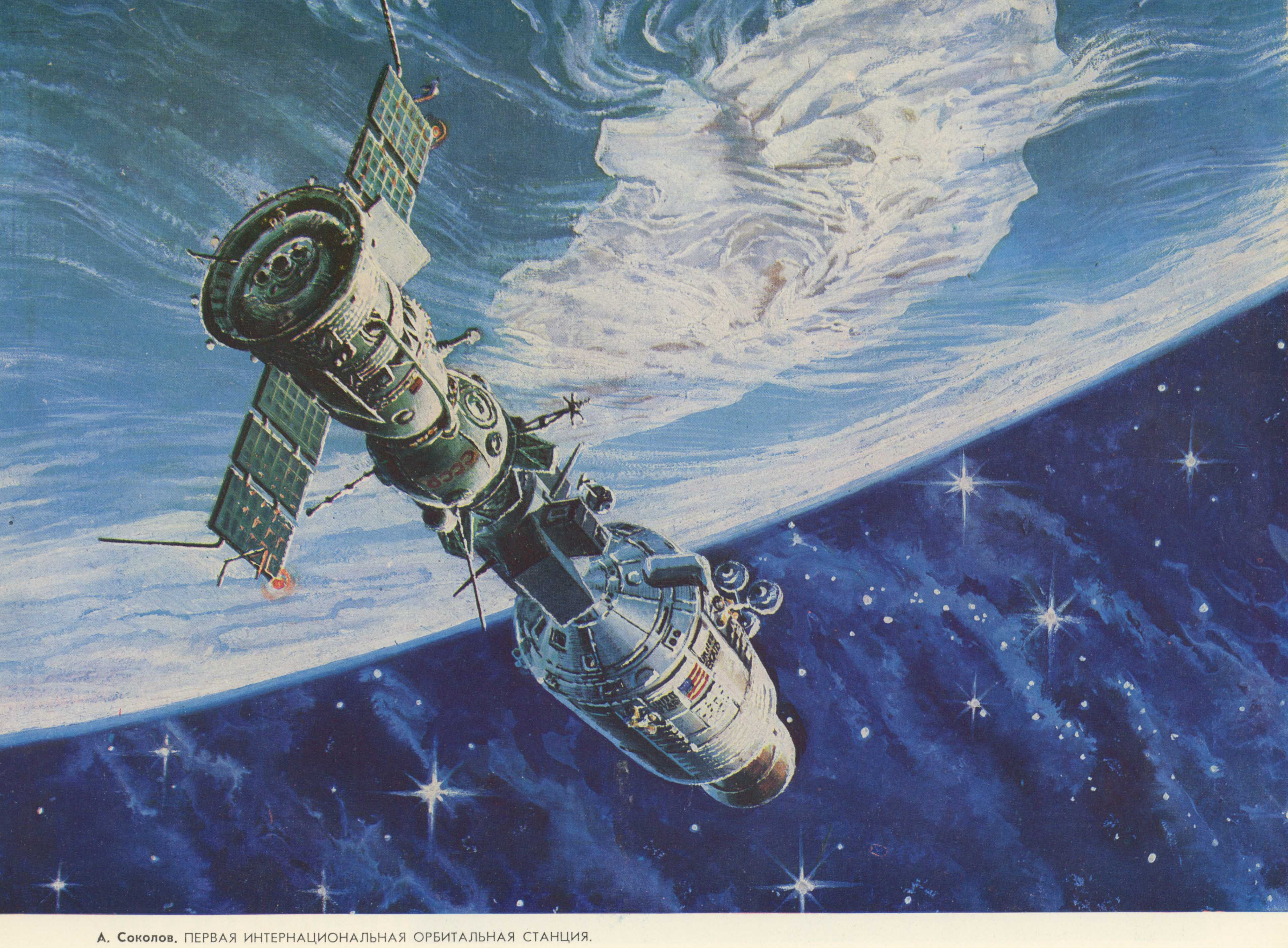
— А хоть и счетверенный. Просил телефон — он обещал. Меньше без дела будут звонить,— хладнокровно ответил Борисов.

— Спаренный... А что ему стоит чисто индивидуальный, сын мой?

— Стоит, значит... Эта тема исчерпана. А вот сейчас машина уйдет в центр, и ты оставишь свою Марью Ивановну без сувениров. Или пешком отправишься? Так это для тебя не солидно, отец наш.

Ю. Походаев. Род. 1927. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. («Союз» и «Аполлон»). 1976.

А. Соколов. ПЕРВАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ.

— Нет, зачем же...— обидчиво возразил Шустов. И встал.

— А мы на следующей, да, Лариса Семеновна?

— Можно и на следующей,— согласилась я.

Шустов вышел, и шаги его удалялись от номера медленно-медленно.

— ...Можно без дипломатических ходов, Дмитрий Леонидович? — спросила я.

— Даже нужно.

— Хотелось бы, чтобы вы меня правильно поняли...

— И с этим я вполне согласен...

— Что это за разговоры о моем назначении?

Борисов посмотрел на меня внимательно.

— Старшим тренером сборной? Какие разговоры? Мы в комитете договаривались.

— Кто мы, Дмитрий Леонидович? Я-то хорошо помню, что не договаривались. Старший тренер?..

— Какие еще сомнения?

— Дмитрий Леонидович! Я не хочу выглядеть ханжой. Утверждать, что я совсем неумеха. И главного скрывать не хочу: я так счастлива, что буду с командой. Так что это все может перевесить. Но какой же я старший тренер? Скажем, я была неплохим солдатом... Даже хорошим. А вы меня в генералы... Бывает так?

— Бывает и так. Но зачем аналогии? Давайте ближе к теме, Лариса Семеновна.

— Судя по обращению, вопрос для вас уже решен...

— Вопрос? Конечно, есть «за», есть «против». Идеально было бы с год постажироваться, привыкнуть и так далее. Однако это идеальное не может преобразоваться в материальное. Время не позволяет. Команда не может остаться без старшего тренера.

— Так человек же работает. Опытный!

— Опыт... иногда превращается в груз, который давит. Разве не так?

— Не знаю... Выглядит это по-другому. Команда проиграла, и сняли старшего тренера...

— Сняли... Без работы, что ли, оставили?

— Вот так через год-другой и мне скажут: «Безработной не будете».

— Зачем же проигрывать, Лариса Семеновна?.. А вообще снимать тренера после проигрыша — стереотипная реакция. Согласись: сейчас это делается все реже и, может быть, скоро станет исключением.

— Так зачем же увеличивать число таких исключений?

— Отвечу и на этот вопрос. Менять было решено еще до первенства. Вот посмотрели и решили...

— А нельзя ли немного перерешить?.. Вторым тренером?

— Исключено. Все уже решено. Коллегиально.

— Так меня же не спросили!

Борисов с удивлением посмотрел на меня.

— Принимайся-ка за дело. Говорят, есть две трети состава, а команды нет и наполовину. Так ли? Тебе надо ответить делом. Помнишь недавний разговор? Мы верим в тебя...

— Вы тогда прямо не ответили: по должности верите?

— Скажем, по долгу...

— Дмитрий Леонидович! Не боюсь я разговоров: «Зря доверили, рано, не справится». Но предчувствие... Наделаю я ошибок!

— Здесь ты права. Ошибки — это неизбежно. Кто же без них в жизни обходился?

— Я должна сказать... согласна?

— Можешь ничего не говорить. С месяц будут документы оформлять. А ты пока отдыхай и думай... Думай. Но кое-что надо и сейчас решить. Вот мистер Крочердс опять спрашивал, как с поездкой. А там уж надо серьезно работать.

Итак, работать. Применительно к гимнастике я не очень-то люблю это слово. Тренироваться, выступать, соревноваться, трудиться... Но понятия «работать» я не боюсь. Работать с командой... А кто-то говорит: нет команды?! Теперь будущее надо конструировать.

— Надо думать о будущем,— вслух сказала я.

— Правильно,— согласился Борисов.

— Вы-то, конечно, видите нашу команду в будущем. Сильную, непобедимую?

— Конечно.

— А как ее создать — мое дело?

Борисов покачал головой.

— Наше... Многих. Тебя в одиночестве не оставят... Так едем в город?

— В центр? Едем...

— На нашу машину рассчитывать не приходится. Там Шустов — стало быть, она скоро не вернется... Но я это обстоятельство предвидел. У Франьо должна быть машина. Пойдешь переодеваться?

— Не пойду: здесь один день осенний, другой летний. Пальто возьму.

...Когда я вышла на наш уже традиционный «пятачок» перед гостиницей, Раселинович и Борисов с интересом смотрели на подъезжающую машину. Я слышала, как Борисов спросил с удивлением:

— Франьо, ты заказал этот лайнер?

— Откуда же у меня деньги на такое чудище? — спросил тот.

«Форд» уже не модной модели, длиною чуть уступающий троллейбусу, остановился. Из него выпрыгнул шустрый человечек неопределенных лет. Левой рукой он держал огромный портфель. А правой ловко открыл дверцу. Пожилая дама в малиновом костюме строго глянула на нас и направилась в гостиницу.

Человечек забежал вперед и открыл дверь. Затем спутник пожилой дамы выскочил из гостиницы. Он по крайней мере метра на три опережал нашего переводчика. Но говорить начал первым Гейнц:

— Представляю господина Кукера — секретаря госпожи Шторх. Анна-Мария Шторх — глава мебельной фирмы... Занимается также кожаными изделиями. Крупное дело,— почтительно добавил наш переводчик.

— Да? — выжидательно полуспросил Борисов.

— Госпожа Шторх хотела бы побеседовать с госпожой Латыниной и с вами. Если это вас не затруднит, именно сейчас... Она надеется, что вы пойдете ей навстречу...

— Идти надо,— сказал Борисов без особенного энтузиазма.

Он посмотрел на Кукера. Секретарь заученно улыбался.

— Госпожа Шторх в холле?

— О, да...

— Не там же с ней беседовать... И в бар ее не позовешь, а, Лариса?

— Надо было заказывать большой номер, как полагается руководителю делегации,— заметил Франьо.

— Большой номер у Кулатова... Он осуществлял международное представительство... Гейнц, должна быть свободна приемная, где Тассен заседал. Господин президент уехал в Дюссельдорф. Лариса Семеновна, уж извините... Вот опять разговор.

— Надеюсь, что недолгий. А нельзя ли узнать, зачем я понадобилась?

Господин Кукер выслушал Гейнца и заговорил:

— Патронессу привело сюда чувство огромной симпатии к советским гимнасткам. Госпожа Шторх отлично помнит ваши выступления в Килле... Впрочем, он не может, разумеется, высказать то, что собирается сказать сама госпожа.

— Пойдем, Лариса Семеновна. Подождешь нас, Франьо?

— Идите, идите. Только не очень долго.

...Госпожа Шторх сидела за столом строгая и монументальная, но заговорила она очень экспансивно.

— Госпожа Шторх свидетельствует почтение, ее искренние симпатии... Но главное, что она хочет заявить... Она, госпожа Шторх, хочет решительно разделиться... По-русски лучше «размежеваться» с президентом республики...

Борисов оживился:

— По каким же позициям?

— Госпожа Шторх говорит так. Она считает, что вчера он, гм... О, госпожа Шторх говорит, что господин президент скомпрометировал Дортмунд... Жалкие сувениры, которые он вручил вчера вашей замечательной девушке... Ну, какое же отношение имеют к ним настоящие дортмундцы?

— Вы скажите мадам Шторх, Гейнц, что мы придаем сувенирам чисто символическое значение,— заметила я.

Дама выслушала перевод и кивнула.

— Но символика,— перевел Гейнц ее ответ,— тоже была извращена. Как иначе назвать эти манипуляции с монетками в Вестфаленхалле? И госпожа Шторх хотела бы рассеять это неудачное впечатление... В меру своих сил, разумеется.

Госпожа Шторх еще раз кивнула и глянула на своего секретаря.

Кукер быстро извлек откуда-то из-за стульев большой портфель, достал из него объемистый сверток, передал его своей патронессе, и на столе появился серебряный подносик. На подносике лежали черные кошельки.

Госпожа Шторх произнесла тише, чем раньше, несколько слов, и абрикосовые глаза Гейнца округлились, как это бывало у него всегда в интересных ситуациях.

— Десять кошельков. В них карманные деньги для ваших девочек. На духи и тому подобное... По пятьсот марок каждой... Это символика, но понятная нам — деловым людям.

— Вот ведь какое дело,— изумленно протянул Борисов и посмотрел на меня...

— Гейнц,— сказала я,— поблагодарите уважаемую госпожу Шторх, но подарки такого рода у нас принимать не принято. Мы не хотим ее обидеть... Если бы только один этот поднос с гравировкой...

— Вы поделикатнее скажите,— попросил Борисов, улыбаясь госпоже Шторх.— Мы очень тронуты ее симпатиями к нашей команде. Очень тронуты, но... скажите, никак не можем принять...

— Вот ведь какое дело,— сказал он мне,— по-своему-то она команде нашей дала высшую оценку...

...Наконец-то мы смогли вместе с изрядно заждавшимся Франьо поехать в центр Дортмунда. А вечером вместе поднялись на вершину башни «Большой Флориан» прощаться с городом.

Мы еще были в нем, но уже не на его земле. На высоте легче расставаться. Но с чем? Со спортом? Но ведь я не уходила из спорта. Со сборной? Получалось, что я и в сборной осталась. Просто уже никогда, никогда я не буду соревноваться. Когда я сказала об этом, Борисов покачал головой.

— Тоже поспешный вывод... Выступать не будешь, а соревноваться... еще сколько придется!..

Когда мы вернулись в Москву, выяснилось, что на чемпионате страны меня будут провожать еще раз. Проводили. Торжественно. В новом зале. Назывался он прекрасно — «Весна». Но с церемонией не гармонировало. Не знаю как кому, а мне и торжественные проводы не нравятся. Все-таки печально, хотя, конечно, это гораздо лучше того, что бывало раньше, когда-то. Человек выступал в последний раз. А потом получал открытку: «В трехдневный срок сдать спортивную форму».

Через несколько дней мы с Семенычем сидели в новенькой ташкентской гостинице. Я старалась говорить только о будущем. Старалась сформировать у себя совсем работоспособное, боевое настроение. Я убеждала себя: существуют в нашей жизни дни, от которых радости ждать не приходится. Так было в Дортмунде. Так и сейчас в Ташкенте. Но надо на них смотреть как-то со стороны... Пора, пора трудиться.

Я об этом сказала Семенычу. И он почему-то очень обрадовался.

— Я всегда говорил: не надо создавать трагедий там, где их не существует. Проводы... Ну что же? А куда провожают? Знаешь, найдутся люди, которые тебе позавидуют.

— Знаю, знаю. Я человек, которому всегда везет...

— Я-то тебе не завидую. Испытал, каков тренерский хлеб.

— Горек?

— Солон. Вдвойне против нормы. Да и вдвойне не та арифметика. Но если разобраться, арифметика интересная. Вот ты сейчас, Лора, уже кое-что в уме считала... Дескать, мне надо досконально знать не то шесть, не то десять. Это команда с запасными... Ведь так?

— Почти так. Похоже.

— А тренеров считала?

— Считала.

— Молодец. Только не говори, что ты и родителей сосчитала. Женихов. Мужей. Будущих детей. И преподавателей в институтах. И начальников, которые командировочные удосто-

гастроли

МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА

Много раз бывал в москве старейший театр Грузии — Академический имени Шота Руставели, и каждый раз он восхищал столичных театралов полными жизни спектаклями, замечательными актерами.

В эту гастрольную поездку театр включил свои лучшие спектакли: грустные и смешные истории о старой Грузии по пьесам классиков — Ш. Дадиани «Вчерашние» (режиссер Т. Чхеидзе) и Д. Клдиашвили «Мачеха Саманишвили» (режиссеры Т. Чхеидзе и Р. Стуруа), рассказ о руставских металлургах — «Седьмое небо» по повести Г. Панджикидзе (режиссер Г. Кавтарадзе), острый политический памфлет по пьесам П. Какабадзе — «Кваркварэ» (режиссер Р. Стуруа).

Гастроли открылись представлением пьесы Бертольта Брехта «Кавказский меловой круг» (режиссер Р. Стуруа). Первые же такты талантливой музыки (композитор Гия Канчели) переносят нас в Грузию, терзаемую междоусобными войнами. Режиссер, композитор и художник очень точно передали грозовую атмосферу в стране, которой управляют своевольные деспоты-князья, враждующие между собой даже тогда, когда завоеватели вошли в город. Образы князей, их челяди, воинов решены в острой гротесковой форме, а бытовые сцены в деревне, свадьба Груше, тяжба в суде развиваются в непринужденной реалистической манере. Контрасты эти органичны для представления. Яркая театральность подчеркивает глубокую идейность брехтовских образов, их высокие человеческие чувства.

Главную роль служанки Груше Вачнадзе исполняет молодая актриса Иза Гигошвили. Ее Груше обаятельна и простодушна. Правдиво показывает артистка, как поддалась Груше «соблазну доброты», спасая чужого ребенка. До высокого трагизма поднимается актриса в сцене встречи со своим бывшим женихом, пришедшим с войны. А Груше — чужая жена с ребенком на руках... Как объяснить это любимому Симону? Как поверит он, что не изменила ему Груше? Груше — Гигошвили трогательна: беспомощная, маленькая, вся сжалась в комок, неловко перебирает руками фартук, а лицо в немой мольбе обращено к Симону. Актриса женственна и грациозна, она легко и изящно двигается.

Дерзкого, ловкого судью Аздана блистательно играет Рамаз Чхиквадзе. Этот философствующий озорник умен и справедлив, он умеет даже в самых запутанных случаях отличить правду от неправды. Но он хочет жить и наслаждаться жизнью. Игра Рамаза Чхиквадзе преисполнена такими неожиданными ритмами и комизмом, что принимает ее зритель громким смехом и непрерывными аплодисментами.

Георгий Сагарадзе (Губернатор), Гурам Сагарадзе (Ефрейтор), К. Кавсадзе (Симон Чачава), Ж. Лолашвили (Ведущий) — словом, все актеры пластичны, музыкальны и темпераментны. Поражает их артистичность и увлеченность игрой, они просто наслаждаются лицедейством! Статистов нет в этом спектакле — каждый действует и живет на сцене.

«Мачеха Саманишвили» — бесхитростная, немного сентиментальная повесть грузинского классика Клдиашвили. Режиссеры создали на этом материале яркие по национальному колориту картинки дореволюционной провинции. Бекина (Бухути Закариадзе), его сын Платон (Георгий Гегечкори), ловкий сват Аристо (К. Саканделидзе) и Кирилэ (Рамаз Чхиквадзе) — скандалист и участник всех свадеб и похорон. Артисты играют почти без грима, в современных костюмах. Их жесты, мимика так виртуозны, точны и выразительны, что и без перевода понимаешь все происходящее на сцене. Герои забавны своим чванством и наивным лукавством. Постановщики как бы подшучивают над незадачливыми персонажами, но и жалеют их.

В другом спектакле, «Кваркварэ», — спектакле-памфлете, зло высмеивается политический авантюризм. Пьесе Какабадзе режиссер Стуруа дал новую, современную трактовку.

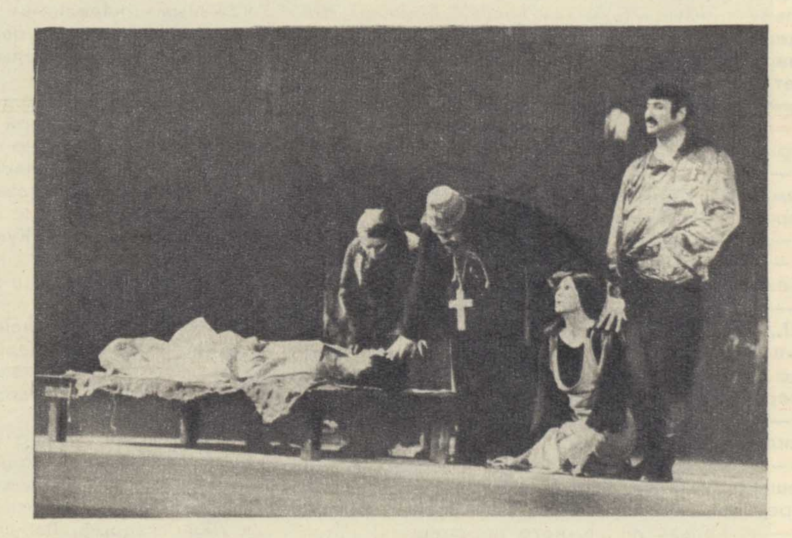
...Опустился занавес. Со сцены уносят декорацию и реквизит, артисты снимают грим и костюмы. Представление окончено. Но у зрителей оно пробудило чувства самые сокровенные, рождаемые соприкосновением с истинным искусством.

Театр Руставели всегда был славен большими художниками: Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели, Акакий Хорава, Акакий Васадзе и Серго Закариадзе, Дмитрий Алексидзе и Михаил Туманишвили...

Сейчас в театр пришли молодые режиссеры и актеры. Все они выпускники Тбилисского театрального института, вобравшего опыт многонационального советского театра. Сохраняя лучшие традиции, молодые сказали свое слово в искусстве. И театр Руставели, не потеряв былого очарования, обрел новую жизнь. Высокой сценической культурой и своеобразием отличаются все его постановки.

«Кваркварэ» и «Мачеха Саманишвили», «Вчерашние» и «Седьмое небо», «Премия» — спектакли, разные по темам, жанрам и стилю. Но каждый по-своему интересен и символичен. Ведь настоящий театр всегда символичен.

Т. ТРОИЦКАЯ

Сцена из спектакля «Кавказский меловой круг». Фото М. Бабова

верения подписывают. И бухгалтеров, которые деньги на эти командировки выдают... И где гарантия, что в числе других не окажется какой-то разгильдяй! Он не так закрепит растяжку. Упадут брусья. Ушиб. Травма. Начинай тогда считать сначала.

— Стало быть, не надо к этому стремиться?

— Сосчитать все и вся? Невозможно. Знать людей надо. И добиться главного. Думаешь — секрет? Нет. Истина давно известная — взаимного доверия.

— А как вы этого добились?

— Не «вы». А «мы». Как? Тебе скажу: не знаю. Во всяком случае, ни рассказать, ни описать не могу. Я могу рассказать, даже на пальцах не показывая, как выполнить двойной пируэт. И сделают легко. Элемент — по копейке. Но когда меня спрашивают: «Александр Семенович, как это у вас получилось с учениками?» То есть с Борисом и с тобой, я и не ведаю, что сказать... Говорю по-разному: поверили друг другу...

— Трудно мне будет.

— Конечно,— очень охотно согласился мой тренер,— трудно,— повторил он. — Когда со мною советовались, я так и сказал... А Борисов рассмеялся и говорит: «Легкой жизни мне не обещают телеграммы утренних газет». Это стихи?

— Да. «Люди мне ошибок не прощают. Притерпелась я держать ответ. Легкой жизни мне не обещают телеграммы утренних газет».

Семеныч неодобрительно покачал головой:

— Притерпелась держать ответ? Не то кредо.

— Так это же не мои слова!

— Лора! Мы повторяем чужие слова, когда что-то свое в них хотим услышать... Ты же кончила со всякими там переживаниями. Жизнь того требует. Смотри: здесь больше полгорода было разрушено. Люди переживают, но строят новый город. Лучше прежнего.

— Верно, Семеныч. В Ташкенте о своих мелочах и думать неудобно... А все же люди не могут отвыкнуть переживать по разным поводам...

— Безусловно. Даже такие черствые, как тренеры.

Он ушел. Я у окна стала угадывать. В какой стороне старый город? И что от него осталось? И где течет коварная речушка Бассу, в которой я простудилась десять лет назад, накануне отлета в Австралию. А через два дня я снова готовилась к отлету со сборной. В Японию...

До этого в Москве состоялось официальное мое оформление. Опять я поднимаюсь по лестнице приарбатского особняка. И вызывают меня в разные кабинеты. Сначала меня немного удивляло, что люди, которые знают меня кто лет двенадцать, кто чуть меньше, так внимательно разглядывают анкету. И потом медленно переводят глаза на меня: все ли правильно отражено в разных графах, та ли это Латынина. Потом я перестала удивляться. Ведь на главный вопрос, которого формально в анкете не было, я и сама не могла ответить. А меня спрашивали, по сути, об одном: «Справишься? Не подведешь?» И несколько раз очень хотелось сказать: «Откуда я сейчас знаю? Будете помогать, постараюсь справиться».

...Из особняка я пошла тем же путем, что и обычно. Конец ноября... Сколько раз уже шел в Москве и дождь и снег. А этот день, хотя и пасмурный, был неожиданно теплым. Опять последний день перед отлетом. Я немного постояла во дворе музыкального училища, где недавно слушала концерт Мендельсона...

И когда я вышла из дворика училища, в переулке было тихо по-прежнему. Может быть, это и лучше. Можно спокойно подумать, как я начну новый путь — тренером, с новой командой... Как я буду вечером по-прежнему пришивать большие белые буквы на голубой костюм. Три «С» и одна «Р». И опять, как раньше, думать о том, что все вместе они передают название твоей страны. И что когда ты наденешь форму, на которой написано «СССР», то защищать будешь, как раньше, все то, что стоит за этим словом...

И это знают все девочки новой команды. Уже знают. Значит, они будут бороться, сколько хватит сил.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ВЫСШАЯ ЕЕ НАГРАДА

В. ВАРЖАПЕТЯН

— Нас было пятьдесят молоденьких лейтенантов, только что окончивших танковое училище. После первого же боя мы оказались в госпитале — раненые, обожженные, изувеченные. Лежали и пели «Синий платочек». Сейчас из тех пятидесяти в живых осталось трое...— Этот рассказ я услышал случайно. И запомнил.

Что же это за песня про платочек? Какой силой она должна быть полна, чтобы дать человеку бесстрашие, что за слова в ней, что за музыка?

— И музыка простая и слова бесхитростные,— ответила Клавдия Ивановна Шульженко.—А бойцам она была дорога тем, что каждому напоминала о доме, о близких, о любимой. Ведь защищая их, они защищали страну. И верили, что победят. А разве может наш народ жить и сражаться без песни?

Один фронтовик (пусть простит, что не помню его фамилии) написал мне, как после страшного боя на Курской дуге он не мог разбудить своих солдат, чтобы они поели. Бойцы устали, отдав все силы бою. Но кончилась передышка, и надо было снова идти в атаку. А они не слышат ни команды, ни грохота взрывов. Тогда он крикнул: «За синий платочек!» И все поднялись, как один, словно их живой водой окропили...

Клавдия Ивановна заплакала.

Владимир Филиппович Коралли, с которым они вместе выступали на Ленинградском, Волховском, Западном, Северо-Западном фронтах, стал ее утешать.

— Клава, а ты помнишь допрос пленного немецкого летчика? Мы тогда попросили переводчика: «Спросите у него, какие немецкие артисты выступают перед вашими солдатами». А он не понимает: «Это же война! Вы что, с ума сошли? Какие артисты, это же война!» И сидит, молодой, наглый, ответы цедит сквозь зубы. Тогда офицер не выдержал, крикнул:

— Встать! Перед вами советские артисты, любимая певица Ленинградского фронта. Не щадя сил и жизни, она помогает нам драться с вами.

Да, гитлеровцу было непонятно. Конечно, он не мог понять, что советские песни были таким же оружием, как автомат и пушка.

Летчик Ростислав Родионов писал Шульженко: «Мой самолет подбили над вражеской территорией. Ранило в обе ноги. Думаю — все, не дотяну до линии фронта. Но радиомаяк передавал ваши песни. Я слушал и летел на ваш голос — посадил машину у своих. А вот ноги у меня отрезали...»

В ночь под новый, 1923 год Клава Шульженко загадала заветное желание — стать актрисой. Дрожа от страха, она пришла к режиссеру Харьковского театра Н. Н. Синельникову, известному всей театральной России; его учениками были М. М. Блюменталь-Тамарина, А. А. Остужев, М. М. Тарханов, М. М. Климов, Л. М. Леонидов. И вдруг вчерашняя гимназистка дерзко заявляет ему, что она умеет делать все — петь, танцевать, декламировать.

— Спойте «Снился мне сад». Наш концертмейстер поможет вам. Дуня, будьте добры!

Она пела, а грозный Синельников, улыбаясь, слушал.

— Как вас зовут, детка?

— Клавочка.

— Так вот, Клавочка, завтра к одиннадцати приходите на репетицию.

Молодой, худощавый пианист проводил ее к выходу.

— Вы отлично пели.

— Да? Я очень рада. А скажите, почему у вас такое смешное имя — «Дуня»?

— Так меня зовут друзья,— улыбнулся молодой человек.— Фамилия моя Дунаевский, и имя Исаак.

Началась удивительная жизнь: сцена, роли, успех. Но песня... Она не могла прожить без нее и дня.

Композитор Юлий Сергеевич Мейтус рассказывал мне, как он написал первые песни для Шульженко: «Красный мак», «Гренада», «На санках», «Колонна Октябрей», «Силуэт».

С таким творческим багажом юная актриса и решила отправиться в Ленинград — столицу советской эстрады двадцатых годов.

— Я бесконечно благодарна Синельникову за все, чему он научил меня. Сколько раз Николай Николаевич говорил: «Помни, ты актриса. Ты должна играть песню, играть, как играют спектакль, с той разницей, что ты будешь единственной исполнительницей всех ролей. Это трудно, но ты актриса, а лучшие певцы на Руси всегда были настоящими актерами».

Она стала певицей, звездой эстрады, любимицей публики. Но разве успех, яркий и шумный, можно было сравнить с той всенародной славой, которая пришла к ней в годы войны? Именно тогда Клавдия Ивановна Шульженко стала народной артисткой. Никогда прежде певица не знала такого единения со слушателями, какое испытала на фронте. Ее подвиг был отмечен наградой, которую вручают только солдатам,— орденом Красной Звезды.

В марте 1942 года ансамбль В. Коралли и К. Шульженко выступал в горно-стрелковой бригаде. Утром, после первого концерта, а было их еще в тот день три или четыре, к ней подошел молодой лейтенант Михаил Максимов, робея, сказал, что вчера написал песню.

— Мелодию я взял известную — «Синий платочек», а слова написал новые. Нашим ребятам понравилась. Если и вам понравится, то, может, вы ее споете.

В тот же день Шульженко впервые спела песню и больше с ней не расставалась.

— Где я только не пела эту песню! В Кронштадте, на Ижорском заводе, Волхове, на Ладожской трассе,— Ленинград был в блокаде... Летчикам, морякам, танкистам, раненым бойцам...

Клавдия Ивановна доставала все новые и новые письма. Скоро они закрыли весь стол. Их сотни, и это лишь малая часть признания и благодарности слушателей. Конечно, больше всего пишут фронтовики.

«Дорогая Клавдия Ивановна!

Вчера на встрече ветеранов я рассказал фронтовой эпизод, в котором важную роль сыграли вы.

В майскую ночь 1944 года разведчики 1196-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка 67-й гвардейской стрелковой дивизии вышли на поиски языка,— пленный был нужен позарез. И вот когда Гриша Давлетшин, Леша Машенков и другие ползли по нейтралке, в лесу недалеко от передовой наш армейский автофургон начал вести агитпередачу для фрицев. Передавали и ваш «Синий платочек».

В том окопе, куда направлялись разведчики, на посту стоял ефрейтор... Немец заслушался песней (он мне позже ее напел), размечтался, вспоминая о доме, о жене... Его мечты были внезапно прерваны разведчиками, прыгнувшими в окоп...

Гвардейское спасибо Вам, Клавдия Ивановна.

Бывший гвардии сержант Вальдман Кирилл Николаевич».

В День Победы она приколет к платью ордена и медали. Праздничный гул озвучит улицы. Будут идти люди, счастливые от весны, от того, что они живы, что война давно отгремела и навсегда унесла похоронки, бомбежки, голод, муки. Выйдут старые, израненные солдаты и их жены, хватившие сверх меры горя, ожидания и слез. И выйдут те, кто не дождался отцов. И те, кто не знает войны. И, поверьте, где бы в этот девятый день мая ни выступала Клавдия Ивановна Шульженко, обязательно прозвучит «Синий платочек», ее голос, ставший легендой. Тысячи сердец откликнутся на этот голос. И разве может быть для нее награда выше любви и благодарности народа, которому она помогала сражаться, который дал ей силы петь!

«ПРЕДУСМОТРЕТЬ ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР. УСКОРИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО И ОСВОЕНИЕ РЕАКТОРОВ НА БЫСТРЫХ НЕЙТРОНАХ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Такая это красота, бескрайняя донская степь... Стоит первым лучам чуть затуманенного солнца скользнуть по росным травам, как наступает ни с чем не сравнимая минута тишины... Это, наверное, самая прекрасная минута. Грань между тьмой и светом, мечтой и явью — вот что такое предрассветная минута тишины. Тот, кто хоть раз провел такую минуту на донском кургане, обдуваемый ознобистым полынным ветерком, кто видел, как нехотя выползает из оврагов до молочной белизны слежавшийся туман, как космы этой фантастической бороды с безнадежным упрямством цепляются за кусты и травы, кто чувствовал, как счастьем полнится грудь, как хочется обнять всех,— тот никогда не забудет ни этих мест, ни той минуты!

Но погодите, не спешите... Ведь следом за минутой тишины будет другая, не менее прекрасная! Прислушайтесь... Она начинается с первым, чуть хрипловатым посвистом жаворонка, с неровным, басовитым полетом шмеля, с белопенной волной, промчавшейся по седоглавому ковылю...

Но то летом. А зимой?

Не узнать донскую степь. Свищет ветер. Метет поземка. Злющий мороз выстудил поля. Промерзший ковыль. Обындевевшие метелки камыша. Бесконечные шпалеры виноградников. И... высоченная труба ТЭЦ. Остовы цехов огромного завода. Шеренги могучих скреперов. Размахивающие ковшами экскаваторы. Колонны МАЗов и БелАЗов. Чуть в сторонке — два новеньких дома: пяти- и девятиэтажный. Странновато они выглядят посреди степи. Но именно с них начинается новый город, город «Атоммаша». Слово это впервые прозвучало всего год назад, когда было принято решение о строительстве гиганта атомного машиностроения.

«Атоммаш» — одна из самых крупных и самых «скоростных» строек десятой пятилетки. Судите сами: корпуса завода еще только «вылезают» из земли, а в 1977 году предписано сдать его первую очередь. Это значит, что через год с небольшим будет заложен первый атомный реактор мощностью в миллион киловатт. Чуть позже начнется сооружение реактора, в два раза более мощного. Вот что такое темпы десятой пятилетки!

— Эти темпы сказались и на нашей работе,— рассказывает главный инженер «Гипротяжмаша» Н. Я. Киселев.— Проект завода мы сделали за четырнадцать месяцев, а это, поверьте, непросто. Начнем с того, что надо было подобрать хорошую площадку. Главное условие — близость судоходной реки. Ведь корпус реактора весит девятьсот тонн, да и размеры таковы, что доставить его по железной дороге просто невозможно. Кроме того, эта река должна быть связана с морями и расположена в европейской части страны. Дело в том, что атомные электростанции будут строиться в основном в европейской части СССР. А раз так, надо найти место, откуда судно с реактором без труда могло бы попасть в любую реку. Волгодонск в этом отношении прекрасное место: он связан с пятью морями. Вот только грунты здесь слабоваты, мы их называем просадочными. Но выход найден: под все фундаменты закладываем буронабивные сваи метрового диаметра и двадцатиметровой длины.

«Атоммаш» — первый специализированный завод по производству атомных реакторов,— продолжает главный инженер,— так что со многими проблемами мы столкнулись впервые. И все же они решены успешно: проект прошел пятнадцать экспертных комиссий и получил отличную оценку. У читателей может возникнуть вопрос: а какова необходимость в строительстве такого завода? Отвечу словами президента Академии наук СССР, трижды Героя Социалистического Труда академика А. П. Александрова:

«Атоммаш» — необычный завод. Здесь встречаются сегодняшний день и будущее. Строительство такого предприятия необходимо, потому что развитие атомной энергетики в больших масштабах неизбежно. Современное развитие народного хозяйства, науки и техники требует, чтобы удельный вес атомной энергетики постоянно повышался. Причем в будущем десятилетии темпы роста должны быть очень высокими. Если в прошлом атомная энергетика в определенной степени сдерживалась некоторыми аспектами ресурсов, то теперь эта проблема полностью решена. Бурное развитие атомной энергетики — процесс закономерный, этим будет характеризоваться конец XX и начало XXI века... Нефть, газ становятся все более дефицитными, и хотя нашей стране «энергетический голод» не грозит, тем не менее мы должны думать о будущем, когда природное топливо будет использоваться не в энергетике, а в других отраслях народного хозяйства».

— Добавлю только,— подытожил Киселев,— что производство атомных реакторов, да еще на конвейере, дело настолько сложное, что к нему подключаются практически все отрасли промышленности. И ко всем максимальные требования по части качества и надежности!

* * *

Раздерганный «газик» ползет по степи. Именно ползет, иначе не скажешь — ведь всюду котлованы, бугры, ямы, отвалы. Но покореженных плит, железобетонных блоков, тракторных гусениц и автомобильных скатов нет. Уже хорошо. Значит, стройка ведется похозяйски, бережливо... Перед нами тянется доверху нагруженный КрАЗ. В кузове — бруски и доски. На выбоине грузовик тряхнуло, и двенадцать досок свалилось на землю — я не поленился и подсчитал: именно двенадцать, и ни одной меньше. Шофер ничего не видел. Проходившие мимо рабочие остановили машину и не только помогли собрать доски, но и закрепили их намертво в кузове. Молоденький водитель суетился больше всех и все же получил крепкий нагоняй от добровольных помощников.

Наконец «газик» выскочил на взлобок и остановился.

— Отсюда все как на ладони,— сказал Юрий Данилович Чечин, начальник стройки.— Хотел показать в натуре, но уж больно не по сезону вы одеты,— вздохнул он, оглядывая наши легкие пальтишки.

— На юг ехали. Думали, в марте тут весна.

— Весна-то весна, да что-то запуржило. Может, в машине потолкуем, а?

— Нет уж, мне снимать надо! — заявил фотокорреспондент и вылез из «газика». Мы последовали за ним.

— Размах, как видите, необычайный! — восклицает Юрий Данилович.— В прошлом году на стройке было пять тысяч человек, сейчас — двенадцать, а к концу года будет восемнадцать тысяч строителей. В минувшем году мы освоили около тридцати миллионов рублей капиталовложений, а в этом выйдем на рубеж ста миллионов. Вот сводка. За сегодняшний день выполнено работ на триста тысяч рублей. Месяца через два доведем эту ежедневную цифру до пятисот тысяч. А жилья в этом году сдадим в четыре раза больше, чем в прошлом!

Правда, для этого надо решить одну очень серьезную проблему: сформировать и, если так можно выразиться, отладить коллектив. На стройке довольно много рабочих и инженерно-технических работников, прошедших школу ВАЗа и КамАЗа. Я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что именно они являются ядром мощной, вновь созданной строительной организации, которая называется «Волгодонскэнергострой». Коллектив складывается в ходе работы — сложной и творческой...— Чечин смотрит на часы.— Извините, но мне пора. Через полчаса встреча с проектировщиками. Не заблудитесь без меня? Вот первый корпус, вот третий, вот ТЭЦ... И не забывайте, главная фигура на стройке — бригадир.

Юрий Данилович сел в «газик» и умчался, а мы отправились знакомиться с бригадирами.

* * *

Наверху, там, где колонны упирались в небо, по узеньким лесенкам, мостикам и дощечкам шустро перемещались маленькие фигурки: «Эх, да мы монтажники-высотники...» Где-то среди них был и бригадир Анатолий Аношкин. Мы уже знали, что он строил КамАЗ, получил там орден «Знак Почета», обеспечен был хорошим жильем. И вдруг подхватился и умчался в Волгодонск. Вот и захотелось нам узнать, что же сорвало его с места.

Встретиться удалось лишь в обеденный перерыв. Анатолий достал выщербленную по краям деревянную ложку—«По всем стройкам со мной кочует, практичное орудие — никогда рта не спалишь!» И пошла наша беседа под огненный борщ, правда, с преимуществом Аношкина — мы-то хлебали ложками алюминиевыми.

— Сюда меня потянуло по одной простой причине,— упреждая мой вопрос, начал Анатолий.— Верхолазу что нужно: простор да высота. А в Набережных Челнах все цеха смонтированы. Само собой, сагитировал кой-кого из ребят. Коля Ткач, например, Саша Акиньшин, Слава Сергеев, Леша Евстюнин — с ними можно работать на любой высоте. Не отстают от них и ростовчане Саша Дудник и Костя Федоров. Бригада у нас крепкая, дружная. Монтажник-верхолаз — профессия особая. В нашей бригаде, например, двадцать два человека, а пробовалось больше тридцати. Тут ведь одной

Бригада скреперистов Ивана Шевченко.

Трудовая биография штукатура Лены Толстовой началась на «Атоммаше».

...аш» НАЧИНАЕТСЯ...

См. II стр. обл.

смелостью не возьмешь, нужно и вестибуляр иметь, как у космонавта. И к дружбе способность обязательна. Не случайно же мы в одиночку никогда не ездим со стройки на стройку...

— Холодно, небось, сейчас наверху работать-то? — посочувствовал я.

— Да нет, терпимо. Хуже, когда оттепель, а потом — морозец. Балки ледяной коркой покрываются, сорваться — плевое дело. Тут уж особо строго блюди инструкцию по технике безопасности!

Анатолий помолчал, словно припоминая что-то, и потом спросил:

— Похвастаться можно?

— Давай! — кивнул я.

— Пошли, покажу автограф бригады. Мы его оставили на первой 28-тонной колонне, которую смонтировали 22 декабря 1975 года. Теперь этих колонн — многие сотни. Но первая есть первая!

— Гордитесь?

— А как же! Правда, в лидерах ходить довольно хлопотно: все норовят догнать, а то и перегнать. Это как в спорте — обыграть лидера всем хочется. Вот и приходится на каждую смену выходить предельно собранными, работать с полной отдачей. По-моему, это здорово! Ведь именно так рождается настоящее соревнование. А без него не может быть ни одного большого дела!

* * *

С бригадиром маляров-штукатуров Галиной Мирзоян разговаривать было удивительно легко. Я попросил рассказать о бригаде, а потом сидел и слушал, стараясь не пропустить ни слова.

— Сперва несколько слов о себе. Лучшие годы своей жизни я провела на КамАЗе. Набережные Челны начинала с первого колышка, а уезжала, оставив восемьдесят домов, немало школ, детских садов и магазинов. Так что бригада Филяшиной, — это моя девичья фамилия, — свой вклад на КамАЗе имеет. Я говорю, что лучшие годы провела там, и говорю это, нисколько не покривив душой, хотя мне и пришлось пережить настоящую драму: сорвалась я с пятого этажа и так разбилась, что полгода пролежала без движения. Врачи думали, что вообще не встану. Но, как видите, встала! Чего это стоило, знаю я да несколько друзей, которые помогли мне в те горькие дни... Позже они уехали в Волгодонск. Могла я жить без них? Нет, конечно. Собрала пожитки и на самолет!

Получила бригаду шестнадцатилетних девчонок и начала учить их: и как держать кисть с мастерком и как жить на свете — словом, и за бригадира и за мать. Я глубоко убеждена, что стройка любит тех, кто любит ее. Ведь ради чего-то бросают же люди насиженные гнезда в Тольятти или, скажем, в Набережных Челнах и едут в степь, чтобы снова мерзнуть в вагончиках, тесниться в общежитиях. Значит, движет ими какая-то сила, не принимающая в расчет соображения бытового характера. Мне кажется, сила эта — любовь к своей профессии и желание оставить след на земле. Ведь именно так рождались Магнитка и Днепрогэс, ВАЗ и КамАЗ. Так рождается и «Атоммаш»!

* * *

Воскресенье мы решили посвятить рыбалке. На наше счастье стих ветер, выглянуло солнце — все так и засияло в последнем зимнем убранстве. И мы отправились на море.

Автобус до плотины идет всего десять минут. И вот мы на отполированном ветром льду. Народу — видимо-невидимо! Все, само собой, рыбаки-подледники, у каждого свои секреты, свое снаряжение, свое «насиженное» место. На лед мы ступили настроенные достаточно скептически — виной тому подмосковные масштабы, где десяток плотвичек считаются сказочным уловом, а уходили, прямо скажем, изрядно озадаченные: около каждого рыбака валялись жирные лещи, большущие судаки и прочая добыча.

— Да-а, вот это рыбалка! — воскликнул я.

— Ха! Я ради этой рыбалки уехал из Москвы! — прозвучало из-под ближайшего полушубка.

— Так уж и ради рыбалки? — не поверил я.

— Если быть точным: не только. Вы бы летом тут побывали. Знаете, какие здесь раки? Лучшие в Европе! Не смейтесь, я серьезно. Их даже продают за границу. А летняя зоревая поклевка! А виноградники! Чтоб вы знали, севернее этих мест виноград уже не растет. Пробовали цимлянское игристое? А шампанское, приготовленное старым казачьим способом? Нет?! Тогда считайте, что вы не пили настоящего вина. О нем стихи пишут!.. Видите, сколько соблазнов.

Вот так неожиданно судьба свела нас с бригадиром строителей, кавалером ордена Трудового Красного Знамени Анатолием Удалкиным. Ему всего сорок, а за плечами уже двадцатилетний трудовой стаж. Он действительно коренной москвич, не раз встречался с такими асами, как Геннадий Масленников, Владимир Копелев, Николай Злобин, и, конечно же, многому у них научился.

— В Тольятти я внедрял копелевский метод работы на потоке, в Набережных Челнах — злобинский бригадный подряд. Здесь, кстати, я тоже работаю на бригадном подряде. Чего греха таить, трудностей много, но ведь городто еще только начинается. И начался он во-о-н с того пятиэтажного дома — его даже отсюда хорошо видно, — который мы собрали меньше чем за два месяца. Можно бы, конечно, и быстрее, но беда в том, что дома везут к нам из Курска и Ростова, Тольятти и Чебоксар, Ставрополя и Перми. Мне нужны перекрытия, а пришел вагон с лестничными маршами, я жду стеновые панели, а на складе одни балконы. Так что монтаж с колес пока невозможен. Ничего, скоро пустим свой домостроительный комбинат, и дело пойдет! У нас такой девиз: «Даешь монтаж — три дня этаж!». Пока этот темп выдерживаем. Сейчас заканчиваем второй дом, потом примемся за школу, за детский сад.

Все эти объекты мы обязались сдавать с гарантийным паспортом. Строить с рабочей гарантией — и мое личное обязательство. Недавно меня приняли кандидатом в члены КПСС. За время кандидатского стажа я обещал добиться, чтобы рабочая гарантия стала нормой для каждого члена бригады. Думаю, так оно и будет. А новый Волгодонск должен вырасти красавцем, которому мы отдадим все лучшее, чему научились на прежних стройках.

* * *

На следующий день мы встретились с секретарем парткома «Волгодонскэнергостроя» Ю. А. Титовым, тоже бывшим камазовцем. Юрий Александрович молод — ему всего тридцать, он подтянут, энергичен, немногословен, легок на подъем и... убийственно логичен. Мнения своего никогда не навязывает, но так умело подводит к нему собеседника, что тому кажется, будто сам всю жизнь думал именно так.

Рабочий день секретаря парткома начинается в семь утра и заканчивается в десять вечера, в кабинете Титов почти не бывает.

— Главная наша задача — создать крепкий, мобильный коллектив, — говорит Юрий Александрович. — По КамАЗу знаю, как это важно и непросто. Сейчас на стройке около тысячи коммунистов и полторы тысячи комсомольцев. На них мы и опираемся. Стараемся сделать так, чтобы в каждой бригаде, на каждом участке были коммунисты, чтобы каждый рабочий четко представлял не только свои личные задачи, но и задачи всей стройки.

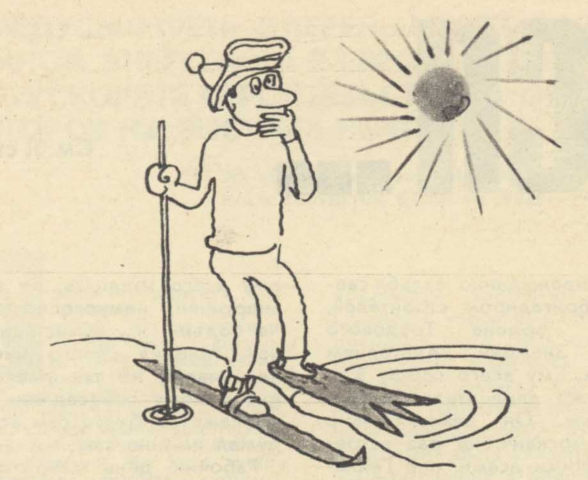
«Атоммаш» — завод настолько необычный, что даже людям, прошедшим школу ВАЗа и КамАЗа, порой приходится начинать с нуля. Вся страна помогает решать эти сложные задачи. «Атоммаш» объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Коллективы многих предприятий присылают своих лучших рабочих. Большую помощь оказывает Ростовский обком партии, обком комсомола, облсовпроф и другие общественные организации области.

И вот что знаменательно. Четверть века назад в этих степях гремела первая большая послевоенная стройка — возводилась Цимлянская ГЭС. А теперь на берегах рукотворного моря работают дети тех, кто положил начало великим свершениям. Но тон задают ветераны, такие, как дважды Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда КПСС А. А. Улесов. Свою первую Золотую Звезду Алексей Александрович получил за строительство Цимлянской ГЭС. И вот он снова приехал в эти края, чтобы продолжить дело юности и показать пример молодым.

Ребята приняли вызов знатного бригадира и теперь стараются доказать, что хоть они и не герои, но это всего лишь пока...

Идет заседание парткома стройки.

На стыке сезонов.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Без слов.

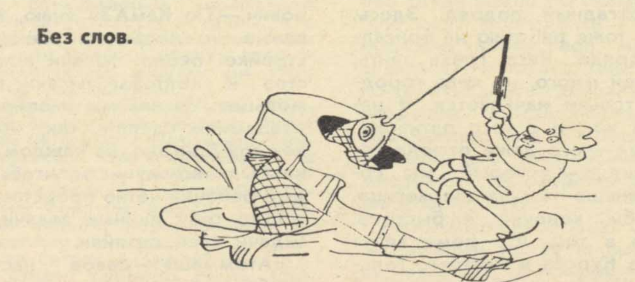
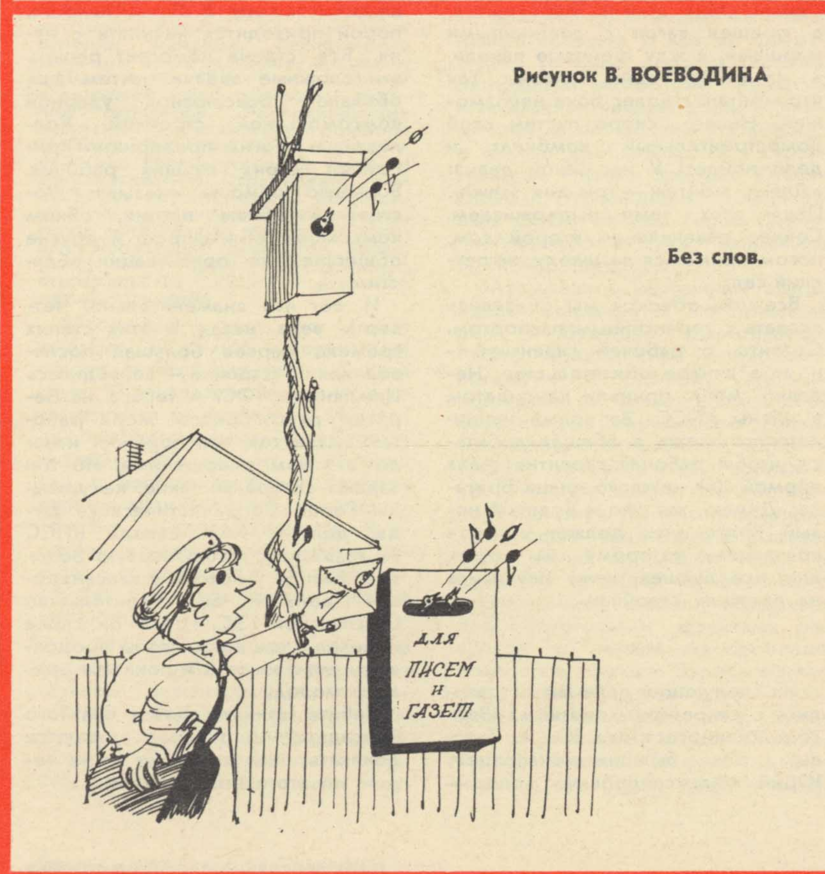
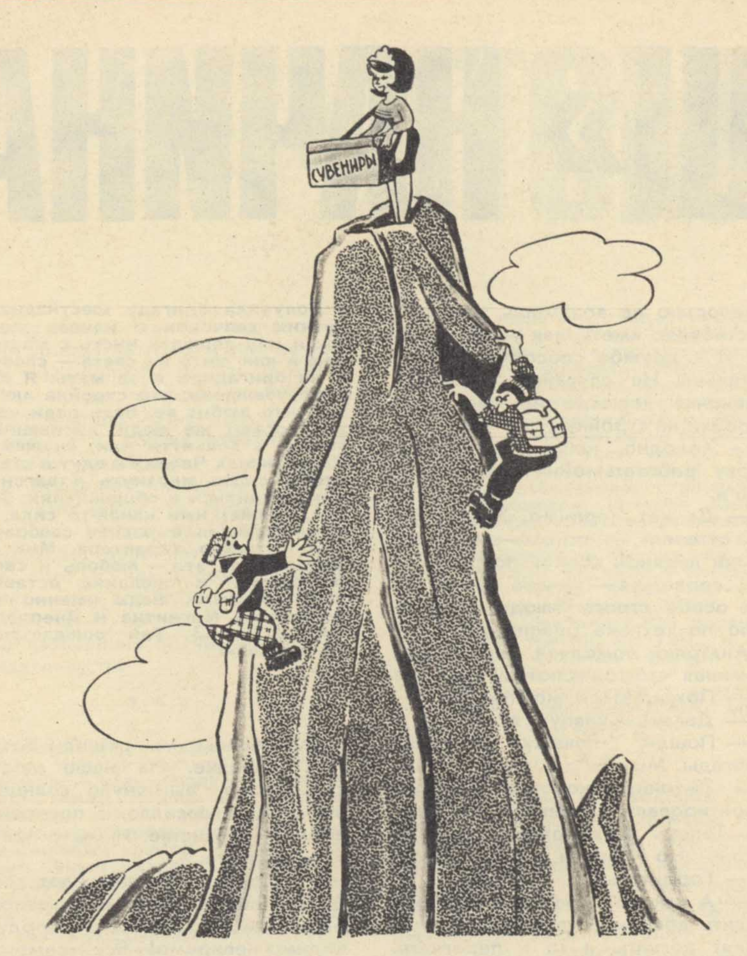

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

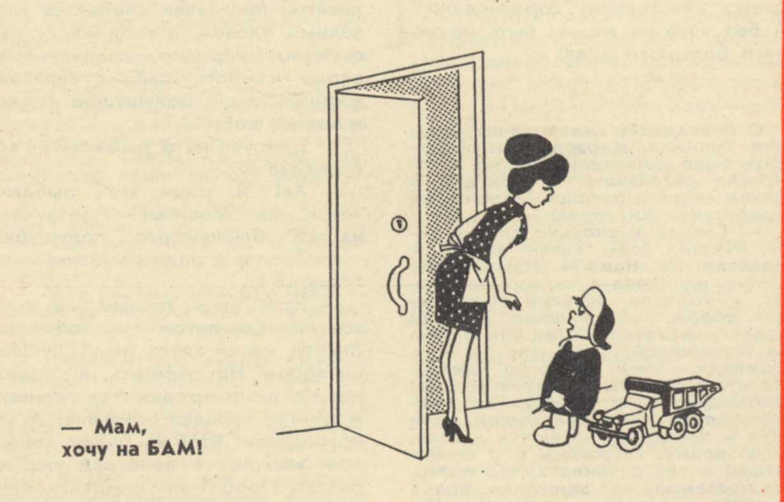
Без слов.

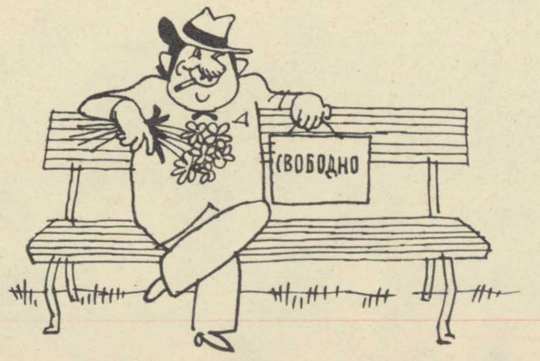
— Держись! Еще немного, и мы первыми покорим эту вершину...

Рисунки Н. ЕЛИНА

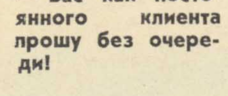

— Мам, хочу на БАМ!

Рисунки Б. БОССАРТА

Без слов.

— Вас как постоянного клиента прошу без очереди!

Иван СОЧИВЕЦ

Идеальный муж

Идеальный муж — это я. Так меня называют теща, родственники, жена и ее многочисленные подруги.

Скажу откровенно, стать идеальным мужем ничуть не легче, чем добиться ученой степени кандидата наук или звания доцента. Только степени и звания в науке стимулируются материально, а в моем состоянии одна лишь слава, да и то... Но лучше по порядку.

Начало всему положил тот день, когда окончательно исчезли свадебные закуски и нужно было думать об устройстве личной семейной жизни.

— Пора бы и позавтракать,— нежно и влюбленно напомнил я своей Лизе, которая уже почти час сидела у зеркала.

— Ха-ха! А я, между прочим, ничего не умею готовить,— весело засмеялась Лиза, не выпуская из зубов добрую дюжину всевозможных заколок.— Да и браться за картошку с маникюром...

Мне стало стыдно.

«Свинья ты!— выругал я себя.— Едва женился, а уже принуждаешь, чтобы тебя обслуживали».

С этими мыслями я отправился на кухню. Приготовил яичницу и не как-нибудь прозаически, а сдобрил кружочками колбасы, украсил зеленым луком, присыпал пахучим перцем.

— О-о! Да ты молодец!— похвалила меня Лиза, уминая яичницу.— Это блюдо навсегда за тобой.

Я радовался.

В хорошем настроении я и с работы вернулся. Лиза встретила меня с распростертыми объятиями.

— Насилу дождалась!— воскликнула она.— Приготовь чего-нибудь, смертельно есть хочется.

Кроме яичницы, я умел готовить жареную картошку и деруны.

Сели к столу, Лиза снова похвалила меня:

— Ты все-таки молодец! Жареная картошка также за тобой. Навсегда!..

Читал ранним утром на кухне, в трамвае, на работе.

Я узнал о существовании множества изумительных блюд. От их описания желудочные соки подступали к самому горлу.

Вскоре я мог готовить шницели, бефстрогановы, отбивные, биточки по-деревенски, антрекоты, почки в сметане, рыбу фаршированную. Стал варить рассольник, суп-харчо, сборную солянку. А главное — научился печь наполеоновские торты.

Теперь мы редко обедали или ужинали вдвоем. Нашими частыми гостями были родители жены.

Однажды, когда я хлопотал на кухне, до меня долетели из комнаты слова тещи:

— Ну, доченька, молись богу! Тебе попался идеальный муж. Боже ты мой, как он готовит! Я непременно приглашу твоих сестер с мужьями. Пусть они у него поучатся.

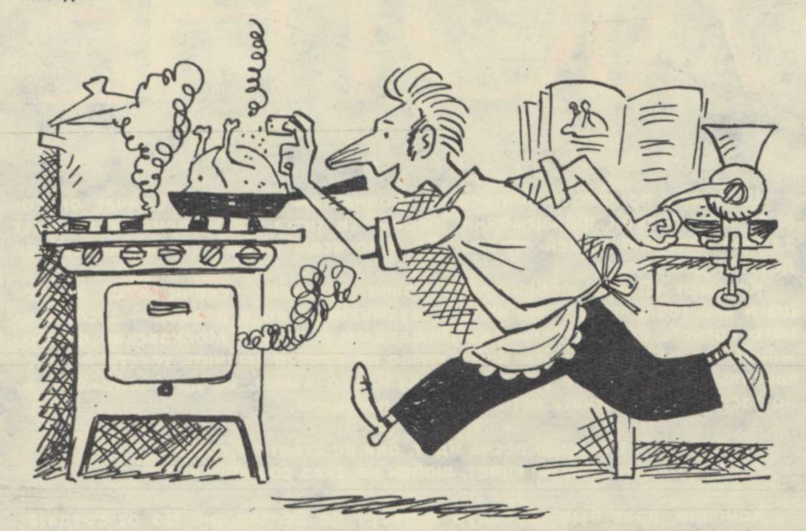
Меня аж распирало от гордости. Скоро и в самом деле к нам стали наведываться родственники. Подавая еду и приправы к ней, я сам себя хвалил и рассказывал родичам хитромудрые рецепты.

Представьте, научился готовить блюда даже из медвежатины, оленины, дикого кабана.

Вечер, когда у нас гостили подруги жены, прошел на славу. Я млел от удовольствия, слыша: «Лизочка, поздравляем! У тебя идеальный муж».

Лиза, спасибо ей, делает все, лишь бы я не переставал совершенствоваться в кулинарном искусстве. Она провела мне на кухню радио. Теперь я слушаю все новости по кулинарии...

Я, как и другие мужчины, в курсе футбольных новостей, но не визуально... Лиза, опять же спасибо ей, приобрела себе абонемент и регулярно посещает все матчи. А потом уже за ужином обстоятельно рассказывает об угловых и пенальти.

Вечером мы ели деруны.

Лиза милостиво навечно закрепила за мною и деруны.

Я гордился.

Так продолжалось неделю или две. Уже не помню. Но наступил день, когда моя Лиза бросила:

— От твоей яичницы я уже пожелтела. А от дерунов скоро посинею!

Я чуть не подавился.

«Ну и оболтус!— подумал я про себя.— Даже корову не кормят все время одними жмыхами. То сено ей дают, то кукурузу. А я держу такое нежное создание на одной яичнице и дерунах».

После серьезного раздумья я купил книгу по кулинарии.

Читал ее запоем, где только мог.

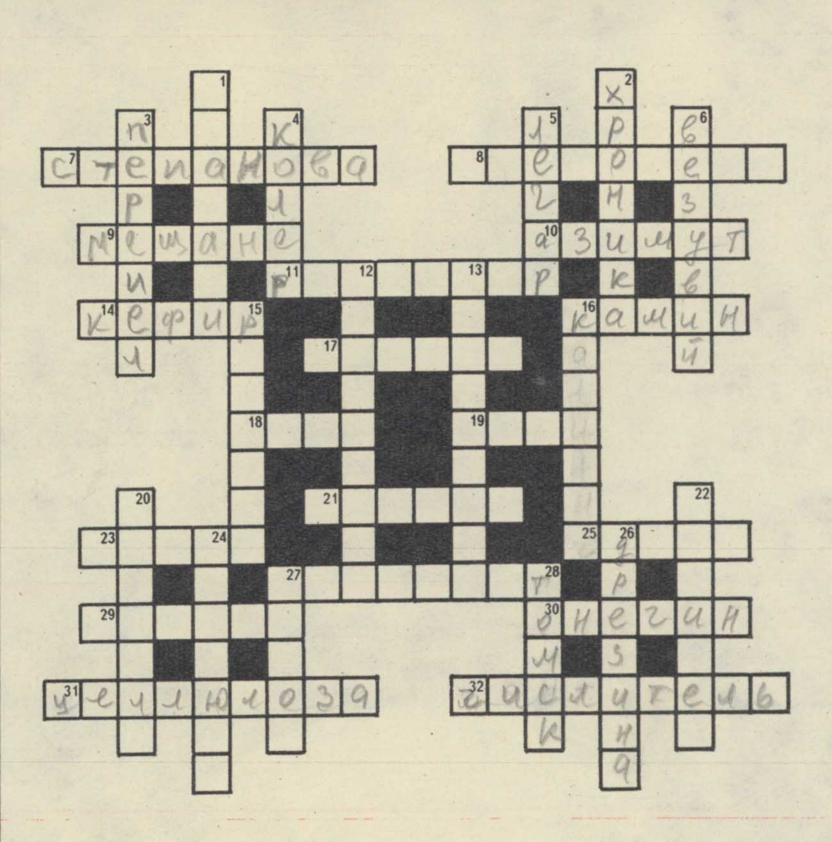
Большое содержание в словах «идеальный муж». Но воспринимаю я их несколько самокритично, только как аванс. А посему я уже взял на себя стирку белья, натирку паркета, вязание свитеров и штопку носков.

Одно только беспокоит меня. Чем больше меня хвалят женщины, тем чаще я получаю анонимки. Вот одна из них: «Ты — предатель! Если сам нарядился в юбку, то хоть не разлагай морально женщин. А то мы из тебя сделаем ростбиф!»

Теперь и на рынок опасно ходить. Еще покалечат...

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Актриса МХАТа. 8. Прибор для измерения скорости ветра. 9. Пьеса М. Горького. 10. Угол между направлением на север и заданным движением. 11. Зубчатая передача. 14. Молочный продукт. 16. Комнатная печь. 17. Старинное военное гребное судно. 18. Государство в Западной Африке. 19. Пушной зверь. 21. Наука о природе. 23. Снежная буря. 25. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». 27. Образец, шаблон. 29. Меховая шапка. 30. Герой оперы П. И. Чайковского. 31. Сырье для бумажной промышленности. 32. Часть дроби.

По вертикали: 1. Река в Грузии и Азербайджане. 2. Запись исторических событий. 3. Птица семейства фазановых. 4. Цвет краски, оттенок. 5. Венгерский композитор, автор оперетт. 6. Вулкан в Европе. 12. Основа ладового строения музыки. 13. Лечение дозированной ходьбой. 15. Немецкий физик. 16. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 20. Хлопчатобумажная ткань. 22. Ближайшая к земле точка орбиты Луны. 24. Стихотворный размер. 26. Железнодорожная тележка. 27. Римский историк. 28. Областной центр в РСФСР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 6. Паустовский. 8. Ирригация. 9. Орловский. 13. Цедра. 14. Креветка. 15. Перископ. 16. Наина. 18. Никель. 19. Гейзер. 24. Манто. 26. Птолемей. 27. Зеландия. 28. Палаш. 30. Аквамарин. 31. Гладиатор. 32. «Шоколадница».

По вертикали: 1. Канарейка. 2. Эсминец. 3. Острава. 4. «Живописец». 5. Фармацевт. 7. Плисецкая. 10. Шадрин. 11. Степанакерт. 12. Универсиада. 16. Налим. 17. «Алеко». 20. Одоевский. 21. Аншлаг. 22. Радиозонд. 23. Генератор. 25. Медведица. 28. Помидор. 29. Шезлонг.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юрий Алексеевич Гагарин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Байконур, стартовая площадка. Установка ракеты-носителя с космическим кораблем «Союз-19». Фото А. Моклецова (АПН)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-36-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 252-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/III — 1976 г. А 00647. Подп. к печ. 6/IV — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 753. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 1967.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

А. СТЕПАНЕНКО

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Мы с Геннадием Михайловичем Пищаевым возвращались после концерта в Гнесинском институте. Сквозь снегопад мерцали фонари, неоновые вывески, витрины. А в концертном зале всего лишь несколько минут назад дрожало пламя свечей, звучали струны лютни. Там искусство, словно машина времени, перенесло нас в эпоху Тангейзера, странствующих рыцарей, Ричарда Львиное Сердце...

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают,—

писал Шекспир; он сам любил слушать игру на лютне.

В «счастливом единении» звучали виола да гамба Марка Вайнрота, виола Анатолия Гринденко и лютня Шандора Каллоша.

Собственно, Шандору Каллошу мы и обязаны тем, что удивительный этот концерт состоялся. Известный композитор, написавший музыку к ста кинофильмам, автор интересных симфонических произведений, он встретился с лютней случайно: этот старинный инструмент ему подарили друзья, но играть на нем он не умел, а научить было некому... «Твоя, о Рейнмар, лютня отзвенела!»— скорбил о своем учителе прославленный миннезингер Вальтер фон дер Фогельвайде. Потом отзвенела и его лютня и лютни других странствующих певцов. А несколько веков спустя благородный инструмент умолк совсем, вытесненный скрипкой и гитарой.

ЦВЕТЫ НА ЛЮТНЕ

Шандору пришлось учиться по фолиантам XVI века. Сейчас он солист Московской филармонии, первый и пока единственный лютнист за всю историю нашей страны. Да и во всем мире едва ли наберется десяток его коллег.

Концерт «Песни любви» потребовал огромных усилий от Ш. Каллоша и его товарищей — не только музыкантов, но и певцов — заслуженного артиста РСФСР Геннадия Пищаева и солистки Московской филармонии Раисы Котовой. Им предстояло не просто выучить тексты на провансальском диалекте древнефранцузского языка, на древненемецком, но заставить их звучать естественно и поэтично.

Коль не от сердца песнь идет, она не стоит ни гроша,
А сердце песни не споет, любви не зная совершенной.

Конечно, прав был трубадур Бернарт де Вентадорн. Но от создателей концерта, дерзнувших вернуть к жизни рыцарские песни, требовалась не только сердечность исполнения, но одержимость, страсть познания.

— Я испытал огромную радость, прикоснувшись к старинной музыке,— признается Г. Пищаев.— Это наслаждение трудно выразить словами.

Когда нежнейшее, хрустальное альтино Пищаева уступает мощному контральто Р. Котовой и вновь рождается из тишины, с чем, действительно, можно сравнить до сих пор не слышанное!.. Мне их прекрасный дуэт напомнил ночное небо с золотым росчерком упавшей звезды. Благодаря их яркому таланту, благородной проникновенности в мир музыки нам вдруг стали близки песни Жофре Рюделя, Германа дер Дамена, Гийома д'Амьена, их любовь, их печаль... Это чувство родства и братства с жившими давным-давно поколениями необычайно важно. Ведь нить, связывающая человека с человеком, никогда не обрывается: иначе не было бы нас самих.

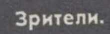
◀ Р. Котова.

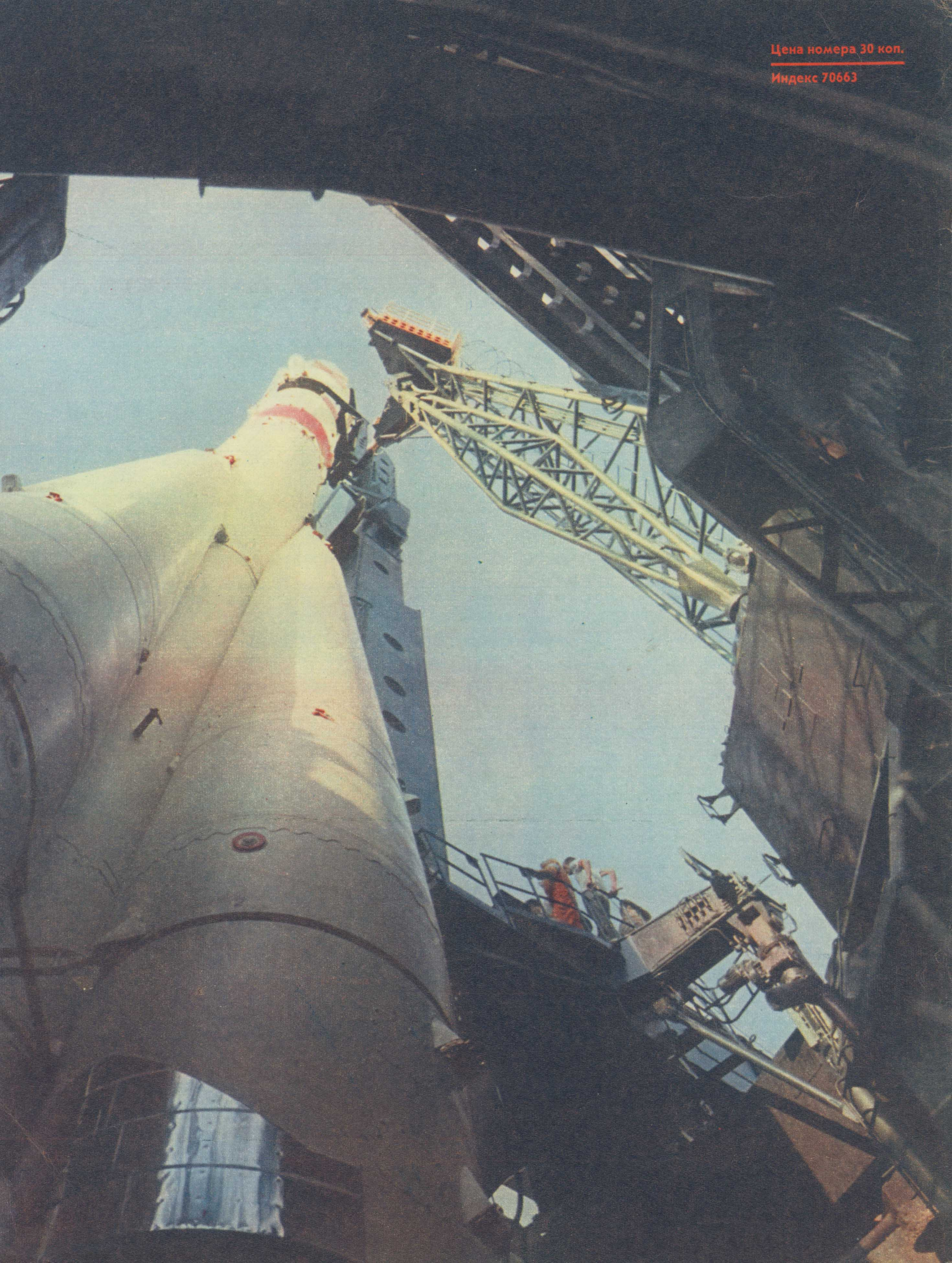
Перед концертом: Ш. Каллош и Н. Миронов.

Поет Г. Пищаев.

Зрители.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663